

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 20 · № 4

• 2023 •

Vol. 20 · No. 4

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2023

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2023

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- Категорию 1 (К 1) журналов, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich’s Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» настоящий журнал знаком информационной продукции не маркируется.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of sciences must be published;
- Category 1 (K 1) of the list of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database “Russian science citation index”;
- Ulrich’s Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
- legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии – главный редактор

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабуриин Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лузилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасой, Неаполь, Итальянская Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Дерншев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Коэн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Манчестерский университет, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Хамедов Иса Ахлиманович – доктор юридических наук, профессор, имеет дипломатический ранг (Университет мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан);

Хоссейн Мд Саззад – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 20, no. 4

2023

Published since 2004

Published four times a year

Previous titles of the journal:

“Vestnik of the Omsk Law Institute” ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);

“Vestnik of the Omsk Law Academy” ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online)

(second half of 2012 – first half of 2019)

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board – Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Maxim V. Bavsun – Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Isa A. Khamedov – Doctor of Legal Sciences, Professor, has a diplomatic rank, University of World Economy and

Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Manchester, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

О. А. Кожевников, О. И. Бекетов

Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования местного самоуправления в городах федерального значения 344

Д. В. Осинцев

Административная ответственность за дискредитацию деятельности органов государственной власти 355

П. Н. Потапов

Обеспечение соблюдения принципа равенства перед законом при освобождении от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения 367

А. В. Равнюшкин

Административная ответственность за насилие в сиблинговых отношениях 381

А. А. Фатьянов

Служебная тайна как элемент обеспечения национальной безопасности России 397

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Е. В. Белоусова

Защита прав сторон договора строительного подряда по законодательству Сингапура и Таиланда 406

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев, Е. Г. Ларин

Возмещение морального вреда, причиненного преступлением 417

О. В. Чельшева, С. А. Ялышев

О методах следственного осмотра 429

Информация для авторов 439

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

O. A. Kozhevnikov, O. I. Beketov

Some Aspects of the Regulatory Environment of Local Self-Government in Federal Cities . . . 344

D. V. Osintsev

Administrative Liability for Discrediting the Activities of Public Authorities 355

P. N. Potapov

**The Problem of Ensuring Equality Before the Law at Relief of Liability when Qualifying
an Administrative Offense as Insignificant** 367

A. V. Ravnyushkin

Administrative Responsibility for Violence in Sibling Relationships 381

A. A. Fatyanov

Official Secrecy as an Element of Ensuring National Security of Russia 397

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

E. V. Belousova

**Protection of the Rights of Parties to a Construction Contract Under the Laws of Singapore
and Thailand.** 406

CRIMINAL LAW SCIENCES

B. B. Bulatov, A. S. Dezhnev, E. G. Larin

Compensation for Moral Damage Caused By a Crime 417

O. V. Chelysheva, S. A. Yalyshev

About Investigative Inspection Methods 429

Information for Authors 441

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ Public Law (State Law) Sciences

УДК 342.25

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-4-344-354

EDN: ANHYKD

Оригинальная научная статья

Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования местного самоуправления в городах федерального значения

О. А. Кожевников

*Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Российская Федерация;*

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ jktu1976@yandex.ru

О. И. Бекетов

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация;

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ oi_beketov@mail.ru

Аннотация. Вопросы правовой регламентации организации и функционирования всех органов власти всегда были предметом многочисленных исследований, дискуссий и даже споров. Начавшаяся в 2020 г. стремительная новая реорганизация правовых основ единой системы публичной власти, пройдя федеральный и региональный уровень государственной власти, «споткнулась» на уровне осуществления местного самоуправления. Внесенный 16 декабря 2021 г. в Государственную Думу РФ проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» так и остался пока на уровне «предложений и замечаний ко второму чтению», что позволяет пока сосредоточиться на анализе проблемных вопросов текущей ситуации с законодательной основой местного самоуправления в России в целях избежания и учета в будущем уже имеющихся ошибок и недочетов, а также скорейшего совершенствования действующей системы его правового регулирования. Авторами настоящего исследования сделана попытка проанализировать и обратить внимание других исследователей, представителей федеральной и региональной законодательных властей на имеющиеся очевидные проблемы в законодательном регулировании местного самоуправления в городах федерального значения. На основе конкретных примеров текстов законов Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя делаются неутешительные выводы о существенном злоупотреблении законодателями этих субъектов РФ своими правами на регулирование отдельных вопросов организации и функционирования на территории городов федерального значения местного самоуправления. Представляется, что существующие коллизии должны быть как можно скорее устранены и учтены федеральным законодателем при формировании будущих законодательных основ определения особенностей осуществления местного самоуправления в городах федерального значения, поскольку возникшая ситуация серьезным образом влияет на принцип прямого и непосредственного действия Конституции РФ, а также приоритета федерального законодательства над региональным по вопросам совместного ведения РФ и ее субъектов.

Ключевые слова: вопросы совместного ведения, города федерального значения, Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, местное самоуправление

© Кожевников О. А., Бекетов О. И., 2023

Для цитирования: Кожевников О. А., Бекетов О. И. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования местного самоуправления в городах федерального значения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 344–354. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-204-344-354>. EDN: <https://elibrary.ru/anhykd>

Original scientific article

Some Aspects of the Regulatory Environment of Local Self-Government in Federal Cities

O. A. Kozhevnikov

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;
Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation*

✉ jktu1976@yandex.ru

O. I. Beketov

*Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;
Siberian Law University, Omsk, Russian Federation*

✉ ol_beketov@mail.ru

Abstract. The issues of legal regulation of the organization and functioning of all government bodies have always been the subject of numerous studies, discussions and even disputes. The rapid new reorganization of the legal foundations of the unified system of public power that started in 2020, having passed the federal and regional level of state power, "stumbled" at the level of local self-government. The draft federal law No. 40361-8 "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Power", which was submitted to the State Duma of the Russian Federation on 16 December 2021, has so far remained at the level of "proposals and comments for the second reading". This allows us to focus on the analysis of problematic issues of the current situation with the legislative basis of local self-government in Russia in order to avoid and take into account in the future existing errors and shortcomings, as well as to improve the current system of legal regulation of local self-government as soon as possible. The Authors of this study attempt to analyze and draw the attention of other researchers, representatives of federal and regional legislative authorities to the existing obvious problems in the legislative regulation of local self-government in federal cities. Specific examples of the texts of the laws of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol, allow us to draw disappointing conclusions about the significant abuse by the legislators of these constituent entities of the Russian Federation of their rights to regulate certain issues of organization and functioning of local self-government in the territory of federal cities. Evidently, the existing conflicts should be eliminated as soon as possible and taken into account by the federal legislator in the formation of future legislative framework for determining the specifics of local self-government in federal cities. The current situation seriously affects the principle of direct and immediate effect of the Constitution of the Russian Federation, as well as the priority of federal legislation over regional legislation on issues of joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituent entities.

Keywords: issues of joint jurisdiction, federal cities, the Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, local self-government

For citation: Kozhevnikov O. A., Beketov O. I. Some Aspects of the Regulatory Environment of Local Self-Government in Federal Cities. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):344-354. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-204-344-354>. EDN: <https://elibrary.ru/anhykd> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы нормативной правовой регламентации организации и функционирования властных институтов всегда находятся в фокусе научных исследований и публикаций вне зависимости от историко-правовых границ, принадлежности к уровням и ветвям власти, а также других критериев разграничений и градаций. Вместе с тем именно нормативная регуляция является важнейшим фактором и звеном обеспечения не только законности властных институтов, но и эффективности их функционирования, а также способности выполнять возложенные на них полномочия. В связи с этим представляется крайне важным обращать самое пристальное внимание на качество законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам организации власти и распределения полномочий между ее уровнями в целях обеспечения верховенства прав и свобод человека, а также создания надлежащих условий для их взаимодействия в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Названные цели качества нормативно-правового регулирования властных институтов чрезвычайно важны в свете продолжающейся трансформации законодательного регулирования конституционно-правовых основ единой системы публичной власти. В настоящее время в РФ в рамках реализации конституционных изменений 2020 г. уже действуют Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 394-ФЗ), Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации пуб-

личной власти в субъектах Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ), а в стенах Государственной Думы РФ находится на рассмотрении законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – законопроект об МСУ). Следует отметить, что кроме последнего из перечисленных, законодательные акты принимались в довольно короткие сроки и без каких-то экспертных обсуждений, а также существенных возражений со стороны властных субъектов федерального и регионального уровня. И если за прошедшее время Федеральный закон № 394-ФЗ остался в первоизданном виде и в него не вносились изменения, то за неполных 2 года с момента принятия Федерального закона № 414-ФЗ в него уже были внесены изменения 13 раз. А законопроект об МСУ вообще вызвал шквал возмущений как среди муниципальных властей, так и среди экспертного сообщества. И если в первом чтении названный законопроект оперативно одобрили 25 января 2022 г., то срок предоставления поправок ко второму чтению несколько раз переносился и остановился на дате 22 мая 2022 г. Некоторые СМИ даже писали, что к нему поступило более 900 поправок³.

Все эти факты наглядно свидетельствуют о необходимости самого пристального обращения внимания научного, экспертного и законодательного сообщества к ситуации с нормативно-правовым регулированием властных институтов в РФ, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ порядок организации и функционирования власти в РФ подчинен как положениям высшего по юридической силе акту, так и иным законодательным

¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2020. № 50, ч. 3, ст. 8039.

² Там же. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973.

³ *Мухаметишина Е., Иванов М.* Муниципальную реформу проведут после президентских выборов 2024 года // *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/10/974304-munitsipalnuyu-reformu-provedut-posle-prezidentskih-viborov> (дата обращения: 11.09.2023).

актам, и несоблюдение органами власти правовых начал и границ в своей деятельности влекут серьезные негативные последствия к доверию не только к праву, но и к самой власти со стороны населения, способствуют совершению противоправных, порой коррупционных деяний, что, конечно же, недопустимо в государстве, провозгласившем себя правовым.

В рамках настоящего исследования, с учетом степени разработанности, актуальности, научных интересов авторов данной статьи, считаем возможным акцентировать внимание на существующей законодательной практике субъектов РФ в определении особенностей осуществления местного самоуправления в городах федерального значения.

ОБОСНОВАНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ВЫБРАННОЙ ТЕМАТИКИ

Во-первых, в последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция передачи «федеральным центром» региональным властям прав и возможностей определять особенности осуществления муниципальной власти в границах соответствующего региона. Одобряя такую тенденцию, Конституционный Суд РФ неоднократно в своих решениях отмечал, что создание условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах всей территории субъекта Российской Федерации является достаточным основанием для участия органов государственной власти в законодательном регулировании

порядка формирования органов местного самоуправления, перераспределения полномочий и др. аспектов в порядке и случаях, установленных федеральным законом (постановления Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П и от 1 декабря 2015 г. № 30-П⁴).

Во-вторых, в соответствии с п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ находится установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. Механизм реализации названного конституционного положения определяют прежде всего чч. 2 и 5 ст. 76 Конституции РФ, в соответствии с которыми по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут приниматься как федеральные законы, так и в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, при этом законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым по вопросам, относящимся к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов.

Уточнение нормотворческой компетенции региональных властей в сфере местного самоуправления продолжено в положениях ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ),

⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 дек. 2012 г. № 32-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 2, ст. 8062 ; По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 1 дек. 2015 г. № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 50, ст. 7226.

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.

согласно которым местное самоуправление как одна из основ конституционного строя Российской Федерации, являющееся по своей сущности формой осуществления народом своей власти осуществляется в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации. Реализуя этот подход, федеральный законодатель на протяжении всего текста закона № 131-ФЗ предоставляет нормотворческие права субъектам РФ осуществлять регулирования местного самоуправления (ст. 6 – «Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления», статья 42 – «Муниципальная служба» и др.)⁶. Таким образом, совокупность названных положений Конституции РФ и базового для местного самоуправления федерального закона позволяет говорить о наличии в настоящее время «четких» нормотворческих границ субъектов РФ в определении особенностей осуществления правового регулирования местного самоуправления на их территориях.

В-третьих, в Федеральном законе № 131-ФЗ присутствует давно обсуждаемая отдельными исследователями [1; 2; 3] глава 11, определяющая особенности организации местного самоуправления на отдельных территориях. Абсолютное большинство норм названной главы в своем содержании определяют отсылку к специальному федеральному закону, определяющему особенности осуществления местного самоуправления в отдельных территориях, отличную от общих положений Федерального закона № 131-ФЗ. При этом анализ специальных законов совершенно очевидно говорит об их противоречивости, недостаточной степени соблюдения уров-

ня юридической техники и взаимосвязи с базовыми положениями Конституции РФ и Федеральным законом № 131-ФЗ, о чем уже неоднократно отмечал в своих публикациях один из авторов данной статьи.

Совокупность указанных «плюскастей» позволяет нам обратить особое внимание на еще одну относительно малочисленную территорию в РФ – города федерального значения, которые не только наделены правом осуществления в рамках своих границ нормотворческой деятельности в части определения особенностей организации местного самоуправления как любой субъект РФ, но и имеют специальное нормативное указание – ст. 79 Федерального закона № 131-ФЗ, которая в своем содержании предоставляет довольно широкие нормотворческие полномочия органам государственной власти субъектов РФ – городам федерального значения в части определения особенностей организации местного самоуправления на их территории по сравнению с иными субъектами РФ и «особыми территориями».

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОСОБЕННОСТЕЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

В настоящее время, согласно ст. 65 Конституции РФ на территории нашего государства имеется 3 города в статусе федерального значения – Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. В указанных городах в части определения особенностей осуществления на их территории местного самоуправления приняты и действуют Закон города Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве»⁷ (далее –

⁶ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 4 авг. 2023 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Об организации местного самоуправления в городе Москве : закон гор. Москвы от 6 нояб. 2002 г. № 56. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Закон № 56), Закон Санкт-Петербурга от 23 сентября 2009 г. № 420-79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге»⁸ (далее – Закона № 420-79) и Закон города Севастополя от 30 декабря 2014 г. № 102-ЗС «О местном самоуправлении в городе Севастополе»⁹ (далее – Закон № 102-ЗС) соответственно.

Внимательное изучение текста данных законов городов федерального значения позволяет с большой уверенностью говорить о наличии весьма серьезных проблем в юридической технике изложения и превышении властями данных субъектов РФ нормотворческих полномочий по определению особенностей организации и осуществления местного самоуправления на их территориях.

1. Во всех трех названных правовых актах присутствует воспроизведение (дублирование) норм Конституции РФ и Федерального закона о местном самоуправлении в тексте закона субъекта РФ. В качестве примера можно привести положения ч. 1 ст. 4 Закона № 102-ЗС: «Граждане Российской Федерации, проживающие в городе Севастополе (далее – граждане), осуществляют местное самоуправление посредством участия в местных референдумах, муниципальных выборах, посредством иных форм прямого волеизъявления, а также через выборные и иные органы местного самоуправления». Или положения ч. 1 ст. 1 Закона № 420-79: «Местное самоуправление как основа конституционного строя Российской Федерации признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Санкт-Петербурга». Не менее 70 % текста упоминаемых ранее законов субъектов РФ – городов федерального значения составляет текст норм федерального законодательства. Осозна-

вая дискуссионность сложившейся ситуации [4], вместе с тем полагаем, что подобная устойчивая практика реализации нормотворческих полномочий в сфере местного самоуправления не может считаться положительной. В связи с этим мы поддерживаем точку зрения профессора Г. Н. Чеботарева, который отмечает: «Региональные законы должны приниматься, исходя из действительно имеющихся потребностей в правовом регулировании тех или иных общественных отношений, не урегулированных федеральными законами или урегулированных ими недостаточно полно. Проблема заключается также и в том, чтобы законодательство субъектов Российской Федерации, как особый вид творческой деятельности, действительно было творчеством, свободным от примитивного механического переписывания норм федеральных законов, слепого копирования или бездумного подражания законодательной деятельности органов власти соседних регионов» [5, с. 5–6]. Одно дело, когда в региональных актах дублируются нормы-понятия, нормы-цели, нормы-принципы, без которых невозможно построение качественного самостоятельного нормативного акта субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения РФ и регионов и совсем другое дело, когда происходит практически полное, всестороннее и целостное воспроизведение федеральных норм, что нарушает один из принципов юридической техники – максимальная экономия норм при изложении правовых предписаний, недопущение их повторов [6, с. 71]. Полагаем, что при определении особенностей организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения

⁸ *Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге* : закон Санкт-Петербурга от 23 сент. 2009 г. № 420-79 // Электрон. фонд норматив.-техн. и норматив.-правовой информ. Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/891818221?ysclid=lmef24h921601389924> (дата обращения: 11.09.2023).

⁹ *О местном самоуправлении в городе Севастополе* : закон гор. Севастополя от 30 дек. 2014 г. № 102-ЗС // Электрон. фонд норматив.-техн. и норматив.-правовой информ. Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/413801346?ysclid=lmef5v9egf53644041> (дата обращения: 11.09.2023).

следует максимально сконцентрироваться на нормативном определении именно особенностей, а не допускать обширного и неоправданного дублирования федерального законодательства, приводящего к еще большему загромождению законодательного массива актов о местном самоуправлении, не способствующее улучшению структуры и системности всей нормотворческой базы местного самоуправления.

2. Ни в одном из законов субъектов РФ – городов федерального значения, регламентирующих особенности осуществления местного самоуправления на их территории, не дано соответствующее федеральному законодательству определение местного самоуправления. В Законе № 56 оно определено как признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность местного сообщества (жителей внутригородского муниципального образования) по решению вопросов местного значения непосредственно и (или) через органы местного самоуправления. В законах № 420-79 и № 102-3С местное самоуправление определено как форма осуществления только жителями этих субъектов РФ своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами Санкт-Петербурга и Севастополя соответственно, самостоятельное и под свою ответственность решение населением названных субъектов РФ непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения Санкт-Петербурга и Севастополя с учетом исторических и иных местных традиций. Полагаем, что такая «вольность» в интерпретации понятия местного самоуправления, имеющего свое нормативное закрепление в ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ, является очевидным несоблюдением законодателями трех субъ-

ектов РФ положений чч. 2 и 5 ст. 76 Конституции РФ. Еще одним примером «вольности» регионального законодателя в формировании особенностей организации местного самоуправления в городах федерального значения является установление норм ответственности органов и должностных лиц по основаниям, которые уже предусмотрены в Федеральном законе № 131-ФЗ. Статья 70 названного Федерального закона устанавливает, что органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления несут ответственность перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами. Обращаем внимание, что ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 131-ФЗ предоставляет право органам государственной власти субъекта РФ осуществлять правовое регулирование ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления и должностных лиц только по предметам ведения субъектов Российской Федерации, в пределах полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, также при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления могут быть наделены законами субъектов Российской Федерации. Вместе с тем, ч. 9 ст. 24 Закона № 102-3С определяет, что полномочия совета внутригородского муниципального образования могут быть прекращены досрочно в порядке и по основаниям, которые предусмотрены ст. 44 этого же Закона. При этом данная статья полностью повторяет текст норм ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ. Аналогичная ситуация наблюдается и в ст.ст. 26 и 47 Закона № 420-79.

С учетом ранее упомянутых пределов нормотворческих полномочий органов

государственной власти субъектов РФ, установленных в ст. 6 Федерального закона № 131-ФЗ, приведенные положения законов городов федерального значения грубейшим образом нарушают нормы федерального законодательства и ставят объективный вопрос об уровне их законности.

3. В законодательной регламентации местного самоуправления, которая должна властями городов федерального значения осуществляться исключительно в рамках конституционно-правового поля, присутствуют многочисленные факты применения муниципально-правовых категорий и терминов, противоречащих их установленному в федеральном законодательстве содержанию, либо наблюдается очевидное смешение терминов и понятий, существенно разрушающих единство системы правового регулирования местного самоуправления в РФ. Так, в ч. 1 ст. 131 Конституции РФ императивно закреплено, что местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. Виды муниципальных образований исчерпывающим образом определены в ст. 2 Федерального закона № 131-ФЗ путем определения категории «муниципальное образование», которая в себя включает городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения. Дополнительно в ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 131-ФЗ императивно закреплено, что местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, муниципальных и городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения. Вместе с тем в Законе № 102-ЗС города Севастополя местное самоуправ-

ление осуществляется во внутригородском муниципальном образовании города Севастополя (ч. 1 ст. 3). Согласно Закону № 56 Москвы в данном городе федерального значения местное самоуправление осуществляется во внутригородских муниципальных образованиях – муниципальных округах, городских округах, поселениях (далее – муниципальные образования) (ч. 2 ст. 1), ну и, наконец, в городе Санкт-Петербурге, согласно ч. 1 ст. 2 Закона № 420-79, местное самоуправление на территории Санкт-Петербурга осуществляется во внутригородских муниципальных образованиях – муниципальных округах, городах, поселках.

Представляется, что перечисленные нормы законов субъектов РФ относительно видов муниципальных образований, в пределах которых на территориях городов федерального значения осуществляется местное самоуправление прямым образом противоречат Конституции РФ и упомянутым положениям ст.ст. 2 и 10 Федерального закона № 131-ФЗ. Мало того, что региональный законодатель не соблюдает установленную федеральным законом терминологию названий видов муниципальных образований, он еще и позволили себе «смешивание» в рамках своего законодательного нормотворчества внутригородской территории города федерального значения как отдельного вида муниципального образования с иными, установленными Федеральным законом № 131-ФЗ видами муниципальных образований. А законодатели города Санкт-Петербурга смешали виды населенных пунктов с муниципально-территориальным делением, определяемым положениями названного федерального закона. При этом различия в данных категориях уже давно известны не только профессиональным исследователям [7; 8], но и отчетливо разъясняются студентам образовательных учреждений в рамках образовательного курса «Конституционное право» и «Муниципальное право».

Можно и далее приводить примеры «дефектного» законодательного регулирования местного самоуправления региональными властями в городах федерального значения в рамках реализации последними переданных им от федерального центра полномочий устанавливать отдельные особенности организации и осуществления местного самоуправления на территории городов Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя.

Нарушение принципа правовой определенности (неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования) в законодательстве и правоприменительной практике по смыслу последовательно высказываемых Конституционным Судом позиций является недопустимым, поскольку препятствует надлежащему уяснению содержания соответствующих норм и предписаний, открывает перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод¹⁰. Совершенно очевидно, что допущенное законодателями городов федерального значения избыточно широкое усмотрение в определении видов муниципальных образований, особых механизмов реализации местного самоуправления на этой же территории явно влечет нарушение не только принципов равенства и верховенства закона, но и гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан в сфере местного самоуправления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематика качества законодательства о местном самоуправлении не нова. К ней обращались и обращаются многочисленные исследователи [9; 10]. Однако, как правило, акцентом подобных исследований и многочисленных публикаций является раскрытие фактов многочисленных недочетов и противоречий на уровне либо федеральных, либо муниципально-правовых актов. Научных работ и исследований качества регионального законодательства в области местного самоуправления немного, а проблематика дефектности законодательства о местном самоуправлении в городах федерального значения остается до настоящего времени «пробельной» и неисследованной. Не это ли является одной из причин весьма вольного режима реализации государственными властями городов федерального значения своих полномочий в области установления особенностей осуществления местного самоуправления на данных территориях и пассивности органов прокуратуры и юстиции по обеспечению единства правового пространства? Хотелось бы, чтобы настоящее исследование дало хотя бы малый толчок широкому осмыслению заявленной проблематики и побудило уполномоченных представителей государственной власти городов федерального значения к неукоснительному соблюдению положений Конституции РФ и Федерального закона № 131-ФЗ, скорейшему приведению неоднократно упоминаемых в настоящей публикации законов в соответствие с нормами Конституции РФ и федеральных актов.

Список литературы

1. Шугрина Е. С. Особенности организации местного самоуправления на отдельных территориях // Муниципальное право. 2012. № 4 (60). С. 7–14.
2. Ветренко И. А., Шевченко С. А. Специфика организации местного самоуправления на отдельных территориях Российской Федерации: политологический анализ // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 1 (25). С. 131–141. DOI: [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(1\).131-141](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(1).131-141)

¹⁰ Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)»: одобрено решением Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 дек. 2020 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Ежукова О. А. Территории с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 36–45. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-3-36-45>
4. Упоров И. В. Дублирование нормативного текста в правовых актах: теоретические основы и юридическое значение // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8 (85). С. 66–71. DOI: <https://doi.org/10.24158/rep.2020.8.12>
5. Чеботарев Г. Н. Федеральное и региональное законодательство: единство и различие // Пять лет региональному законодательству: проблемы, опыт, перспективы : тез. выступлений участников межрегион. науч.-практ. конф. (Тюмень, 19–20 марта 1999 г.) / под ред. Н. П. Марова, В. А. Юдашкина. Тюмень, 1999. С. 5–8.
6. Крохина Ю. А. Правотворчество субъектов Российской Федерации в бюджетной сфере // Журнал российского права. 2001. № 5 (53). С. 70–77.
7. Шурина Е. С. Соотношение понятий «муниципальное образование», «административно-территориальная единица», «населенный пункт» // Городское управление. 2013. № 1 (198). С. 30–43.
8. Хлуднев Е. И. К вопросу о разграничении понятий «Граница муниципального образования», «Граница населенного пункта» и «Граница административно-территориальной единицы» // Мир науки. 2014. № 2. С. 5.
9. Лютцер В. Л. Дефекты законодательства о местном самоуправлении и возникающие отсюда сложности правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 48–56.
10. Бялкина Т. М. Проблемы качества законодательства в сфере местного самоуправления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 1 (6). С. 61–69.

References

1. Shugrina E. S. Peculiarities of the Organization of Local Self-Government in Certain Territories. *Municipal Law*. 2012;4:7-14. (In Russ.).
2. Vetrenko I. A., Shevchenko S. A. The Specifics of the Organization of Local Self-Government in Certain Territories of the Russian Federation: Political Analysis. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*. 2020;7(1):131-141. DOI: [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(1\).131-141](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(1).131-141) (In Russ.).
3. Ezhukova O. A. Territories with a Special Public and Legal Status as a Factor of the Russian Federal Policy. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;3:36-45. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-3-36-45> (In Russ.).
4. Uporov I. V. Duplication of Normative Text in Legal Acts: Theoretical Basics and Legal Significance. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2020;8:66-71. DOI: <https://doi.org/10.24158/rep.2020.8.12> (In Russ.).
5. Chebotarev G. N. Federal and State Legislation: Consonance and Difference. In: Marov N. P., Yudashkin V. A. (Eds.). *Five Years of State Legislation: Problems, Experience and Prospects*. Tyumen, 1999. P. 5–8. (In Russ.).
6. Krokhina Yu. A. Law-Making of the Subjects of the Russian Federation in the State-Financed Organizations. *Journal of Russian Law*. 2001;5:70-77. (In Russ.).
7. Shugrina E. S. Correlation of the Concepts of “Municipal District”, “Administrative Division”, “Settlement”. *Urban Management*. 2013;1:30-43. (In Russ.).
8. Khludnev E. I. To the Delimitation of the Concepts of “Municipal Boundaries”, “Boundary Settlement” and “The Boundaries of Administrative-Territorial Unit”. *World of Science*. 2014;2:5. (In Russ.).
9. Lyutzer V. L. Defects of Legislation on Local Self-Government and Arising Law Enforcement Difficulties. *Constitutional and Municipal Law*. 2017;11:48-56. (In Russ.).
10. Byalkina T. M. The Quality Problems in the Local Government Sphere. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. 2009;1:61-69. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Олег Александрович Кожевников, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (ул. Комсомольская, 21, Екатеринбург, 620066, Российская Федерация), профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45, Екатеринбург,

ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Kozhevnikov, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation (21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg, 620066, Russian Federation), Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Ural State University of Economics (62/45 The 8th March/Narodnaya Volya St., Yekaterinburg, 620144,

620144, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>; e-mail: jktu1976@yandex.ru;

Олег Иванович Бекетов, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России (ул. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), заведующий кафедрой конституционного и административного права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник образования Омской области; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9219>; e-mail: ol_beketov@mail.ru

Russian Federation), Doctor of Law (habilitated degree), Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>; e-mail: jktu1976@yandex.ru;

Oleg I. Beketov, Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Agencies of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (7 Komarova St., Omsk, 644092, Russian Federation), Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Siberian Law University (12 Korolenko St., Omsk, 644010, Russian Federation), Doctor of Law (habilitated degree), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Education Worker of the Omsk Region; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9219>; e-mail: ol_beketov@mail.ru

Поступила | Received
15.09.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
29.09.2023

Принята к публикации | Accepted
19.11.2023

УДК 342.95

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-4-355-366

EDN: ASPNLG

Оригинальная научная статья

Административная ответственность за дискредитацию деятельности органов государственной власти

Д. В. Осинцев *Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация*✉ dimios@mail.ru

Аннотация. Предметом анализа выступают отношения и деятельность правоохранительных органов, связанные с квалификацией административных правонарушений, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил РФ и органов государственной власти в условиях недружественного отношения и вооруженного противостояния отдельных стран. Целью исследования является прояснение феномена вербальных и интенциональных правонарушений психоэмоционального типа, особенностей построения, конструкции и деконструкции основных элементов состава такого типа административных правонарушений, уяснение критериев разделения условно правомерного и категорически противоправного поступка, выраженного как негативное высказывание или агрессивная неустойчивая установка психологического состояния лица, совершившего административное правонарушение. Методы исследования основаны на применении при анализе юридического текста и соотнесении контекста обстоятельств с позиций основных положений пропозициональной логики (выведение категорических суждений о значении отдельных терминов с неопределенной семантикой (дискредитация, публичность, нацеленность и пр.)), учения о множественных предикатах (позволило выстраивать матричные структуры допустимости вменения противоправного поступка субъекту только с определенным правовым статусом, а равно ситуационного отрицания допустимости его вменения, если полная картина происшедшего не может быть воспроизведена), построении модальных конструкций (правил квалификации административных правонарушений психоэмоционального типа), а также логики оценок (в части слабых и сильных утверждений о запрещенном или допустимом высказывании о деятельности представителей власти в определенных условиях или определенными способами). Основные выводы исследования выражены в утверждении приоритетного установления ответственности и наказуемости за правонарушения, связанные с формированием разрушительных антикультурных стереотипов, ложных идеологических установок, умалением традиционного уклада и отрицанием жизненно важных устоев российского общества, необходимостью устранения юридических конструкций с неопределенным и неясным содержанием. Следует уделять повышенное внимание смысловому анализу и нацеленности фраз нарушителя именно на замещение выдержанной общественной позиции эгоистическими устремлениями и насаждение приоритета личных заблуждений. Требуется введение отдельной категории правил информационно-семантического анализа при вменении того или иного административного правонарушения.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, дискредитация представителей власти, негативное высказывание, накопительный эффект правонарушения

Для цитирования: Осинцев Д. В. Административная ответственность за дискредитацию деятельности органов государственной власти // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 355–366. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-355-366>. EDN: <https://elibrary.ru/aspnlg>

Original scientific article

Administrative Liability for Discrediting the Activities of Public Authorities

D. V. Osintsev

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ dimios@mail.ru

Abstract. The subject of the analysis is the relations and activities of law enforcement agencies related to the qualification of administrative offenses aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation and state authorities in the context of unfriendly relations and armed confrontation between individual countries. Forces of the Russian Federation and public authorities in the conditions of unfriendly attitudes and armed confrontation of certain countries. The purpose of the study is to clarify the phenomenon of verbal and intensional offences of psycho-emotional type, the peculiarities of construction, design and deconstruction of the main elements of the composition of this type of administrative offences. Clarification of the criteria for the separation of conditionally lawful and categorically unlawful act expressed as a negative statement or aggressive unstable attitude of the psychological state of the person who committed an administrative offence also is the purpose of this paper. The research methods are based on the application of the legal text and correlation of the context of circumstances from the positions of the main provisions of propositional logic (derivation of categorical judgements about the meaning of certain terms with uncertain semantics (discrediting, publicity, targeting, etc.)). The doctrine of multiple predicates (which allowed building of matrix structures of admissibility of imputation of an unlawful act to a subject with a certain legal status only, as well as situational negation of admissibility of its imputation, if a full map of the subject's legal status is not available) is also used in the present research. Besides, design of modal constructions (rules of qualification of administrative offences of psycho-emotional type), as well as the logic of evaluations (in terms of weak and strong statements about prohibited or permissible statements about the activity of representatives of the authorities in certain conditions or in certain ways) is used as effective research method. The main conclusions of the study are expressed in the assertion of the priority establishment of amenability and punishability for offences related to the formation of destructive anti-cultural stereotypes, false ideological attitudes, belittling of the traditional way of life and denial of vital foundations of Russian society, the need to eliminate legal constructions with vague and unclear content. Increased attention should be paid to the semantic analysis and targeting of the offender's phrases precisely to replace the upheld public position with egoistic aspirations and planting the priority of personal misconceptions. It is necessary to introduce a separate category of rules of information and semantic analysis when imputing this or that administrative offence.

Keywords: administrative offense, administrative liability, discrediting of public authorities, negative statement, cumulative effect of an offense

For citation: Osintsev D. V. Administrative Liability for Discrediting the Activities of Public Authorities. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):355-366. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-355-366>. EDN: <https://elibrary.ru/aspnlg> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Одной из новаций действующего административно-охранительного законодательства, противодействующего антигосударственной практике и политической демагогии, направленного на искоренение ложных установок в понимании по-

литической практики и реальных угроз безопасности, безусловно, является введение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) ст. 20.3.3, предполагающей назначение достаточно строгих административных наказаний вследствие

совершения публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов России и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами России своих полномочий в указанных целях, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ.

**ПРИЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
ПРИ ИЗЛОЖЕНИИ СОСТАВОВ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО ТИПА**

В чем заключается важность и значимость появления подобного рода составов административных правонарушений? Видимо, в том, что неожиданно для отечественной юриспруденции наказуемым становится не само деяние, внешне выраженный поступок, имеющий физико-техническое наполнение, расположенный, условно говоря, в натуральной области его приложения, последующего распознавания и квалификации. Чрезвычайно опасной и неправомерной признается противостественная установка, разрушительно действующая на жизненно важные основы общественного уклада, не имеющая сиюминутного результата, но деструктивно влияющая на социально-психологический контекст сознания граждан.

Причем требуется рассмотрение такого рода казуса не как уникального исключения, а как одного рядоположенного конструкта, излагаемого наряду с множеством иных признанных противоправными поступков. Ведь не секрет, что подобного рода инцидентов (лексического и установочного, намеренного, характера) становится все больше и больше.

Статья является одной из наиболее поддерживаемой со стороны всей правоохранительной системы, так как выра-

женные в ней действия связаны не только с обычным производством по делам об административных правонарушениях, но и с последующим сообщением в органы прокуратуры уведомления о распространении в ИТС, в том числе в сети Интернет, следующих видов информации:

– призывы к массовым беспорядкам; к участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка (ст. 20.27 КоАП РФ);

– к осуществлению экстремистской деятельности (чч. 2, 6 ст. 13.15, ст.ст. 13.37, 13.41, 20.3, 20.29 КоАП РФ);

– иная недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи и (или) повлекла указанные и иные тяжкие последствия (ст.ст. 6.13, 6.13.1, 6.17, 6.19, 6.21, 6.21.1, 6.21.2, 6.27, 13.11, 13.11.1, 13.15, 13.35, 13.36, 13.42, 19.7.10-1 КоАП РФ);

– распространяемая под видом достоверных сообщений недостоверная информация, содержащая данные об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащая данные об исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях (ст.ст. 20.3.1, 20.3.2 КоАП РФ).

Направляемые материалы должны содержать: 1) описание существа правонарушения; 2) наступивших неблагоприятных последствий или угрозы их наступления;

3) сведения о виновном лице; 4) о возбуждении дела об административном правонарушении; 5) его дальнейшем движении (при наличии); 6) адрес интернет-ресурса, позволяющего идентифицировать распространяемую с нарушением закона информацию в сети Интернет; 7) снимки экрана; 8) копии имеющихся процессуальных документов по делу об административном правонарушении;

– информация, направленная на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе призывы к воспрепятствованию использованию Вооруженных Сил РФ в указанных целях, а равно направленная на дискредитацию исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях (чч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ);

– информация, содержащая призывы к введению в отношении РФ, ее граждан либо российских юридических лиц политических, экономических и (или) иных санкций и ряд других (ст.ст. 17.13, 20.3.4 КоАП РФ)¹.

СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

12 апреля 2022 г. в 14 часов 02 минуты в социальной сети «<...>», признанной экстремистской и запрещенной организацией на территории РФ, Яшин И. В. на своей личной странице по электронному адресу: <...> разместил в открытом доступе для привлечения внимания неопределенного круга лиц информационный пост, с видеороликом, переходящим на <...>-канал по ссылке: <...>, со-

держание которых вызывает негативное отношение к проводимой Вооруженными Силами РФ специальной военной операции².

Брой А. Ю., являющийся пользователем социальной сети «<...>» и использующий псевдоним «<...>», в период с 8 по 9 марта 2022 г., находясь на территории Ярославской области, неоднократно оставлял комментарии под указанной публикацией в этом сообществе, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ³.

Несомненно, сложности при квалификации вызвало наличие интерпретированной составляющей высказываний и (или) намерений в таких составах правонарушений, наличие широкой дискреции представителей правоохранительных структур при определении наличия или отсутствия признаков события административного правонарушения [1], отсюда стремительный рост количества лиц, привлеченных к административной ответственности за подобного рода поступки [2], сложность самоконтроля действий (бездействия) наказуемых лиц вследствие спонтанности и быстроты совершения поступка [3], что характеризует их как имеющих абстрактную опасность [4], а если точнее – отсроченный (накопительный) негативный эффект.

Говорить об абстрактной опасности в таких случаях нет никаких оснований, так как Конституционный Суд РФ в определении от 30 мая 2023 г. № 1399-О вывел прецедентное правовоположение следующего типа: с учетом ранее сформулированных Конституционным Судом РФ позиций в постановлениях от 2 октября 2022 г. № 36-П, № 37-П, № 38-П и № 39-П

¹ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»: приказ Генпрокуратуры России от 26 авг. 2019 г. № 596. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Верхов. Суда Рос. Федерации от 16 марта 2023 г. № 5-АД23-19-К2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 марта 2023 г. № 8-АД23-1-К2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой, Луганской Народной Республикой, Запорожской областью и Херсонской областью о принятии их в Россию и образовании в составе России новых субъектов такое регулирование в период проведения указанной специальной военной операции тем более не может вызывать сомнения с точки зрения конституционности, а его оценка за пределами указанных обстоятельств по существу явилась бы осуществлением абстрактного нормоконтроля, имея в виду установленную в представленных судебных актах связь между деянием заявителя и проведением специальной военной операции.

Публичные же действия, в том числе выступления и высказывания, целенаправленно несущие в себе негативную оценку деятельности по защите интересов РФ и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности, могут, особенно с учетом их накопительного эффекта, оказывать негативное воздействие на реализацию соответствующих мер и решений, снижать решительность и эффективность выполнения Вооруженными Силами РФ и другими государственными органами поставленных задач, мотивированность военнослужащих и иных непосредственно участвующих в этом лиц и тем самым фактически – даже не преследуя непосредственно именно такой цели – содействовать силам, противостоящим интересам РФ и ее граждан, препятствующим поддержанию международного мира и безопасности.

Представляется важным указание на то, что цель высказывания не имеет значения, также не будет влиять на квалификацию достоверность или недостоверность (непроверяемость, неопределенность) распространяемых данных. Отчасти такие факторы могут повлиять

на вид и размер назначаемого наказания, но формой вины в данном составе может быть как умысел, так и неосторожность, последняя в рамках ее усиленного контекста (психологических оттенков) – пренебрежение, предрасположенность, эмоциональная несдержанность, тщетная предосторожность и пр.

Следует учесть еще одну тонкость, связанную с тем, что исключительно и только достоверное критическое высказывание, содержащее конструктивную позицию по улучшению и совершенствованию деятельности публичной власти не может рассматриваться как противоправный поступок, однако антиконституционная догматика и тотальный скепсис по поводу действий государственных органов (организаций) не исключает применения мер принуждения.

При этом ключевым признаком является совершение именно публичных противоправных действий, т. е. совершение лицом или группой лиц противоправных действий, направленных на неограниченный круг лиц, и может быть выражено в любой доступной для них форме; заключается в совершении противоправных действий в общественном месте либо сетях общего пользования. Однако следует иметь в виду, что необходимым и достаточным для квалификации административного правонарушения как оконченного будет информационный взброс в абстрактную среду, но при этом респондентом сообщения явился хотя бы один человек, независимо от того, изменилась ли его политико-правовая и морально-психологическая установка вследствие ознакомления с распространенной информацией.

Под дискредитацией понимается умышленные действия, направленные на лишение доверия к чему-либо, на подрыв авторитета, имиджа⁴. Юридическая литература в части раскрытия значения

⁴ *Постановление Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 февр. 2023 г. № 5-АД22-103-К2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

термина «дискредитация» в основном сведена к частноправовому контексту [5], при этом заимствование терминологии носит аутентичный характер [6; 7].

Действия признаются публичными, если они адресованы группе или неограниченному кругу лиц и выражены в любой доступной для них форме (в устной, письменной, с использованием технических средств, в виде выступлений, распространении листовок, демонстрация плакатов и т. п.) [8; 9; 10].

Вопрос о наличии признака публичности действий должен разрешаться судом с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств.

26 февраля 2022 г. К., находясь в неустановленном месте, посредством неустановленного устройства в ИТС Интернет в социальной сети «ВКонтакте» осуществил размещение видеоматериала, доступного неограниченному кругу лиц для просмотра и копирования, в котором содержится информация тематического содержания, направленная на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ⁵.

В правоприменительной практике возникала сложность с процессуальным оформлением и определением верного направления движения дел подобного плана, если они совершены с использованием сети Интернет, так как лицо либо не имеет регистрации по тому адресу, где была выявлена отправка сообщения, либо вообще находится за пределами территории России, а циркулирование информации носит глобальный характер, поэтому местом совершения административного правонарушения в таком контексте может считаться место обнаружения события, связанного с распространением запрещенной инфор-

мации. Количество случаев обнаружения не имеет значения, так как места совершения административного правонарушения являются дискретными, распределенными по всей территории России, но однако с учетом требований п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

16 мая 2022 г. в 19 часов 35 минут Ю., находясь в непосредственной близости от адреса: Санкт-Петербург, <...> в районе дома 73, лит. А, столб металлический двойного назначения ЗАО «Русские Башни» (ПАО «Ленэнерго»), при помощи мобильного устройства, зарегистрированный как «С. Юшков» (электронный адрес страницы: <http://vk.com/id2189875>) в социальной сети «ВКонтакте» ИТС Интернет на своей личной странице опубликовал текстовое сообщение: «Безумие и отвага...»⁶, иначе говоря, место обнаружения и есть место совершения административного правонарушения.

При этом противоправными могут признаваться публичные действия, целью которых являются любые действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил РФ⁷.

Впрочем, полагаем, что верным было бы обращение к противоположениям конституционного судопроизводства: понятие «публичный характер» является в определенной степени оценочным с учетом многообразия форм придания действиям публичного характера в современном информационном обществе, однако согласно неоднократно выраженной Конституционным Судом РФ правовой позиции (определения от 25 сентября 2014 г. № 2055-О, от 28 марта 2017 г. № 665-О, от 28 ноября 2019 г. № 3245-О и др.) это не препятствует квалификации конкретных действий в таком качестве. КоАП РФ

⁵ Постановление Первого кассац. суда общ. юрисдикции от 24 мая 2023 г. № 16-2691/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Решение С.-Петербург. гор. суда от 17 янв. 2023 г. № 12-40/2023 по делу № 5-1487/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Восьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 7 июня 2023 г. № 16-3194/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не определяет специальным образом понятия дискредитации для целей его ст. 20.3.3, и, соответственно, данному понятию не придается какого-то особого, отличного от общепринятого значения дискредитации, под которой понимается подрыв доверия отдельных граждан и общества в целом к кому-либо, к чьим-либо действиям (деятельности).

Объективное многообразие форм действий, направленных на такой подрыв доверия (лингвистических, визуальных и других), позволяет законодателю в данном случае не конкретизировать понятие дискредитации, поскольку направленность носящих публичный характер действий именно на таковую подлежит установлению при рассмотрении дела о соответствующем административном правонарушении.

Средства доказывания:

1) на первоначальном этапе изучения материала, распространенного с помощью ИТС:

- проверка наличия на информационном ресурсе в сети Интернет распространяемой с нарушением закона информации;
- снимок (скриншот) интернет-страницы (сайта) с указанием URL-адреса;
- фиксация времени и даты снимка;
- анализ его содержания;

2) на последующем этапе:

- исследование всего сайта;
- интернет-страниц пользователей сайта;
- мониторинг иных интернет-ресурсов на предмет возможного копирования противоправной информации;
- запрос сведений, подтверждающих вывод о распространении информации с нарушением действующего законодательства;
- при необходимости оценки смысловой направленности информационного

материала иницируется его экспертное исследование с целью получения заключения специалиста в области лингвистики, социальной психологии, религиоведения и др.

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

26 сентября 2022 г в 18:15 час. Васильева В. А., находясь в театральном сквере по адресу: <адрес> демонстрировала плакат с надписью: <данные изъяты> при этом одежда, волосы и лицо были испачканы красителем красного цвета, тем самым искажала и дискредитировала задачи по использованию и сами Вооруженные Силы РФ.

7 марта 2022 г. в 11.30 час. С., находясь в районе, удерживая в руках полотнище с двумя горизонтальными полосами синего и желтого цветов (сверху вниз), развевал его над своей головой⁸.

11 сентября 2022 г. в 11 час. 30 мин. по адресу: <адрес> В. нанес на избирательный бюллетень надпись тематического содержания, явно выражающую негативное отношение к Вооруженным силам РФ, и опустил данный бюллетень в прозрачную избирательную урну, тем самым привлек внимание неограниченного круга лиц⁹.

9 мая 2022 г. в 18 час. 05 мин. по адресу: г. <...>. находился в общественном месте и демонстрировал неопределенному кругу лиц фотографию ветерана Великой Отечественной войны в форменном обмундировании, на которой синим маркером была нанесена надпись «Они сражались ради мира». Надпись на фотографии ветерана направлена на подрыв доверия к Вооруженным Силам РФ, поскольку искажает истинные цели и задачи их использования при проведении специальной

⁸ Постановление Восьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 18 июля 2022 г. № 16-5125/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Второго кассац. суда общ. юрисдикции от 15 мая 2023 г. № 16-2265/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

военной операции, в противопоставление которым обращается внимание на патриотизм советских солдат в Великой Отечественной войны¹⁰.

6 марта 2022 г. в 20 час. 54 мин. Т. разместил в сети Интернет в социальной сети «ВКонтакте» на персональной странице под псевдонимом «Артем Трудовский», которая находится в свободном доступе для неограниченного круга лиц, графическое изображение: «НЕТ-ВОИНЕ»¹¹.

В период с 6 марта 2022 г. по 5 апреля 2022 г. Н. размещала и активно обсуждала в социальной сети со страницы пользователя «<адрес>» в «Контакте» публикации, содержащие информацию, направленную на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ. Вышеуказанная страница ФИО9. является открытой и общедоступной, количество ее подписчиков на 14 апреля 2022 г. составило 2 529 человек¹².

16 марта 2022 г. в 18 час. 58 мин. М., находясь по месту жительства, разместила в социальной сети «Одноклассники» в общественной группе «Вечерняя Тында Новости с Характером» комментарий под интернет-постом «Это мой ответный удар: жительница Благовещенска рассказала, зачем сделала копию украинской бабушки», которые направлены на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ¹³.

Пример легко доказуемого события административного правонарушения, не требующего проведения экспертизы.

3 апреля 2022 г. в 12 час. 22 мин. А. в сети «ВКонтакте» на странице пользователя, зарегистрированного под именем

«Оксана Асауленко», оставила в открытом доступе неопределенному количеству лиц комментарий в микроблоге в своем аккаунте следующего содержания: «Буча, Ирпень, Сребреница... Я так понимаю, что фашистам еще было бы чему поучиться у русских “освободителей”».

3 апреля 2022 г. в 12 час. 44 мин. оставила комментарий в микроблоге в своем аккаунте: «В интернете вы сможете легко найти фотографии и видео из Бучи. Хочу предупредить, что это зрелище только для взрослых, имеющих крепкие нервы».

8 апреля 2022 г. в 20 час. 09 мин. оставила комментарий в своем аккаунте с текстовой записью следующего содержания: «Герой! Смелый, красивый, умный», а также сделала репост сообщения следующего содержания «Одиночный пикет в центре Перми: Чем дальше общество отдалается от правды, тем больше оно ненавидит тех, кто ее говорит STOP WAR. Спасибо смелому человеку, он был задержан, что было с ним дальше пока неизвестно», сделанного 8 апреля 2022 г. в 18 час. 35 мин.

11 апреля 2022 г. в 22 час. 33 мин. разместила в микроблоге в своем аккаунте текстовую запись: «Наш человек! Никита активно помогал на выборах, и вообще молодец – равнодушный во всем и ко всему», где также сделала репост сообщения, сделанного 11 апреля 2022 г. в 20:47, следующего содержания: «Вчерашний активный пикет в Перми. #Пермь #Нет войне»¹⁴.

Следовало возбудить дела по каждому из обозначенных фактов.

Не исключены ошибки в признании высказываний в качестве дискредитации.

¹⁰ Постановление Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 февр. 2023 г. № 5-АД22-103-К2 ...

¹¹ Постановление Второго кассац. суда общ. юрисдикции от 29 марта 2023 г. по делу № 16-1651/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Второго кассац. суда общ. юрисдикции от 27 дек. 2022 г. по делу № 16-8074/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Девятого кассац. суда общ. юрисдикции от 31 мая 2023 г. № 16-922/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Седьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 1 июня 2023 г. № 16-2473/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Например, относительно привязки в тексте к деятельности именно ВС России: 6 марта 2022 г. в период с 14 час. 00 мин. до 14 час. 30 мин. К. использовала плакат наглядной агитации в виде листа бумаги, размером 40 x 60 см, на котором была размещена надпись «НЕТ ВОЙНЕ, алчность отравила души людей, разделила мир ненавистью, ввергла нас в страдание и кровопролитие», демонстрировала его окружающим.

Прекращая производство по делу, судья указал, что из просмотренной видеозаписи событий от 6 марта 2022 г. следует, что К. и стоящая рядом неизвестная девушка находились в районе <...>. К ним подошли сотрудники полиции, попросили предъявить документы, удостоверяющие личность, после чего попросили проследовать к патрульному автомобилю. При нахождении у патрульного автомобиля сотрудники полиции попросили вещи к осмотру. В этот момент К. развернула плакат в виде листа бумаги, размером 40 x 60, на котором была размещена указанная надпись.

С такими выводами согласиться нельзя: не дана надлежащая оценка видеозаписи, на которой зафиксированы действия К., в том числе демонстрация плаката неопределенному кругу лиц и высказанные ею при этом фразы. Данные действия совершены К. не в связи с досмотром вещей, а до того, как сотрудником полиции ей было предложено представить на осмотр рюкзак¹⁵.

Обнаружена публикация («пост») от 31 марта 2022 г. в 06 час. 17 мин. с текстом: <данные изъяты> Ниже прикреплена ссылка на пост пользователя сети вчера

в 23 час. 55 мин. с надписью: <данные изъяты>. Интернет-страница принадлежит гражданину Мананникову А. П. В определении о назначении лингвистического исследования имеется строка о предупреждении по ст.ст. 17.7, 17.9 КоАП РФ специалистов, которым поручено провести данное исследование, однако подписи специалистов отсутствуют¹⁶.

6 марта 2022 г. в 14 час. 10 мин. около дома № 145 на ул. Красной в г. Краснодаре Б. объединилась с группой граждан. Б. в организованном неопределенным кругом лиц митинге участие не принимала, а шла мимо к пешеходному переходу. Каких-либо доказательств, подтверждающих участие Б. в мероприятии, материалы дела не содержат¹⁷.

Наоборот, Ж. находился в момент задержания среди лиц, участвующих в публичном мероприятии, на котором использовался агитационный материал с лозунгами «Нет войне». Сотрудники полиции призывали граждан разойтись, прекратить противоправные действия, однако Ж. не выполнил законные требования сотрудников полиции о прекращении участия в несогласованном публичном мероприятии¹⁸.

Очевидно, что должное разрешение вопроса об ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ предполагает установление, исследование и оценку фактических обстоятельств совершения таких действий в их совокупности (включая место и время совершения действий, круг их адресатов, содержание действий, в том числе с точки зрения того, имеют они под собой реальную фактическую основу или же базируются на субъективном мнении

¹⁵ Постановление Первого кассац. суда общ. юрисдикции от 27 июня 2022 г. № 16-4368/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Постановление Восьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 17 марта 2023 г. № 16-1423/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Четвертого кассац. суда общ. юрисдикции от 21 марта 2023 г. № 16-850/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Шестого кассац. суда общ. юрисдикции от 2 июня 2023 г. № 16-3135/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

и восприятии, оценочных суждениях и недостоверных фактах).

В любом случае будет вменен состав административного правонарушения, если неоднократно, систематически и постоянно воспроизводится информация в негативном ключе, если даже она носит характер достоверной либо с точностью неопределенной или не подлежащей проверке доступными для высказывающегося субъекта средствами. В данном случае важно проявление отрицательной установки, а не только фонетические, синтаксические и семантические способы доведения информации кому-либо.

Косвенные сравнения с некоторыми событиями или данными также могут быть способом дискредитации, например:

1) преувеличение силы противника на основании допущений и непроверенных данных;

2) принижение заслуг действующих сотрудников (служащих, в том числе военнослужащих) по сравнению с собственным опытом или деятельностью третьих лиц в историческом контексте или на другой площадке;

3) выхолощивание данных истории, в том числе навязывание агрессивных свойств отечественной политической практике.

Допустимы диалоговые публичные обсуждения, если аудитория не восприимчива к содержанию и смыслу высказываний (малолетние), если аудитория связана с профессиональной практикой поисковых операций, например, оценкой исторических источников в рамках конференции, при этом установлены правила работы с информацией, а участники имеют государственное (общественное, всемирное)

признание, ранее в отношении них не состоялись юрисдикционные акты, связанные с их негативной профессиональной деятельностью и (или) наработанная ими практика не признана нежелательной (опасной).

Однако указанные правила вменения и освобождения от ответственности характерны для поступков граждан, если же совершает недопустимое высказывание (призыв, пропаганду и пр.) известная (писатель, деятель науки, культуры и т. п., даже астролог) либо медийная личность, то, безусловно, речь может идти о наличии состава административного правонарушения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Независимо от аудитории (вплоть до семейного круга) являются недопустимыми слова о дискредитации со стороны представителей власти, иных должностных лиц, субъектов, на которых распространяются обязанности, запреты и ограничения, установленные законодательством о противодействии коррупции, а равно любых иных лиц, на которых распространяется действие положений о профессиональной этике и моральных кодексов при взаимодействии с коллегами и (или) клиентами (представителями внешней среды организационного окружения).

Форма вины и отношение к содеянному в данном случае могут быть зафиксированы в процессуальных актах, но особого юридического значения не имеют, так как потеря бдительности и отрицание работы системы, в которую человек органически встроен, определяют его поведение как юридически ущербное, непригодное для выполнения политико-управленческих функций.

Список литературы

1. Агапов А. Б. Гуманизация, или Апология публичного принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-5-11-17>
2. Дугенец А. С., Канунникова Н. Г. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 4. С. 27–29. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-4-27-29>

3. Зайцев И. А. Права и обязанности физического лица, привлекаемого к административной ответственности, в условиях развития цифровой коммуникации (часть 2 – «Возможные риски и угрозы») // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 33–37. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-2-33-37>
4. Морозова Н. А. Составы создания абстрактной и реальной опасности в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях // Российский юридический журнал. 2022. № 5 (146). С. 90–99. DOI: https://doi.org/10.34076/20713797_2022_5_90
5. Городов О. А. Прямая дискредитация конкурента как вид недобросовестной конкуренции // Современная конкуренция. 2010. № 1 (19). С. 31–38.
6. Быкова Г. В. О некоторых словах и жестах: стратегия дискредитации? // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 348–355.
7. Кармоков М. С. Некоторые аспекты дискредитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации при проведении контртеррористических операций // Научные исследования: от теории к практике. 2016. № 4-2 (10). С. 211–212.
8. Пошелов П. В. Административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2022. № 6. С. 2–5. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2108-2022-6-2-5>
9. Кумышева М. К. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации // Образование и право. 2022. № 7. С. 274–279. DOI: <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-7-274-279>
10. Меньшин Г. И., Петров Д. А. Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 280³ УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил» // Академическая публицистика. 2022. № 12-2. С. 420–424.

References

1. Agapov A. B. Humanization or Apology of Public Coercion. *Administrative Law and Procedure*. 2023;5:11-17. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-5-11-17> (In Russ.).
2. Dugenets A. S., Kanunnikova N. G. Relevant Issues of the Procedure for Bringing To Administrative Liability in the Russian Federation. *Administrative Law and Procedure*. 2023;4:27-29. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-4-27-29> (In Russ.).
3. Zaytsev I. A. Rights and Obligations of an Individual Brought To Administrative Liability in the Digital Communication Development Conditions (Part 2: Potential Risks and Threats). *Administrative Law and Procedure*. 2023;2:33-37. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-2-33-37> (In Russ.).
4. Morozova N. A. Offences Creating an Abstract and a Specific Danger in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. *Russian Juridical Journal*. 2022;5:90-99. DOI: https://doi.org/10.34076/20713797_2022_5_90 (In Russ.).
5. Gorodov O. A. Direct Discredit as a Type of Unfair Competition. *Journal of Modern Competition*. 2010;1:31-38. (In Russ.).
6. Bykova G. V. Regarding Some Words and Gestures: Is It a Strategy of Discrediting? *Legal Linguistics*. 2008;9:348-355. (In Russ.).
7. Karmokov M. S. Some Aspects of Discrediting the Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation During Counter-Terrorism Operations. *Scientific Studies: from Theory to Practice*. 2016;4-2:211-212. (In Russ.).
8. Poshelov P. V. Administrative Liability for Public Actions Aimed At Discrediting the Use of the Armed Forces of the Russian Federation. *Military-Law Journal*. 2022;6:2-5. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2108-2022-6-2-5> (In Russ.).
9. Kumysheva M. K. Actual Problems of Bringing To Criminal Responsibility for Public Actions Aimed At Discrediting the Use of the Armed Forces of the Russian Federation. *Education and Law*. 2022;7:274-279. DOI: <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-7-274-279> (In Russ.).
10. Menshin G. I., Petrov D. A. The Objective Side of the Composition of the Crime Under Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation “Public Actions Aimed To Discredit the Use of the Armed Forces”. *Academic Journalism*. 2022;12-2:420-424. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Владимирович Осинцев, профессор кафедры административного права и административной деятельности

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Osintsev, Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs

органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России (ул. Корепина, 66, Екатеринбург, 620057, Российская Федерация); доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8484-0055>; e-mail: dimios@mail.ru

Bodies of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (66 Korepina St., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation), Doctor of Law (habilitated degree), Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8484-0055>; e-mail: dimios@mail.ru

Поступила | Received
10.08.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
10.09.2023

Принята к публикации | Accepted
11.09.2023

УДК 342.92

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-4-367-380

EDN: ВТКУЈТ

Оригинальная научная статья

Обеспечение соблюдения принципа равенства перед законом при освобождении от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения

П. Н. Потапов *ООО ТД Шкуренко, Омск, Российская Федерация*✉ ferre.2012@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает проблему обеспечения соблюдения принципа равенства всех перед законом при применении института малозначительности к совершенному административному правонарушению. Исследует хронологию появления нормы о малозначительности в законодательстве России. Сравнивает процессуальное законодательство по делам об административных правонарушениях Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь в контексте института малозначительности. Исследование ст. 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, судебных актов судов первой и последующих инстанций, анализ научных работ, посвященных проблеме применения института малозначительности, позволяют изучить проблему применения института малозначительности ко всем материальным нормам, устанавливающим административную ответственность по данной статье. В аспекте принципа равенства всех людей, граждан перед законом поднимаются вопросы об обоснованности присвоения исследуемой норме статуса «исключительная». Сравнивается практика применения ст. 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях судами общей юрисдикции и арбитражными судами, что ярко демонстрирует применение института малозначительности в судебном процессе. Рассматривается проблема применения исследуемой нормы органами исполнительной власти в административном процессе. Приводятся доводы против наличия в институте малозначительности дискреционного полномочия. Названы конституционные нормы, нарушаемые наличием в институте малозначительности дискреционного полномочия, указаны конституционные права делинквентов, нарушаемые вследствие существования дискреционного полномочия в институте малозначительности. Автор рассуждает о возможности изменения существующего законодательства в целях обеспечения соблюдения баланса интересов делинквентов, иных участников дела об административном правонарушении для повышения эффективности публичного преследования и профилактического значения административной ответственности. Предлагается изложить ст. 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в редакции, обеспечивающей право всех делинквентов на равенство перед законом и судом в целях обеспечения их конституционных прав, в том числе на соблюдение баланса интересов делинквентов, иных участников дела об административном правонарушении для повышения эффективности публичного преследования и профилактического значения административной ответственности.

Ключевые слова: малозначительность, делинквент, критерии малозначительности, правонарушение, равенство перед законом, административная ответственность

Для цитирования: Потапов П. И. Обеспечение соблюдения принципа равенства перед законом при освобождении от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 367–380. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-367-380>. EDN: <https://elibrary.ru/btkujt>

Original scientific article

The Problem of Ensuring Equality Before the Law at Relief of Liability when Qualifying an Administrative Offense as Insignificant

P. N. Potapov

LLC TD Shkurenko, Omsk, Russian Federation

✉ ferre.2012@mail.ru

Abstract. The present paper considers the problem of ensuring compliance with the principle of equality of all before the law when applying the institute of insignificance to the committed administrative offense. The Author examines the chronology of the appearance of the norm of insignificance in the legislation of Russia. He compares procedural legislation in cases of administrative offenses of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Belarus in the context of the institute of insignificance. Study of Article 2.9 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, judicial acts of the courts of the first and subsequent instances, the analysis of scientific works devoted to the problem of the application of the institute of insignificance allow studying the problem of the application of the institute of insignificance to all material norms establishing administrative responsibility under Article 2.9 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. In the aspect of the principle of equality of all people and citizens before the law, questions are raised about the validity of assigning the status of “exceptional” to the norm under study. Comparison of the practice of application of Article 2.9 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences by courts of general jurisdiction and arbitration courts clearly demonstrates the application of the institute of insignificance in the judicial process. The problem of the application of Article 2.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation by authorized executive authorities in the administrative process is also considered in this paper. Arguments against the existence of a discretionary power in the institute of insignificance are given. The constitutional norms violated by the presence of discretionary authority in the institute of insignificance are called. The constitutional rights of delinquents violated due to the existence of discretionary powers in the institute of insignificance are named. The Author discusses the possibility of changing the existing legislation in order to ensure compliance with the balance of interests of delinquents and other participants in the case of an administrative offense to increase the effectiveness of public prosecution and the preventive value of administrative responsibility. The Author proposes to state Article 2.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in the wording that ensures the right of all delinquents to equality before the law and the court in order to ensure their constitutional rights, including to maintain the balance of interests of delinquents and other participants in the case of an administrative offense to increase the effectiveness of public prosecution and the preventive value of administrative responsibility.

Keywords: insignificance, delinquent, criteria of insignificance, the concept of insignificance, criteria of the institute of insignificance, equality before the law

For citation: Potapov P. N. The Problem of Ensuring Equality Before the Law at Relief of Liability when Qualifying an Administrative Offense as Insignificant. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):367-380. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-367-380>. EDN: <https://elibrary.ru/btkujt> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

1 марта 1981 г. постановлением Верховного совета СССР от 23 октября 1980 г.

№ 3146-Х «О введении в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных

правонарушениях»¹ в числе прочих начала действие норма административно-процессуального права, установленная в ст. 11 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях. Указанная норма декламировала, что при малозначительности совершенного административного правонарушения орган (должностное лицо), уполномоченный решать дело, может освободить нарушителя от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. Принятый в 1984 г. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях в ст. 22 дословно повторил положения вышеназванной нормы. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) законодатель с 1 июля 2002 г. в ст. 2.9 оставил за правоприменителем (органом, должностным лицом и судом, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях) полномочие освобождать лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. За двадцать с лишним лет данная норма не претерпела ни единого изменения.

В юридической литературе вопрос о малозначительности имеет дискуссионный характер, учеными-административистами не выработаны единые позиции в этом направлении. Так, Ю. А. Тихомиров, не раскрывая понятия малозначительности, тем не менее отмечает, что при малозначительности совершенного административного правонарушения орган (должностное лицо), уполномоченный разрешать дело, может освободить нарушителя от ответственности и ограничиться устным замечанием. В этом он видит проявление гуманизма правоприменения.

Д. Н. Бахрах видит малозначительность в качестве альтернативы административной ответственности, причем основанием этой альтернативы признает дискреционные полномочия правоприменителя. Такую же точку зрения высказывает В. М. Фокин, утверждая, что уполномоченный орган при освобождении нарушителя от ответственности за малозначительностью совершенного деяния призван руководствоваться мотивами целесообразности. Следует отметить, что практически все ученые, занимающиеся исследованиями в области административной ответственности, одним из принципов ответственности отмечают малозначительность совершенного административного правонарушения [1, с. 96].

Неоднозначность в подходе к определению малозначительности в правовой науке проецируется на правоприменительную практику [1, с. 97]. В частности, среди региональных управлений Федеральной антимонопольной службы наличествуют некоторые расхождения в понимании отдельных позиций высших судов и законодательства. Общее количество административных дел, в которых правонарушение признано малозначительным, колеблется в пределах 4–5 %, что выдерживает правило об исключительности применения ст. 2.9 КоАП РФ [2, с. 27]. Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации², опубликованным в «Отчетах о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» следует, что в 2019 г. освобождено от административной ответственности на основании ст. 2.9 КоАП РФ – 1,11 % лиц, совершивших правонарушение, в 2020 г. освобождено от административной ответственности

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Судебная статистика // Судеб. департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.03.2023).

на основании ст. 2.9 КоАП РФ – 1,09 % лиц, совершивших правонарушение, в 2021 г. освобождено от административной ответственности на основании ст. 2.9 КоАП РФ – 1,23 % лиц, совершивших правонарушение.

Интересен законодательный опыт развития института малозначительности в зарубежных странах. В 2017 г. в Республике Казахстан возобновлен институт освобождения от административной ответственности при малозначительности правонарушения. Вводя статью 64-1 в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях³ (практически дословно повторяющей положения ст. 2.9 КоАП РФ), законотворцы Республики приняли правовую норму, содержащую критерии, при которых эта норма может применяться, а именно: конкретные обстоятельства совершения административного правонарушения, в том числе личность правонарушителя, а также объект посягательства, а при наличии вреда – его размер. В свою очередь Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее – КоАП РБ) более подробно регулирует институт малозначительности. В статье 8.2. КоАП РБ указывается на возможность применения нормы к любой категории административного правонарушения, названы критерии, при наличии которых деяние может быть признано малозначительным (содержание признаков правонарушения формально, отсутствие причинения значительного вреда охраняемым законом интересам), стадия судебного процесса, в которой может разрешаться вопрос о соответствии деяния названным критериям и признании его малозначительным. Норма определяет круг лиц, в отношении которых положения этой статьи не применяются⁴.

Институт малозначительности правонарушения, несмотря на недостаточное его оформление в российском законодательстве, является важным и необходимым институтом, обеспечивающим право каждого лица, привлекаемого к административной ответственности, быть ограниченным в своих правах и свободах в соответствии с федеральным законом только в той мере, которая необходима для защиты прав и законных интересов других лиц, общества, основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и ее безопасности. При изложенных обстоятельствах предложение А. Б. Панова ликвидировать институт малозначительности в КоАП РФ явно неприемлемо [3, с. 98]. Напротив, научному сообществу необходимо предлагать пути развития этого института, а законодателю преобразовывать научные разработки в нормы права. Сегодня правовое обеспечение условий применения ст. 2.9 КоАП РФ осуществляется исключительно разъяснениями высших судов в отсутствие законодательного регулирования.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ

Ученые-административисты многократно обсуждали проблему отсутствия критериев малозначительности административного правонарушения, предлагали различные точки зрения и конкретные критерии малозначительности. В частности, И. А. Ключников разработал, назвал и научно обосновал следующие критерии малозначительного административного правонарушения:

– совершение административного правонарушения, не предусматривающего в качестве мер ответственности какого-либо из установленных пп. 4–10 ч. 1

³ URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ob_administrativnyh_pravonarusheniyah/64-1/htm (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ Доступ из ИПС «Эталон-online».

ст. 3.2 КоАП РФ видов административных наказаний;

– совершение административного правонарушения, при котором размер какой-либо из указанных в пп. 1–6 ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ величин не превышает двух третей или 60 % максимально установленного ч. 1 ст. 3.5 настоящего Кодекса размера административного штрафа;

– совершение административного правонарушения, при котором степень пренебрежения требованиями формальных правил для правонарушений с формальными составами не превышает двух третей или 60 % от нормативно допустимого при данных обстоятельствах значения;

– характер общественной вредности, определяемый местом соответствующей статьи в структуре норм КоАП РФ;

– признание вины лицом, совершившим административное правонарушение;

– отсутствие обстоятельств, отягчающих административную ответственность;

– совершение лицом одного деяния, содержащего не более двух составов административных правонарушений;

– отсутствие в деянии лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, признаков состава преступления⁵.

Названные критерии обладают рядом недостатков, автор согласен с доводами Е. Е. Гроб и В. Е. Степенко, обративших внимание на сложность в применении данных критериев на практике. Ученые указали на недостаточность возможности признания административного правонарушения малозначительным только исходя из вида или размера санкции, предусмотренной нормой КоАП РФ, поскольку большинство составов содержат альтернативные санкции. Признание вины лицом,

совершившим административное правонарушение, также не может свидетельствовать о малозначительности. Кроме того, обстоятельства, отягчающие административную ответственность, не анализируются правоприменителем при принятии решения об отказе в привлечении к административной ответственности в порядке ст. 2.9 КоАП РФ. Они в силу чч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания. Это прямо установлено п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»⁶ (далее – Постановление ВС РФ № 5). Отсутствие признаков состава преступления в деянии лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, является критерием для определения характера совершенного деяния и соответствующего уровня ответственности [4, с. 37].

В другом диссертационном исследовании, проведенном Е. А. Лебедевой, в связи с тем, что при привлечении лица к административной ответственности за нарушение законодательства о банкротстве часто встает вопрос о признании правонарушения малозначительным, проанализированы теоретические аспекты малозначительности административного правонарушения и сформулировано предложение о дополнении ст. 2.9 КоАП РФ⁷. Дополнение изложено в следующей редакции: «Малозначительным признается деяние, формально содержащее все признаки административного правонарушения, однако при этом не нарушающее права и законные интересы физических и юридических лиц

⁵ Ключников И. А. Совершенствование законодательства и правоприменительной практики об освобождении от административной ответственности по малозначительности правонарушений (по материалам таможенных органов) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2013. С. 12–13.

⁶ Рос. газ. 2005. 19 апр.

⁷ Лебедева Е. А. Административная ответственность за нарушения законодательства о банкротстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

и не создающее угрозы безопасности личности, общества или государства» [4, с. 36]. Предложенное дополнение сходно с определением, изложенным в п. 3 ст. 3.3. Проекта Федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (ред., внесенная в ГД РФ, текст по состоянию на 20 января 2015 г.)⁸ (далее – Проект закона). Нормы, изложенные в ст. 5.10 Проекта закона не содержат дефиниций позволяющих разрешить существующие на сегодня проблемы применения института малозначительности. Как и действующая сегодня редакция, нормы о малозначительности, предложенные в Проекте закона, не обеспечивают соблюдение конституционных прав делинквентов. По сути, институт малозначительности не обеспечен законодательной гарантией соблюдения принципа баланса между наказанием и совершенным правонарушением, согласующемся с п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, принципом на равенство перед законом и судом, согласующемся со ст. 19 Конституции Российской Федерации, права на гарантию защиты прав и свобод человека и гражданина закрепленного в ст. 45 Конституции Российской Федерации, право на судебную защиту, закрепленную в ст. 46 Конституции Российской Федерации. Обеспечить институт малозначительности надлежащей правовой гарантией соблюдения указанных выше принципов и прав возможно не только посредством включения в институт малозначительности правовых норм, устанавливающих ее понятие и определяющих критерии ее применения, но и возлагающих обязанность на правоприменителя исследовать возможность применения положений о малозначительности к конкретному делу об административном правонарушении, определяющих стадию административного

или судебного процесса, в которой правоприменитель исполняет указанную обязанность. Регламентация процесса признания административного правонарушения малозначительным и наличие определения и критериев малозначительности позволит делинквенту или иному участнику административного или судебного процесса обратиться с более обоснованной жалобой или соответствующим заявлением в следующую инстанцию, правомочную проверять законность и обоснованность принятого по соответствующему делу об административном правонарушении акта.

Достаточно ярко ситуация, сложившаяся с применением положений ст. 2.9 КоАП РФ, выражена в работе Л. А. Тихомировой, описывающей действия, обязательные для правоприменителя при признании правонарушения в качестве малозначительного. Так, согласно п. 2 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ, по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении выносится постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении; согласно п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ, по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении выносится решение об отмене постановления и о прекращении производства по делу; согласно п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ, по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов выносится решение об отмене постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалобы, протеста и о прекращении производства по делу⁹. Таким образом, закон предписывает совершить определенные

⁸ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/703192-6> (дата обращения: 15.03.2023).

⁹ Тихомирова Л. А. Все о проверках и результатах проведения мероприятий по контролю. Основанные способы и формы защиты прав предпринимателя при проведении проверок. С. 98. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

действия только по итогам признания административного правонарушения малозначительным. Законодательное описание действий правоприменителя, обязательных к совершению до квалификации административного правонарушения, отсутствует. Отсутствие норм, регулирующих порядок признания административного правонарушения малозначительным, порождает неограниченное административное и судебное усмотрение. Следствием столь необычайно широкого права у правоприменителя самостоятельно решать вопрос о том, когда и к кому применять положения о малозначительности и применять ли его вообще нарушается принцип равенства перед законом. Значительное большинство научных работ, в которых исследуется проблема применения института малозначительности к административным правонарушениям, не затрагивают тему нормативного регулирования порядка проверки оснований для прекращения дела об административном правонарушении в связи с его малозначительностью.

Вместе с тем будет несправедливым не сказать, что ряд ученых косвенно затрагивали названную проблему, в частности Л. А. Тихомирова указывает: «К сожалению, приходится констатировать, что положения закона о признании правонарушения малозначительным на практике не получают должного применения и реализации. Государственные органы и их должностные лица в большинстве случаев не принимают во внимание положения статьи 2.9 КоАП РФ и не рассматривают возможность прекращения производства по делу об административном правонарушении при наличии достаточных оснований. Надо отметить, что вопросы признания совершенного

правонарушения малозначительным разрешаются не в административном, а в судебном порядке»¹⁰. Указанные обстоятельства находят свое объяснение в публикации М. В. Маматова, И. А. Маслова, указавших, что в связи с отсутствием предметного законодательного регулирования момента реализации положений ст. 2.9 КоАП РФ порождает недопонимание в этом вопросе даже у прокуроров [5, с. 15]. Обозначив существование указанной проблемы, названные ученые вновь в своих работах возвращаются к разработке нужных, важных критериев малозначительности и ее определения, но не продолжают исследовать вопросы процессуализации применения ст. 2.9 КоАП РФ, что является не менее важным и нужным в разработке исследуемого института. Отсутствие однозначного подхода к вопросам порядка применения ст. 2.9 КоАП РФ обращает на себя внимание и в судебной практике.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Подход к применению арбитражными судами и судами общей юрисдикции ст. 2.9 КоАП РФ не разработан в достаточной степени, несмотря на то что судьи выступают высшим, профессиональным, уполномоченным правоприменителем. Разъяснения высших судебных инстанций являются приоритетными, в том числе при разрешении дела об административном правонарушении, как для арбитражного суда, так и для суда общей юрисдикции.

Так, анализ практики арбитражных судов, в частности, выраженной в судебных актах по делам № А53-19200/2022¹¹, А46-15968/2022¹², А56-130105/2022¹³,

¹⁰ Тихомирова Л. А. Указ. соч. С. 203.

¹¹ Решение Арбитражного суда Ростовской области от 20 дек. 2022 г. по делу № А53-19200/2022 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/b9xn9MEITAlg/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹² Решение Арбитражного суда Омской области от 17 янв. 2023 г. по делу № А46-15968/2022 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vjZ0GK1q5YJr/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹³ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24 февр. 2023 г. по делу № А56-130105/2022 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PFx2CPSj1trg/> (дата обращения: 15.03.2023).

А67-5770/2022¹⁴ и др., демонстрирует формирование единого подхода к применению ст. 2.9 КоАП РФ, выраженного в классификации правонарушения малозначительным через оценку уровня общественной опасности, возникшей в результате правонарушения. Показательно единство мнений арбитражных судов, продемонстрированное в делах о привлечении к административной ответственности делинквентов по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ. Суды, разрешая вопрос о возможности отнесения соответствующего административного правонарушения к малозначительным, придают особое значение уровню правовой защищенности соответствующей цели после совершения делинквентом противоправного деяния. Из судебных актов по делам № А46-17037/2022¹⁵, А45-28983/2022¹⁶, А50-29674/2022¹⁷, А72-19150/2022¹⁸ следует, что при разрешении указанной категории дел суды признавали деяния делинквентов малозначительными при условии наличия возможности у кредиторов в дальнейшем получить соответствующее удовлетворение. Иначе говоря, отсутствовала угроза неудовлетворения требований кредиторов, а значит, не созданы условия для наступления общественно опасных последствий.

Судебная практика, выраженная в судебных актах Верховного Суда РФ по делам № 12-10/2019 от 14 января 2021 г.¹⁹,

№ 5-АД20-2 от 10 февраля 2021 г.²⁰, № 66-АД22-2-К8 от 5 июля 2021 г.²¹ и др., в случае квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного, также как и арбитражные суды, указывают на отсутствие каких-либо тяжких последствий, а само деяние не представляет существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. Отказывая в квалификации правонарушения в качестве малозначительного, суды общей юрисдикции, в отличие от арбитражных судов, лишь частично принимают во внимание разъяснения пленумов высших судов или вовсе игнорируют их. В частности, Верховный Суд Республики Бурятия в постановлении от 23 ноября 2022 г. по делу № 21-243/2022 мотивировал отказ в применении положений ст. 2.9 КоАП РФ в связи с формальным составом инкриминируемого правонарушения. Суд указал, что существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении каких-либо последствий, а в пренебрежительном отношении правонарушителя к исполнению своих обязанностей. Суд сослался на право применять положения о малозначительности и отказался принимать во внимание предложенную судебную практику. Кассационная инстанция военного суда в постановлении от 24 июля 2020 г. № 16-126/2020, отказывая в квалификации правонарушения в качестве

¹⁴ *Решение* Арбитр. суда Томск. обл. от 24 авг. 2022 г. по делу № А67-5770/2022 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/B3lcaMrwV1xo/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁵ *Решение* Арбитр. суда Омск. обл. от 23 янв. 2023 г. по делу № А46-17037/2022 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SaAJYZ8sHVZg/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁶ *Решение* Арбитр. суда Новосиб. обл. от 31 янв. 2023 г. по делу № А45-28983/2022 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kXvL2zmMmLNc/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁷ *Решение* Арбитр. суда Перм. края от 25 февр. 2023 г. по делу № А50-29674/2022 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/QUprbYcqoVw/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁸ *Решение* Арбитр. суда Ульяновск. обл. от 22 февр. 2023 г. по делу № А72-19150/2022 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kImC6mj95Ib2/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁹ *Постановление* Верхов. Суда Рос. Федерации от 14 янв. 2021 г. по делу № 12-10/2019 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrfl/doc/a95JjDiMtGyE/> (дата обращения: 15.03.2023).

²⁰ *Постановление* Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 янв. 2020 г. по делу № 5-АД20-2 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrfl/doc/7Ux7H0iGE5Y/> (дата обращения: 15.03.2023).

²¹ *Постановление* Верхов. Суда Рос. Федерации от 5 июля 2022 г. по делу № 66-АД22-2-К8 // Судеб. и норматив. акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrfl/doc/rc8myjprTPNZ/> (дата обращения: 15.03.2023).

малозначительного, установила, что ссылка заявителя об отсутствии негативных последствий не свидетельствует о наличии оснований для применения положений ст. 2.9 КоАП РФ с учетом формального характера состава вмененного административного правонарушения, по которому не требуется наступление последствий. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в своем постановлении от 14 апреля 2022 г. по делу № 16-2159/2022 мотивировал отказ применить положения ст. 2.9 КоАП РФ конкретным обстоятельством данного дела и отсутствием объективных оснований признать правонарушение малозначительным.

Обращает на себя внимание и тот факт, что несмотря на различия в подходе судов общей юрисдикции и арбитражных судов к применению института малозначительности, остаются сходными основания для начала разрешения вопроса о малозначительности. В «судебном обычае» сложилась практика необходимости поступления заявления от делинквента или его защитника о малозначительности совершенного административного правонарушения. Такая практика не способствует полному и объективному рассмотрению дела об административном правонарушении. В отличие от правоприменителей Англии, Шотландии [3, с. 80–81], где преступление еще до начала судебного разбирательства квалифицировано малозначительным, российские правоприменители, исходя из смысла совокупности общих норм и норм, регулирующих проведение процесса рассмотрения дела об административном правонарушении, могут установить малозначительность административного правонарушения вследствие всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела

об административном правонарушении, а значит, основанием к началу рассмотрения вопроса о возможности квалифицировать правонарушение в качестве малозначительного должен являться переход суда к стадии рассмотрения дела об административном правонарушении по существу. Отсутствие четко регламентированных правил применения положений ст. 2.9 КоАП РФ и установленный КоАП РФ порядок рассмотрения дел об административном правонарушении явно противоречит разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации, изложенным в постановлении от 16 июня 2009 г. № 9-П²², в котором суд указал, что законодатель вправе устанавливать пределы целесообразности публичного преследования таким образом, чтобы обеспечить наряду с эффективной государственной защитой прав граждан процессуальную экономию, оперативность при рассмотрении дел и профилактику правонарушений. Одновременно разъяснено, что отказываясь в некоторых случаях от преследования лица за административное правонарушение, не имеющее существенной общественной опасности, государство полагает это излишним с точки зрения задач законодательства об административных правонарушениях, поскольку иное не оправдывало бы усилий по установлению события и состава административного правонарушения и не способствовало бы повышению эффективности публичного преследования и профилактического значения административной ответственности. Именно таковы в этом случае причины отказа от административного преследования, что не предполагает разрешения вопроса о виновном статусе лица, подлежащего разрешению в ходе производства по делу.

²² По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филендрова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П // Рос. газ. 2009. 3 июля.

**РАЗЪЯСНЕНИЕ СУДАМИ
ОСНОВАНИЙ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРАВОНАРУШЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ
МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОГО**

Указанное выше разъяснение Верховного Суда Российской Федерации не является единственным. Отсутствие в действующем законодательстве Российской Федерации определения «малозначительность совершенного административного правонарушения», критериев малозначительности, согласно которым возможно квалифицировать деяния в качестве такого, приводит к разногласиям в судебной практике при проверке правоприменителем возможности квалифицировать правонарушение в качестве малозначительного [1, с. 49]. Отсутствие законодательно регламентированного подхода к процедуре реализации ст. 2.9 КоАП РФ также не способствует надлежащему функционированию института малозначительности в делах об административных правонарушениях. Изложенные обстоятельства влекут широкое административное и судебное усмотрение [6, с. 56]. Широкое судебное и административное усмотрение имеет негативные последствия в виде незаконного административного усмотрения с негативным явлением коррупции [7, с. 377]. Зарубежные органы исполнительной власти, имеющие аналогичную правовую норму, утверждают, что избежать коррупционного фактора возможно через определение конкретных случаев, при наличии которых может применяться институт освобождения от административной ответственности при малозна-

чительности правонарушения²³. В силу ст.ст. 126 и 127²⁴ Конституции Российской Федерации ранее и на сегодняшний день обеспечение единообразия в классификации малозначительного совершенного административного правонарушения осуществляется исходя из разъяснений Пленумов Верховного суда Российской Федерации и упраздненного в 2014 г. Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. Анализ правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, названных в настоящей статье приводит к выводу об основополагающем значении разъяснений изложенных в Постановлении ВС РФ № 5 и постановлении Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»²⁵ (далее – Постановление ВАС РФ № 10). Постановление ВС РФ № 5 в третьем абзаце п. 21 содержит сформулированное судом определение малозначительности совершенного административного правонарушения: «Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений». В пункте 18 Постановления ВАС РФ № 10 названы

²³ Снижение размеров штрафов, смягчение санкций и назначение предупреждений – оптимизация КоАП в интервью с Н. Пан // Офиц. информ. ресурс премьер-министра Респ. Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/snizhenie-razmerov-shtrafov-smyagchenie-sanktsii-i-naznachenie-preduprezhdenii-optimizatsiya-koap-v-intervyu-s-n-pan> (дата обращения: 15.03.2023).

²⁴ Статья 127 исключена в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 6 февраля 2014 г. (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=102171106&intelsearch= (дата обращения: 15.03.2023)).

²⁵ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

критерии, подлежащие выяснению судом при классификации правонарушения в качестве малозначительного:

– оценка конкретных обстоятельств совершения административного правонарушения;

– наличие или отсутствие существенной угрозы охраняемым общественным отношениям;

– отсутствие оговорок о применении ст. 2.9 КоАП РФ к каким-либо конкретным составам правонарушений, предусмотренных КоАП РФ;

– конкретность обстоятельств, позволяющих или не позволяющих квалифицировать деяния в качестве малозначительного;

– исключительность;

– мотивированность применения судом положений ст. 2.9 КоАП РФ.

В Постановлении ВАС РФ № 10 установлено, что на квалификацию правонарушения в качестве малозначительного не влияет наличие таких обстоятельств, как: личность; имущественное положение привлекаемого к ответственности лица; добровольное устранение последствий правонарушения; возмещение причиненного ущерба. Судом отмечено, что кассационная инстанция не компетентна оценивать выводы Арбитражного суда первой и (или) апелляционной инстанции о наличии или отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, исходя из совершенного лицом правонарушения, и, как следствие, о возможности или невозможности квалификации такого правонарушения как малозначительного.

Критерий «исключительность» в применении ст. 2.9 КоАП РФ совершенно не раскрыт высшими судами. Нет ответа на вопрос, какие делинквенты подпадают под этот критерий, а какие нет. Почему совершение административного правонарушения этим делинквентом отвечает критерию «исключительность», а совершение

административного правонарушения другим делинквентом не отвечает критерию «исключительность». Как критерий «исключительность» коррелируется с конституционными нормами посвященным правам граждан, а более всего со ст. 19 Конституции Российской Федерации, указывающей на равенство всех граждан перед законом и судом.

На наш взгляд, определение малозначительного административного правонарушения и его критерии, предложенные высшими судебными инстанциями, в большей степени отвечают практической стороне правоприменения ст. 2.9 КоАП РФ и должны быть оформлены в качестве соответствующих норм права.

Вместе тем Л. А. Тихомирова в своей работе²⁶ обратила внимание на то, что Конституционный Суд Российской Федерации, поддержав изложенную позицию высших судов, не разъяснил как коррелируются права делинквентов, закрепленные в Конституции Российской Федерации, и дискреционный характер освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью. Как указал Конституционный Суд России в определении от 5 ноября 2003 г. № 349-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Арбитражного суда Челябинской области о проверке конституционности части 1 статьи 4.1 и статьи 14.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»²⁷, правоприменителем законодателем было представлено право принимать решение об освобождении лица от ответственности, руководствуясь собственным усмотрением, и самостоятельно в каждом случае устанавливать признаки (критерии) малозначительности. Заботясь о соблюдении принципа неотвратимости наказания, Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке

²⁶ Тихомирова Л. А. Указ. соч. С. 201.

²⁷ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко»²⁸ не разъяснил, как соблюсти равенство делинквентов при том условии, если один правоприменитель проверяет наличие обстоятельств, позволяющих назвать правонарушение малозначительным, а другой таких действий не осуществляет. На эту тему отсутствуют и разъяснения иных высших судов. На наш взгляд, административное или судебное усмотрение нарушает права делинквентов на равенство перед законом и судом, создает условия для проявления коррупционных взаимоотношений, не только между делинквентом и правоприменителем, но и между правоприменителем и лицом, выявившим административное правонарушение, зафиксировавшего его и сообщившего о нем уполномоченным правоприменителям. Нарушение прав делинквентов на равенство перед законом и судом является основополагающим и влечет риск нарушения прав:

- на соблюдение баланса между деянием и установленным законом наказанием (п. 3 ст. 55 Конституции РФ);
- на гарантию государством наличия прав и свобод человека и гражданина (ст. 45 Конституции РФ);
- на гарантию судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 46 Конституции РФ).

Для правового демократического государства недопустимо создавать условия для нарушения прав граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о целесообразности устранения дискреционного характера освобождения от административной ответственности

делинквента в рамках института малозначительности не разработан в доктрине административного права. Разрешение поставленного в настоящей статье вопроса требует большой и серьезной дискуссии в среде ученого сообщества и уполномоченных правоприменителей. Дальнейшее развитие института малозначительности поможет полнее раскрыть суть критерия «исключительность» при реализации положений ст. 2.9 КоАП РФ правоприменителем. Достаточное законодательное оформление, куда включается определение «малозначительное административное правонарушение», критерии, правила регулирования порядка проверки наличия оснований для применения ст. 2.9 КоАП РФ, способствует повышению эффективности публичного преследования и профилактического значения административной ответственности. Реализация законодателем права установить пределы целесообразности публичного преследования таким образом, чтобы обеспечить эффективную государственную защиту прав участников дела об административном правонарушении и общества в целом, процессуальную экономию, оперативность при рассмотрении дел и профилактику правонарушений будет отвечать основополагающим нормам Конституции РФ. В целях обеспечения конституционных прав делинквентов и иных участников дел об административных правонарушениях, в частности обеспечения соблюдения права на равенство всех перед законом и судом мы предлагаем изложить ст. 2.9 КоАП РФ, взяв за основу разъяснения высших судов в части определения «малозначительное административное правонарушение» и соответствующие критерии, без указания критерия «исключительность» ввиду его доктринальной и правовой неразработанности, включить правила применения редактируемой нормы, изложив в следующей редакции: «2.9. Выявив малозначительность

²⁸ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в совершенном административном правонарушении, судья, орган, должностное лицо, уполномоченные разрешать дело об административном правонарушении, совместно именуемые правоприменитель, обязаны освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием».

Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений

При проверке возможности признать административное правонарушение малозначительным на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении правоприменителю надлежит

исходить из совокупности следующих критериев:

– оценка конкретных обстоятельств совершения административного правонарушения;

– наличие или отсутствие существенной угрозы охраняемым общественным отношениям;

– отсутствие оговорок о применении ст.2.9 КоАП РФ к каким-либо конкретным составам правонарушений, предусмотренных КоАП РФ;

– конкретность обстоятельств, позволяющих или не позволяющих квалифицировать деяния в качестве малозначительного;

– мотивированность применения судом положений ст. 2.9 КоАП РФ.

Включить в норму определение малозначительного административного правонарушения и критерии малозначительности, предложенные высшими судами, представляется более верным способом придать норме практический характер при рассмотрении дел об административном правонарушении.

Список литературы

1. Даровских С. М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 7 (266). С. 96–98.
2. Житкий П. Д. Некоторые аспекты применения антимонопольными органами малозначительности по делам о нарушении рекламного законодательства // Конкурентное право. 2017. № 1. С. 25–27.
3. Панов А. Б. О малозначительности административных правонарушений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 80–98.
4. Горб Е. Е., Степенко В. Е. К вопросу о признании административных правонарушений, совершенных арбитражными управляющими, малозначительными // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 12. С. 33–38.
5. Маматов М. В., Маслов И. А. Малозначительность административного правонарушения и вопросы прокурорской практики // Законность. 2020. № 2 (1024). С. 10–17.
6. Ломакина Л. А. Понятие малозначительности административного правонарушения в КоАП РФ // Журнал российского права. 2012. № 9 (189). С. 55–59.
7. Серков П. П., Соловей Ю. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 4. С. 374–383. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-4-374-383>

References

1. Darovskikh S. M. On the Problem of Insignificance of Administrative Violation. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2012;7:96-98. (In Russ.).
2. Zhitkiy P. D. Several Aspects of Invocation by Antitrust Authorities of Insignificance in Advertising Cases. *Competition Law*. 2017;1:25-27. (In Russ.).
3. Panov A. B. On Insignificance in Administrative Offences. *Law Journal of the Higher School of Economics*. 2012;2:80-98. (In Russ.).
4. Gorb E. E., Stepenko V. E. Revisiting the Recognition of Administrative Offenses Committed By an Insolvency Receiver as Minor. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2016;12:33-38. (In Russ.).

5. Mamatov M. V., Maslov I. A. Low Significance of an Administrative Offence and Issues of Prosecutorial Practice. *Zakonnost Journal*. 2020;2:10-17. (In Russ.).

6. Lomakina L. A. The Notion of Insignificance of Administrative Offence in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2012;9:55-59. (In Russ.).

7. Serkov P. P., Solovey Yu. P. Administrative Discretion: Questions and Answers (Part 1). *Siberian Law Review*. 2022;19(4):374-383. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-4-374-383> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Николаевич Потапов, начальник юридического отдела «ООО ТД Шкurenко» (Красный переулок, 2, Омск, 644121, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4470-3133>; e-mail: ferre.2012@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel N. Potapov, Director of Legal Affairs Department of “LLC TD Shkurenko” (2 Krasny Lane, Omsk, 644121, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4470-3133>; e-mail: ferre.2012@mail.ru

Поступила | Received
31.03.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
16.06.2023

Принята к публикации | Accepted
20.09.2023

УДК 342.92:347.61
DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-4-381-396
EDN: CYLZFD

Оригинальная научная статья

Административная ответственность за насилие в сиблинговых отношениях

А. В. Равнюшкин

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*
✉ ravnyushkin@mail.ru

Аннотация. Насилие между детьми, в том числе между братьями и сестрами, рассматривается как отдельная форма семейного (домашнего) насилия. Обосновывается наличие проблемного характера этого противоправного феномена на основе анализа и обобщения результатов научных исследований российских и зарубежных ученых, включая полученные ими социологические и иные данные. Целью работы является исследование и определение степени общественного и научного признания проблемы насилия между братьями и сестрами как таковой в правовом и иных аспектах, рассмотрение наличия основания, согласно которому возможно выделить его в качестве отдельной формы семейного (домашнего) насилия для совершенствования организации деятельности органов профилактики правонарушений. Автор применил диалектический подход к научному познанию общественных отношений, связанных с совершением актов насилия между братьями и сестрами, метод анализа и обобщения результатов научных исследований. Результатами исследования явились подтверждение гипотезы о существовании за рубежом и в России фактов совершения насилия в отношении братьев и сестер и востребованная необходимость признания последнего отдельной формой семейного насилия, а также предложение расширенного понимания объекта государственно-правовой защиты прав личности от домашнего (семейного) насилия в зависимости от вида лиц, покушающихся на эти права. В качестве субъектов семейно-бытовых отношений выступают не только родители (сожители) и иные законные представители несовершеннолетних, но и старшие дети, которые совершают акты насилия в отношении младших братьев и сестер. Предложенное понимание объекта административных и иных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, позволит органам профилактики правонарушений усовершенствовать организацию собственной деятельности в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: неблагоприятные события детства, форма семейного насилия, административно-противоправное насилие со стороны братьев и сестер, объект государственно-правовой защиты, административная ответственность

Для цитирования: Равнюшкин А. В. Административная ответственность за насилие в сиблинговых отношениях // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 381–396. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-381-396>. EDN: <https://elibrary.ru/cylzfd>

Original scientific article

Administrative Responsibility for Violence in Sibling Relationships

A. V. Ravnyushkin

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,

Saint Petersburg, Russian Federation

✉ ravnyushkin@mail.ru

Abstract. Violence between children, including between siblings, is considered as a separate form of family (domestic) violence. The problematic nature of this illegal phenomenon is substantiated based on analysis and generalization of the results of scientific research by Russian and foreign scientists, including sociological and other data obtained by them. The aim of the work is to study and determine the degree of public and scientific recognition of the problem of violence between siblings in principal in legal and other aspects, to consider the existence of a basis according to which it is possible to identify it as a separate form of family (domestic) violence in order to improve the organization of the activities of crime prevention bodies. The Author applied a dialectical approach to the scientific cognition of social relations associated with the commission of acts of violence between siblings, the method of analysis and generalization of the results of scientific research. The results of the study were the confirmation of the hypothesis about the existence of the facts of committing violence between siblings abroad and in Russia and the demanded need to recognize it as a separate form of domestic violence, as well as the suggestion of an expanded understanding of the object of state-legal protection of individual rights from domestic (family) violence depending on the type of persons attempting to commit it. Not only parents (cohabitants) and other legal representatives of minors act as subjects of family and domestic relations, but also older children who commit acts of violence against younger brothers and sisters. The proposed understanding of the object of administrative and other offences committed in the sphere of family and domestic relations will allow the bodies of law violation prevention to improve the organization of their own activities in the field of protection of the rights and legitimate interests of minors.

Keywords: adverse childhood events, form of domestic violence, administrative and unlawful violence by siblings, object of state-legal protection, administrative responsibility

For citation: Ravnyushkin A. V. Administrative Responsibility for Violence in Sibling Relationships. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):381-396. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-381-396>. EDN: <https://elibrary.ru/cylzfd> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Семейное (домашнее) насилие, совершаемое детьми (братьями и сестрами), как негативное явление порождает вредные последствия, влияющие на дальнейшую жизнедеятельность человека. Оно

препятствует гармоничному развитию, которое возможно только на основе традиционных ценностей, к которым среди прочих относятся высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд¹.

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.05.2023).

Научная новизна исследования определяется тем, что в Российской Федерации феномен совершения актов насилия со стороны братьев и сестер в семье не рассматривается в качестве отдельной формы домашнего (семейного) насилия, что в определенной степени порождает некоторые упущения в организации работы органов профилактики правонарушений, что усиливает практическую значимость настоящей работы.

Человечество прошло через различные этапы развития и формирования взглядов и представлений о насилии, его видах. На современном этапе общество осознало, что насилие и агрессия – явления социальные, и что их необходимо сдерживать, минимизировать. Данное понимание сложилось во многих странах, включая и Российскую Федерацию, в которой на протяжении последнего десятилетия были разработаны и приняты нормативные правовые акты, направленные на регулирование как профилактики насильственных правонарушений в целом², так и отдельных ее аспектов, прежде всего в целях защиты прав детей.

Так, Указом Президента РФ в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства 2018–2027 гг. были объявлены в России Десятилетием детства³, распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, реализуется Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года⁴.

Насилие как социальное явление остается сферой научных интересов ученых, а насилие в семье (домашнее насилие) как фактор, порождающий вредные последствия, впервые было признано социальной проблемой в конце XIX в. [1, с. 311], и до настоящего времени не теряет своей актуальности в Российской Федерации и за рубежом.

Сегодня в некоторых зарубежных странах ставится вопрос о полной ликвидации феномена насилия, в том числе и в сфере семейных (домашних) отношений, устранения угроз применения насилия в отношении женщин, при воспитании детей.

Любые виды насилия разрушают здоровье людей. В законодательстве Российской Федерации понятие здоровья отражает комплексный характер этого состояния. Так, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под здоровьем понимается состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма (п. 1 ч. 1 ст. 2)⁵.

Особой охране, в том числе от семейного насилия, подлежит здоровье детей как одно из важнейших и необходимых условий их физического и психологического развития. Негативному влиянию семейного (домашнего) психологического насилия на развитие детей посвящено большое количество научных работ [2–6].

Характер сложившихся отношений между взрослыми членами семьи влияет

² *Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации* : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».

³ *Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства* : указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 26.05.2023).

⁴ *Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года* : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р // Электрон. фонд правовых и норматив.-техн. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420395219> (дата обращения: 26.05.2023).

⁵ Доступ из СПС «Гарант».

на психологическое развитие детей. Частые семейные конфликты, сопровождающиеся применением физического насилия, происходящие непосредственно в присутствии детей, негативно отражаются на их состоянии здоровья. Это умозаключение только подтверждает более общее, обозначенное Д. Е. Дроздовым: «Физическое насилие всегда сопровождается психическим, поскольку любое негативное воздействие на организм аналогичным образом отражается на психике». Автор отмечает, что «некоторые формы психического насилия обладают характеристиками более опасными. В частности, длительное лишение человека сна, воздействие светом, звуком и многое другое» [7, с. 297].

Акты противоправного поведения, включающие психологическое насилие, являются составной частью различных видов преступлений, что признано наукой уголовного права. По результатам проведенного А. Ю. Решетниковой и Л. Н. Клоченко анализа определений психологического насилия были определены признаки последнего: совершается в виде конкретного волевого акта человеческого поведения; имеет непосредственный или опосредованный характер и конкретного адресата; направлен на достижение цели; выступает способом совершения преступления и вызывает определенные последствия [8].

Однако психологическое насилие применяется и при совершении административных правонарушений, в том числе в обстоятельствах, связанных с детьми.

В качестве *гипотезы* исследования выступает предположение, что признание существования насилия между братьями и сестрами как отдельной формы семейного насилия, а также предложение расширенного понимания объекта государственно-правовой защиты прав личности от домашнего (семейного) насилия в зависимости от вида лиц, покушающихся

на него, позволит учитывать определенные упущения в организации работы органов профилактики правонарушений в данном направлении.

Методологическую основу исследования составил диалектический подход к научному познанию общественных отношений, связанных с совершением актов насилия со стороны детей (братьев и сестер), метод анализа и обобщения результатов научных исследований, позволившие сформулировать и обосновать выводы. К числу специальных методов, примененных в исследовании, относятся сравнительно-правовой метод исследования. В качестве основных материалов исследования послужили результаты научных исследований российских и зарубежных ученых, нормативные акты и статистические данные.

Цель. Понимая значимость качества детского этапа развития человека, вредоносность (общественную опасность) совершаемых на данном этапе актов семейного насилия как непосредственно в отношении несовершеннолетних (первый фактор), так и при семейно-бытовых конфликтах между родителями и иными законными представителями (второй фактор), представляется необходимым изучить также и проблему насилия, совершаемого братьями и сестрами (третий фактор). В целом все три фактора образуют неблагоприятные события детства, оказывающие влияние на последующую жизнь человека, поэтому органам профилактики правонарушений необходимо учитывать все три фактора при организации собственной деятельности.

Это обусловило постановку следующих *задач*: исследовать степень общественного и научного признания проблемы детского насилия (между братьями и сестрами) как таковой; рассмотреть наличие основания, позволяющего выделить насилие между братьями и сестрами в качестве отдельной формы домашнего

(семейного) насилия; уточнить содержание объекта семейно-бытового правонарушения как объекта государственно-правовой защиты.

О ФАКТОРЕ НАСИЛИЯ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ И СЕСТРАМИ

В глобальных стратегиях здравоохранения все больше признается связь между опытом раннего детства и состоянием здоровья на протяжении всей жизни. Важность опыта раннего детства настолько очевидна, что в Европе в обзоре социальных детерминант и здоровья Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) говорится, что «наивысшим приоритетом для стран является обеспечение хорошего начала жизни для каждого ребенка»⁶.

В отечественной административной науке психологическое насилие и насилие, происходящее между братьями и сестрами, как негативные явления практически не исследованы. Нужно согласиться с тем, что психологическое насилие обладает аналогичными признаками и при совершении административных правонарушений. Так, при нанесении побоев в отношении матери лицо действует умышленно, совершает в отношении нее физическое и психическое насилие, однако при этом причиняет опосредованное психологическое насилие и в отношении присутствующего при побоях ребенка.

Качество жизни не только формируется человеком посредством его собственных усилий, но и закладывается родителями и иными законными представителями. Как мальчики, так и девочки, ставшие свидетелями насилия в семье, быстро усваивают, что насилие является подходящим способом разрешения конфликта в человеческих отношениях.

На качество раннего периода жизни, помимо прочего, влияет вид взаимоотношений, который складывается не только между родителями (сожителями), родителями и детьми, но и между самими детьми (братьями и сестрами), при том, что эти взаимоотношения нередко носят насильственный характер и это отражается на последующих этапах жизнедеятельности человека.

Думается, что актуальность и значимость проблемы подобного вида насилия очевидна и для Российской Федерации.

ЗАРУБЕЖНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ СОБЫТИЯХ ДЕТСТВА, СВЯЗАННЫХ С НАСИЛИЕМ

О влиянии семейного насилия на детей впервые заговорили западные ученые, и на современном этапе эта тематика более изучена именно ими. По их мнению, появляется все больше свидетельств того, что конкретный опыт детства, связанный с насилием, увеличивает риск того, что в последующем люди будут придерживаться поведения, наносящего вред здоровью, и у них разовьется хроническое нездоровье [9; 10].

Конфликт между братьями и сестрами, даже если он связан с агрессией, часто рассматривается как непротивоправный и безвредный компонент отношений между братьями и сестрами. Однако в 1980 г. в США вышла научная работа М. А. Струса, Р. Дж. Геллеса и С. К. Штайнмца «За закрытыми дверями: насилие в американской семье», в которой рассматривались вопросы распространенности супружеского насилия, жестокого обращения с детьми и конфликтов между братьями и сестрами. Авторы исследовали

⁶ *Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения. Обзор социальных детерминант и различий в состоянии здоровья в Европейском регионе ВОЗ : окончательный отчет. Копенгаген : Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения, 2013 // Документац. центр Всемир. организации здравоохранения. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/soczialno-ekonomicheskie-usloviya/2661.html> (дата обращения: 28.05.2023).*

взаимосвязь между супружеским насилием и жестоким обращением с детьми, а также жестокое обращение между братьями и сестрами, насилие со стороны детей по отношению к своим родителям, а также причины и последствия словесных оскорблений.

Насилие измерялось с использованием шкалы конфликтных тактик, которая определяла три метода разрешения конфликтов: (1) рациональное обсуждение и аргументация; (2) вербальные и невербальные выражения враждебности; и (3) физическая сила или насилие. В исследовании рассматривалось насилие между партнерами по браку и между братьями и сестрами, социальные модели насилия в семье, его причины и профилактика. Результаты показали, что насилию подвергались почти 2 млн жен и 2 млн мужей ежегодно. Что касается детей, то большинство родителей одобряли порку и шлепки своих детей. Общий уровень насилия между братьями и сестрами намного превышал тот, который имел место между родителями и детьми или между супругами [11, р. 3–4].

Однако под воздействием государственной политики, реализуемой в США и в других странах Запада, направленной на искоренение семейного (домашнего) насилия, отношение к нему людей стало видоизменяться. Интерес к этому явлению в научной среде стал увеличиваться.

Учеными был выявлена и определена совокупность *неблагоприятных событий детства* (далее – НСД), к которым относятся: прямое насилие над ребенком (сексуальное, психологическое и физическое) и семейное насилие; насилие со стороны братьев и сестер; безнадзорность, разлучение родителей и членов семьи, семейное неблагополучие, вызванное злоупотреблением алкоголем, наркотиками и психоактивными веществами [9; 10].

На невзгоды детства приходится 29,8 % всех расстройств в разных странах. Так,

британские ученые еще в 2010 г. провели социологические опросы в девяти странах, классифицированных Всемирным банком как страны с высоким уровнем дохода (Бельгия, Франция, Германия, Израиль, Италия, Япония, Нидерланды, Испания, США), шести странах с уровнем дохода выше среднего (Бразилия, Болгария, Литва, Мексика, Румыния, Южная Корея) и шести странах с низким/ниже среднего уровнем дохода (Колумбия, Индия, Ирак, Нигерия, Китайская Народная Республика, Украина). В общей сложности в этих опросах приняли участие 51 945 взрослых (в возрасте 18 лет и старше).

Результаты этого исследования показывают, что смерть родителей была самым распространенным несчастьем в детстве (11,0–14,8 %). Другие детские проблемы включали физическое насилие (5,3–10,8 %), насилие в семье (4,2–7,8 %) и психические заболевания родителей (5,3–6,7 %) [12; р. 379].

Коэффициенты вероятности, связанные с количеством НСД, вызванных неадекватным функционированием семьи, были стабильно и значительно отрицательными во всех классах и группах исследуемых стран [12, р. 380].

К числу источников семейного насилия относится насилие со стороны братьев и сестер. В настоящее время известно, что воздействие детской травмы наносит немедленный физический ущерб (например, травма), но также вызывает длительные биологические и психологические изменения. Детская травма может изменить развитие мозга [9, р. 274].

НСД связаны с устойчивыми изменениями в нервной, эндокринной и иммунной системах. Они вызывают значительные биологические изменения у детей, изменяя созревание и рабочий баланс аллостатических систем. Их хроническая активация может привести к прогрессирующему износу или аллостатической нагрузке и перегрузке и может оказывать

долгосрочное воздействие на биологическое старение и здоровье [13, р. 29].

Формируется научный консенсус в отношении того, что истоки болезней у взрослых часто кроются в нарушениях развития и биологических нарушениях, происходящих в первые годы жизни. Этот ранний опыт может повлиять на здоровье взрослых двумя способами – путем накопления ущерба с течением времени либо путем биологического закрепления невзгод в чувствительные периоды развития [14, р. 2252].

Так, ученые из США Д. Финкельхор, Х. А. Тернер, А. Шаттак и С. Л. Хэмби провели исследование в целях получения актуальных оценок частоты и распространенности широкого спектра случаев насилия, преступности и жестокого обращения в детстве. В ходе исследования были проведены Интервью по телефону сотрудниками опытной исследовательской фирмы, проводившей опросы. Оно состояло из национальной выборки 4 000 детей и молодежи в возрасте от 0 до 17 лет за период с 28 августа 2013 г. по 30 апреля 2014 г.

Общенациональная выборка была получена с использованием следующих четырех источников: (1) адресная выборка НСД домохозяйств, из которых можно было набрать номера сотовых телефонов и места жительства, (2) предварительно отобранная выборка домохозяйств с детьми из недавних национальных опросов, набираемых случайными цифрами, (3) выборка стационарных телефонов (с известным ребенком в домохозяйстве на основе коммерческих списков) и (4) номера сотовых телефонов, взятые из целевого набора случайных цифр. Это сочетание рамок выборки было попыткой увеличить общенациональный охват домохозяйств, включая те, которые обслуживаются только по мобильному телефону, при эффективном охвате домохозяйств с детьми для получения желаемого количества завершенных интервью [15, р. 747].

Если выбранному ребенку было от 10 до 17 лет, с ним проводилось основное телефонное интервью. В противном случае интервью проводилось с лицом, осуществляющим уход, которое было наиболее знакомо с распорядком дня и опытом ребенка.

Вопросник по виктимизации несовершеннолетних включал вопросы о 53 формах правонарушений против детей, охватывающих следующие 6 общих областей: общие преступления; жестокое обращение с детьми; правонарушения сверстников и братьев/сестер; сексуальное насилие; свидетельствование и косвенное воздействие насилия, а также правонарушения в Интернете.

Более трети всей детей (37,3 %) подвергались физическому насилию в течение учебного года, в основном со стороны братьев, сестер и сверстников. Нападение, повлекшее за собой травму, произошло в 9,3 % случаев. Нападение со стороны взрослого произошло в 5,1 % случаев. Нападением подвергалось больше мальчиков, чем девочек (41,6 % против 33,0 %). Мальчики имели особенно непропорционально высокий уровень насилия со стороны взрослых (6,9 % против 3,3 %), насилия со стороны сверстников, не являющихся взрослыми (20,6 % против 10,4 %). Физическое запугивание было самым высоким среди детей младше 10 лет, а агрессия в отношениях была самой высокой среди детей в возрасте от 10 до 13 лет [15, р. 749–750].

Другое исследование 12-летних детей в Великобритании показало, что 26,2 % опрошенных подвергались издевательствам со стороны братьев и сестер [16, р. 749–750].

Обозначенные исследования продемонстрировали потенциальное пагубное воздействие насилия со стороны братьев и сестер как на психологическую, так и на поведенческую адаптацию в детском и подростковом возрасте. В детстве

виктимизация братьев и сестер связана с более низкой самооценкой, большей депрессией, тревогой, самоповреждающим поведением, проблемами с поведением и общими проблемами психического здоровья.

Подростки, ставшие жертвами брата или сестры, имеют больше проблем с психическим здоровьем и более склонны к экстернализирующему поведению и правонарушениям. Кроме того, насилие между братьями и сестрами усиливает родительский стресс, увеличивая вероятность применения жестких и дисфункциональных стратегий воспитания [17].

Существует лишь небольшое число исследований, которые показывают, что жестокое обращение с детьми со стороны родителей и виктимизация братьев и сестер связаны [18; 19].

Ученые признают, что все более очевидным становится влияние НСД на долгосрочную заболеваемость неинфекционными заболеваниями и на преждевременную смертность. Так, у лиц, подвергшихся четырем или более категориям воздействия в детстве, по сравнению с теми, кто не подвергался ни одной из них, в 4–12 раз повышался риск алкоголизма, наркомании, депрессии и попыток самоубийства. Количество категорий неблагоприятного воздействия в детском возрасте показало постепенную связь с наличием заболеваний у взрослых, включая ишемическую болезнь сердца, рак, хронические заболевания легких, переломы скелета и заболевания печени [20, р. 245].

Группа английских ученых пришла к выводу, что ретроспективные исследования НСД могут быть быстрым и эффективным механизмом для определения издержек детских невзгод для здоровья

и систем здравоохранения и для поощрения инвестиций в эффективную профилактику в раннем возрасте.

В их исследовании была установлена взаимосвязь между НСД и заболеваемостью и смертностью на протяжении всей жизни. Включив вопросы о смертности братьев и сестер в стандартное ретроспективное обследование НСД, они выявили почти двукратный уровень преждевременной смертности в возрасте до 70 лет у лиц с НСД (по сравнению с отсутствием) [21, р. 451].

Виктимизация братьев и сестер связана с физическим насилием и безнадзорностью со стороны родителей, пренебрежением их правами [17, р. 245]. При этом имеются некоторые свидетельства того, что братья и сестры из семей, где царит насилие, могут проявлять меньше агрессии и физического насилия и поддерживать друг друга [22].

О НАСИЛИИ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ И СЕСТРАМИ В РОССИИ

В Российской Федерации проблема насилия старших братьев и сестер над младшими не вызывает интереса у широкого круга общественности, ученых, должностных лиц органов власти и высшего руководства страны. Однако данный вид насилия в стране существует. Так, социальные сети, сайты психологических служб и средств массовой информации (газет, журналов, выпусков телепередач) насыщены обозначенной тематикой. На сайте психологической помощи «Психология счастливой жизни» имеется раздел «Мой родной брат меня избивает, что делать?», содержащий много обращений жертв данного вида насилия (с сохранением авторской редакции):

Здравствуйте! Мне 14 лет, моему родному брату 25. Он начинает меня просто на просто оскорблять. Но стоит лишь мне ответить в ответ что-то вроде «Сам такой». Он сразу подходит и начинает меня схватывать за волосы, толкать сильно, да так, что я даже валюсь с ног. Часто мне говорит: «Когда-нибудь я перестану орать и оторву тебе голову, поняла?»

Наилка 01.08.2018 15:01 Мне только 9, у меня каждый день так происходит. Когда папа умер стало все по худшему раньше папа меня защищал, а мама реагирует ну брат продолжает меня бить уже 3 года он меня бьет и обзывает. Меня это все время учит он бьет меня каждый день, например сегодня. Ему только 12, скоро 13.

Адема 17.11.2019 10:35 Помогите пожалуйста. Мне 13, моему брату 15, и он меня бьет всем что увидит. Кидает на меня скалку если я что-то не сделала или не выполнила. Что мне делать? А позже делает вид что ничего не было.

Таня 07.04.2020 17:48 Здравствуйте, мне 17 лет (через 38 дней 18 исполнится) Меня избивает брат, которому 34 года. Он бьет по лицу, ребрам, ногам, голове. Постоянно угрожает что убьет. Сегодня я написала заявление на него в полицию. Он избивал и собственную (с недавних пор бывшую) жену. Теперь мне очень страшно, я боюсь, что он вернется. Он псих.

Пока не известно 16.06.2020 15:20 Мне 14 лет, моему брату 18. Живем в одной квартире. Мой брат избивает меня по любому поводу, если он меня оскорбляет, и я отвечаю ему так же, то он начинает на меня орать бить, унижать. Маме все равно что он меня бьет, ее мнение такое «он просто учит как правильно».

Иван 11.09.2020 16:10 Здравствуйте, меня избивает брат. Мне лет 14, ему 25, бьет руками, когда я падаю на пол или лежу начинает меня бить ногами по легким Он щас военный, может кинуть какой-либо предмет, я всегда ему говорю хватит, но он не останавливается, бьет из-за того что я не пошел ему в магазин или просто когда я говорю нет, начинает надоедать уже потом бьет, потому что я не соглашаюсь.

Даша 20.01.2021 20:30 Мой брат меня тоже избивает, ему 15 мне 12, но ни мама, ни папа ему ничего не говорят, один раз он меня ударил в плечо и был синяк, он начал меня бить с 5–6 лет. Сегодня он мне очень сильно нажал на челюсть, когда-то он мне каждый день нажимал кулаком. Или он меня очень сильно избивал. Подскажите пожалуйста, что делать в такой ситуации⁷.

В Российской Федерации также проводились исследования, аналогичные описанным выше. Однако они были направлены на установление вредных последствий только до 14-летнего возраста. Так, основную группу исследуемых российскими учеными составили 72 ребенка в возрасте от 7 месяцев до 14 лет. В качестве группы контроля была взята группа детей – сирот с рождения (20 человек), которые не подвергались физическому насилию, но находились в условиях депривации⁸.

Для целенаправленного исследования детей в условиях хронического внутрисемейного физического насилия была разработана оригинальная шкала оценки психических нарушений (далее – ШОПН). Исследование по ШОПН позволило разделить обследуемых детей на 3 группы: первая составила 8 % – это риск развития

психических нарушений в результате воздействия фактора физического насилия; вторая и третья группы с умеренными и выраженными нарушениями – соответственно 67 % и 25 %. Выраженность психических нарушений возрастала по мере увеличения возраста обследуемых. Исследование по ШОПН выявило депрессию у 69 % детей, из которых малое депрессивное состояние отмечалось у 39 % детей, в 16 % случаев отмечалось умеренное депрессивное состояние, в 14 % – выраженное. С возрастом в структуре депрессии начинал преобладать дисфорический компонент, в то время как в раннем возрасте тоскливое настроение сопровождалось тревогой и страхами [23, с. 48].

В случаях, когда субъект применяет насилие, влекущее определенный вред здоровью потерпевшему, образуется

⁷ URL: <https://psycabi.net/vopros-psikhologu/semya-otnosheniya-s-rodstvennikami/4013-moj-rodnoj-brat-menya-izbivaet-chto-delat> (дата обращения: 06.06.2023).

⁸ Депривация – сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные потребности.

соответствующий состав преступления. По российскому законодательству, ответственность за побои наступает с 16 лет. Если побои (уголовно или административно противоправные) причиняются лицами, не достигшими этого возраста, то дело не будет возбуждено из-за отсутствия состава правонарушения. И многие факты подобного рода правонарушений остаются безнаказанными. В связи с этим следует отметить, что в предупреждении рассматриваемых фактов приоритетную и важную роль играют родители и иные законные представители. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии (ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.)).

Думается, что такая забота должна включать и пресечение случаев насилия, исходящих от старших братьев и сестер. В противном случае пассивное поведение родителей и иных законных представителей будет оцениваться как пренебрежение правами детей, что является нарушением ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которой способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Так, «законодатель устанавливает ответственность различного рода как за неисполнение родителями своих обязанностей, так и за пренебрежительное отношение или злоупотребление родительскими правами» [24, с. 194].

Однако пренебрежение со стороны родителей и других законных представителей будет носить административно-противоправный характер лишь в том случае, когда кто-либо из братьев или сестер, не достигших возраста юридической ответственности, причиняет побои

либо другие насильственные правонарушения другому ребенку в семье, как правило, младшему, а родители бездействуют. В данном случае предусматривается состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

По мнению Ю. А. Черемухиной, в результате все более глубокого проникновения насилия в жизнь семьи разрушается ее нравственность, происходит ослабление гуманизма семейного воспитания, порождается детская безнадзорность и беспризорность, дети вовлекаются в потребление спиртных напитков, наркотиков, в проституцию и преступную деятельность. Это опасное явление влечет невосполнимые потери в культурном развитии общества [25, с. 133].

Проанализировав асоциальное поведение подростков, Л. Б. Антонова выделяет чаще всего встречающиеся их поведенческие аномалии – это «жестокость по отношению друг к другу и незаконное потребление алкоголя и наркотиков» [26, с. 425].

Нередки случаи, когда из-за существующих проблем в семье, применения в отношении несовершеннолетних насилия, подростки совершают суицидальные действия. Т. М. Занина отмечает, что «причинами детского и подросткового суицида чаще всего являются неблагоприятная атмосфера в семье, факты психологического или физического насилия в семье» [27, с. 174].

Следует отметить высокую степень латентности правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, особенно факты насилия со стороны детей. «Полиция на вызовы в неблагополучные семьи выезжать не любит, а сами жертвы редко обращаются к властям» [28, с. 32].

Об административно-противоправном насилии как явлении федерального уровня стало возможным говорить с того

момента, когда законодатель в 2017 г. декриминализовал ответственность за побои и установил ответственность за их нанесение в ст. 6.1.1 КоАП РФ⁹. Однако ранее в некоторых субъектах Российской Федерации была установлена и действует административная ответственность за совершение насильственных действий как физического, так и психологического характера.

В первом случае в качестве примера можно обозначить ст. 13.8 «Семейно-бытовое дебоширство» закона Республики Башкортостан № 413-з, которой установлена ответственность за совершение рукоприкладства, ругательств, иных действий, посягающих на здоровье, честь и достоинство членов семьи, а также совместно проживающих лиц (семейно-бытовое дебоширство)¹⁰.

Во втором – ст. 1.18 закона Вологодской области от 8 декабря 2010 г. № 2429-ОЗ, предусматривающую административную ответственность за семейно-бытовое дебоширство, т. е. совершение в жилом помещении (домовладении) действий, выражающих явное неуважение к окружающим, в том числе к члену (членам) семьи, сопровождающихся нарушением спокойствия граждан, унижением человеческого достоинства и (или) нецензурной бранью, если эти действия не содержат признаков другого административного правонарушения или уголовно наказуемого деяния¹¹.

Исходя из действующего законодательства под наказуемым административно-противоправным насилием, в том числе

совершаемом в сфере семейно-бытовых отношений, понимается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших уголовно-наказуемых последствий, а также акты психологического насилия (нарушение спокойствия граждан в семье, унижение человеческого достоинства, создание конфликтной ситуации), которые причиняют огромный ущерб нравственности, оказывают деморализующее и психотравмирующее воздействие на членов семьи и лиц, совместно проживающих и ведущих общее хозяйство.

В целом можно констатировать, что проблема насилия между братьями и сестрами в большей степени относится к частным вопросам и не выделяется в отдельное направление деятельности специализированных подразделений полиции и иных субъектов профилактики правонарушений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на сравнительно небольшое количество исследований, посвященных насилию между братьями и сестрами, данный феномен имеет место в Российской Федерации. При этом повышенной вредностью и (или) общественной опасностью обладают те случаи семейного (домашнего) насилия, которые причиняются в отношении значительно младших по возрасту братьев и сестер. Некоторые ситуации, когда родители пренебрегают правами детей-жертв, не реагируют на случаи насилия в отношении младших

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» : федер. закон от 3 июля 2017 г. № 326-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях : закон Респ. Башкортостан от 23 июня 2011 г. № 413-з // Электрон. фонд правовых и норматив.-техн. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450366898> (дата обращения: 30.06.2023).

¹¹ Об административных правонарушениях в Вологодской области : закон Вологод. обл. от 8 дек. 2010 г. № 2429-ОЗ // Электрон. фонд правовых и норматив.-техн. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/895282822> (дата обращения: 30.06.2023).

детей со стороны старших, допустимо признавать как совершение насилия в отношении лиц, находящихся заведомо в беспомощном состоянии. К таким случаям, например, следует отнести такие, когда ребенок-жертва не может в силу младшего возраста и состояния развития оказать противодействие брату/сестре-агрессору. Признание актов насилия в присутствии и (или) в отношении детей как НСД или детских невзгод и оказывающих глубокое влияние на их последующую жизнедеятельность подчеркивают актуальность проблематики противодействия семейному (домашнему) насилию.

Таким образом, факты насилия между братьями и сестрами и их глубинные негативные психологические последствия, которые могут отражаться на протяжении всей последующей жизни, являются основанием для выделения отдельной формы семейного (домашнего) насилия. Ребенок, в отношении которого и (или) в присутствии которого как члена семьи применяется насилие, претерпевает его вредные последствия. Такие факты насилия образуют НСД.

Также следует отметить, что насильственные действия между детьми являются еще одним элементом, характеризующим семейно-бытовые отношения, в которых применяется насилие. Круг участников семейных конфликтов, при которых причиняется насилие, расширяет видение и понимание семейно-бытовых отношений, следовательно, придает уточненную характеристику объекту правонарушений, совершаемых в рассматриваемой сфере. Традиционное понимание, что жертвой домашнего насилия являются женщины, а агрессором мужчина (муж, сожитель), должно видоизмениться. В качестве семейного агрессора выступают и старшие дети, применяющие насилие в отношении младших, тем самым расширяется понимание объекта административно-правовой защиты.

В связи с этим более верным выглядит определение семейного насилия, предложенное Л. Б. Антоновой: умышленное противоправное воздействие на члена семьи со стороны другого члена этой же семьи, совершаемое против воли жертвы и потенциально способное причинить данному члену семьи органическую, физиологическую или психическую травму либо ограничить свободу волеизъявления (действия) данного лица [29, с. 132].

Эффективное вмешательство в работу с детьми, в отношении которых было совершено семейное насилие, исходящее от братьев и сестер, требует целого ряда мер реагирования со стороны ребенка, семьи, школы и сообщества. В целях снижения совершения насильственных действий в семье необходимо:

- повысить степень осведомленности родителей о влиянии насилия в семье в разных его вариантах на их детей и необходимости построения ненасильственных, заботливых отношений как между родителями, так и со своими детьми, добросовестного выполнения своих родительских обязанностей посредством усиления таких административно-правовых средств, как правовая пропаганда и агитация, проведение различных мероприятий со стороны государственных органов, размещения правовой информации на сайте государственных услуг и социальных сетях;

- не допускать случаев халатного выполнения полицейских обязанностей со стороны сотрудников ПДН и других сотрудников полиции по выявлению и пресечению случаев противоправного пренебрежения своими обязанностями родителями и иными законными представителями несовершеннолетних при совершении насилия между братьями и сестрами, принимать соответствующие юридические меры реагирования по привлечению виновных лиц к ответственности;

– расширить возможность детям-жертвам семейного насилия раскрывать факты об этом и передавать такую информацию сотрудникам подразделения по делам несовершеннолетних, органам опеки и попечительства, другим субъектам профилактики для соответствующего правового и иного реагирования и постановки на профилактический учет виновных лиц.

Список литературы

1. Волосова Н. Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 3А. С. 310–319.
2. Алексеева Л. С. Насилие и психическое здоровье детей // Семья в России. 2006. № 2-1. С. 73–80.
3. Луковцева З. В., Ретя С. Э. Домашнее насилие и психические расстройства в подростковом возрасте // Коченовские чтения – 2020. Психология и право в современной России : сб. тез. участников всерос. конф. по юрид. психологии с междунар. участием (Москва, 11–13 нояб. 2020 г.). М. : Моск. гос. психолого-пед. ун-т, 2020. С. 35–36.
4. Марголина И. А., Платонова Н. В., Иванов М. В. Нарушения психического развития у детей из условий внутрисемейного насилия // Психическое здоровье детей страны – будущее здоровье нации : сб. материалов всерос. конф. по детской психиатрии и наркологии (Ярославль, 4–6 окт. 2016 г.). Ярославль : Федер. мед. исследоват. центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, 2016. С. 275–276.
5. Митрохина С. В., Федосеева В. В. Психическое насилие над детьми в семье как фактор проявления буллинга в образовательной среде // Проблемы научной мысли. 2018. Т. 6, № 2. С. 36–39.
6. Барышникова И. М. Психическое насилие как форма жестокого обращения с детьми // Проблемы правопонимания: история и современность: международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В. М. Курицына, 16 декабря 2021 г. : сб. науч. тр. / [сост. А. Ю. Гарашко]. М. : Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 320–322.
7. Дроздов Д. Е. Понятие и признаки психического насилия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 2. С. 297–302.
8. Решетников А. Ю., Клоченко Л. Н. Психологические и правовые основы учения о психическом насилии // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 3. С. 100–111. DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.18.04.P.100>
9. The Enduring Effects of Abuse and Related Adverse Experiences in Childhood: a Convergence of Evidence From Neurobiology and Epidemiology / R. F. Anda, V. J. Felitti, J. D. Bremner, J. D. Walker, C. Whitfield, B. D. Perry, S. R. Dube, W. H. Giles // Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci. 2006. Vol. 256, № 3. P. 174–186. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00406-005-0624-4>
10. Adverse Childhood Experiences: Retrospective Study to Determine Their Impact on Adult Health Behaviours and Health Outcomes in a UK Population / M. A. Bellis, X. Lowy, N. Leckenby, K. Hughes, D. Harrison // Journal of Public Health. 2014. Vol. 36, iss. 1. P. 81–91. DOI: <https://doi.org/10.1093/pubmed/ftd038>
11. Straus M. A., Gelles R. J., Steinmetz S. K. Behind Closed Doors: Violence in the American Family. New Brunswick : New Jersey : Transaction Publishing, 2006. 332 p.
12. Childhood Adversities and Adult Psychopathology in the WHO World Mental Health Surveys / R. C. Kessler, K. A. McLaughlin, J. G. Green [et al.] // The British Journal of Psychiatry. 2010. Vol. 197, iss. 5. P. 378–385. DOI: <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.110.080499>
13. Danese A., McEwen B. S. Adverse Childhood Experiences, Allostatic Load, and Age-Related Disease // Physiology & Behavior. 2012. Vol. 106, iss. 1. P. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2011.08.019>
14. Shonkoff J. P., Boyce W. T., McEwen B. S. Neuroscience, Molecular Biology, and the Childhood Roots of Health Disparities: Building a new Framework for Health Promotion and Disease Prevention // JAMA. 2009. Vol. 301, iss. 21. P. 2252–2259. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.2009.754>
15. Prevalence of Childhood Exposure to Violence, Crime and Abuse: Results from the National Survey Children's Exposure to Violence / D. Finkelhor, H. A. Turner, A. Shattuck, S. L. Hamby // JAMA Pediatrics. 2015. Vol. 169, iss. 8. P. 746–754. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2015.0676>
16. Dantchev S., Wolke D. Trouble in the nest: Antecedents of sibling bullying victimization and perpetration // Developmental Psychology. 2019. Vol. 55, iss. 5. P. 1059–1071. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000700>
17. Van Berckel Sh. R., Tucker C. J., Finkelhor D. The Combination of Sibling Victimization and Parental Child Maltreatment on Mental Health Problems and Delinquency // Child Maltreatment. 2018. Vol. 23, iss. 3. P. 244–253. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077559517751670>
18. Sibling Bullying and Risk of Depression, Anxiety, and Self-Harm: A Prospective Cohort Study / L. Bowes, D. Wolke, C. Joinson, S. T. Lereya, G. Lewis // Pediatrics. 2014. Vol. 134, iss. 4. P. 1032–1039. DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2014-0832>

19. Button D. M., Gealt R. High Risk Behaviors Among Victims of Sibling Violence // *Journal of Family Violence*. 2010. Vol. 25, iss. 2. P. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10896-009-9276-x>
20. Relationship of Childhood Abuse and Household Dysfunction to Many of the Leading Causes of Death in Adults. The Adverse Childhood Experiences (ACE) Study / V. J. Felitti, R. F. Anda, D. Nordenberg, D. F. Williamson, A. M. Spitz, V. Edwards, M. P. Koss, J. S. Marks // *American Journal of Preventive Medicine*. 1998. Vol. 14, iss. 4. P. 245–258. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0749-3797\(98\)00017-8](https://doi.org/10.1016/s0749-3797(98)00017-8)
21. Measuring Adult Mortality and Disease Burden Associated With Adverse Childhood Experiences in England: A National Review / M. A. Bellis, K. Hughes, N. Leckenby, K. A. Hardcastle, S. Perkins, H. Lowy // *Journal of Public Health*. 2015. Vol. 37, iss. 3. P. 445–454. DOI: <https://doi.org/10.1093/pubmed/dfu065>
22. Waddell J., Pepler D., Moore T. Observations of Sibling Interactions in Violent Families // *Journal of Community Psychology*. 2001. Vol. 29, iss. 3. P. 241–258. DOI: <https://doi.org/10.1002/jcop.1016>
23. Марголина И. А. Влияние внутрисемейного физического насилия в раннем детстве на психическое здоровье детей в возрастной динамике // *Психиатрия*. 2007. № 5 (29). С. 47–50.
24. Алманова А. М. Возникновение негативных последствий для ребенка вследствие неисполнения родителями обязанностей по воспитанию // *Ленинградский юридический журнал*. 2013. № 2 (32). С. 192–196.
25. Черемухина Ю. А. Административное законодательство России, регламентирующее проблемы детства // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009. № 2 (65). С. 132–141.
26. Антонова Л. Б. Отечественный и зарубежный опыт по привлечению несовершеннолетних к ответственности за административные правонарушения, посягающие на здоровье // *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. ст. по материалам X юбилейной междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 22 марта 2019 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова*. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2019. С. 425–429.
27. Занина Т. М., Федотова О. А. Особенности правового регулирования профилактики правонарушений несовершеннолетних в семейно-бытовой сфере // *Вестник Воронежского института ФСИН России*. 2022. № 1. С. 171–178.
28. Гриневич Е. Ю. Административно-правовые средства выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2019. № 5-3. С. 28–32.
29. Антонова Л. Б. О проблемных вопросах административной ответственности законных представителей за насильственные действия в отношении несовершеннолетних // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2021. № 7-2. С. 130–136.

References

1. Volosova N. Yu. Family (Domestic) Violence as the Problem of Transdisciplinary Character. *Matters of Russian and International Law*. 2017;7(3A):310-319. (In Russ.).
2. Alekseeva L. S. Violence and Mental Health of Children. *Family in Russia*. 2006;2-1:73-80. (In Russ.).
3. Lukovtseva Z. V., Retsya S. E. Domestic Violence and Mental Disorders in Adolescence. In: *Cochenov Readings – 2020. Psychology and Law in Modern Russia*. Moscow: Moscow State University of Psychology & Education Publ.; 2020. P. 35–36. (In Russ.).
4. Margolina I. A., Platonova N. V., Ivanov M. V. Mental Development Disorders in Children Being due to the Conditions of Domestic Violence. In: *Mental Health of the Country's Children – The Future Health of the Nation*. Yaroslavl: V. P. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology Publ.; 2016. P. 275–276. (In Russ.).
5. Mitrokhina S. V., Fedoseeva V. V. Mental Violence Against Children in the Family as a Factor in the Manifestation of Bullying in the Educational Environment. *Problems of Scientific Thought*. 2018;6(2):36-39. (In Russ.).
6. Baryshnikova I. M. Mental Violence as a Form of Child Abuse. In: *Problems of Legal Understanding: History and Modernity: International Research-to-Practice Conference Dedicated to the Memory of Professor V. M. Kuritsyn, 16 December 2021*. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2022. P. 320–322. (In Russ.).
7. Drozdov D. E. Concept and Signs of Mental Violence. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2022;8(2):297-302. (In Russ.).
8. Reshetnikov A. Yu., Klochenko L. N. Psychological and Legal Basis of Mental Violence Doctrine. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2018;3:100-111. DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.18.04.P.100> (In Russ.).
9. Anda R. F., Felitti V. J., Bremner J. D., Walker J. D., Whitfield C., Perry B. D., Dube S. R., Giles W. H. The Enduring Effects of Abuse and Related Adverse Experiences in Childhood: a Convergence of Evidence

From Neurobiology and Epidemiology. *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci*. 2006;256(3):174-186. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00406-005-0624-4>

10. Bellis M. A., Lowy X., Leckenby N., Hughes K., Harrison D. Adverse Childhood Experiences: Retrospective Study to Determine Their Impact on Adult Health Behaviours and Health Outcomes in a UK Population. *Journal of Public Health*. 2014;36(1):81-91. DOI: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdt038>

11. Straus M. A., Gelles R. J., Steinmetz S. K. *Behind Closed Doors: Violence in the American Family*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publ.; 2006. 332 p.

12. Kessler R. C., McLaughlin K. A., Green J. G. [et al.]. Childhood Adversities and Adult Psychopathology in the WHO World Mental Health Surveys. *The British Journal of Psychiatry*. 2010;197(5):378-385. DOI: <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.110.080499>

13. Danese A., McEwen B. S. Adverse Childhood Experiences, Allostasis, Allostatic Load, and Age-Related Disease. *Physiology & Behavior*. 2012;106(1):29-39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2011.08.019>

14. Shonkoff J. P., Boyce W. T., McEwen B. S. Neuroscience, Molecular Biology, and the Childhood Roots of Health Disparities: Building a new Framework for Health Promotion and Disease Prevention. *JAMA*. 2009;301(21):2252-2259. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.2009.754>

15. Finkelhor D., Turner H. A., Shattuck A., Hamby S. L. Prevalence of Childhood Exposure to Violence, Crime and Abuse: Results from the National Survey Children's Exposure to Violence. *JAMA Pediatrics*. 2015;169(8):746-754. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2015.0676>

16. Dantchev S., Wolke D. Trouble in the nest: Antecedents of sibling bullying victimization and perpetration. *Developmental Psychology*. 2019;55(5):1059-1071. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000700>

17. Van Berkel Sh. R., Tucker C. J., Finkelhor D. The Combination of Sibling Victimization and Parental Child Maltreatment on Mental Health Problems and Delinquency. *Child Maltreatment*. 2018;23(3):244-253. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077559517751670>

18. Bowes L., Wolke D., Joinson C., Lereya S. T., Lewis G. Sibling Bullying and Risk of Depression, Anxiety, and Self-Harm: A Prospective Cohort Study. *Pediatrics*. 2014;134(4):1032-1039. DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2014-0832>

19. Button D. M., Gealt R. High Risk Behaviors Among Victims of Sibling Violence. *Journal of Family Violence*. 2010;25(2):131-140. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10896-009-9276-x>

20. Felitti V. J., Anda R. F., Nordenberg D., Williamson D. F., Spitz A. M., Edwards V., Koss M. P., Marks J. S. Relationship of Childhood Abuse and Household Dysfunction to Many of the Leading Causes of Death in Adults. The Adverse Childhood Experiences (ACE) Study. *American Journal of Preventive Medicine*. 1998;14(4):245-258. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0749-3797\(98\)00017-8](https://doi.org/10.1016/s0749-3797(98)00017-8)

21. Bellis M. A., Hughes K., Leckenby N., Hardcastle K. A., Perkins S., Lowy H. Measuring Adult Mortality and Disease Burden Associated With Adverse Childhood Experiences in England: A National Review. *Journal of Public Health*. 2015;37(3):445-454. DOI: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdu065>

22. Waddell J., Pepler D., Moore T. Observations of Sibling Interactions in Violent Families. *Journal of Community Psychology*. 2001;29(3):241-258. DOI: <https://doi.org/10.1002/jcop.1016>

23. Margolina I. A. The Impact of Early Childhood Intra-Familial Physical Violence on Children's Mental Health in Age Dynamics. *Psikhiatriya = Psychiatry (Moscow)*. 2007;5:47-50. (In Russ.).

24. Almanova A. M. Emergence of Negative Consequences for the Child, Owing to Non-Execution by Parents of Duties on Education. *Leningrad Legal Journal*. 2013;2:192-196. (In Russ.).

25. Cheremukhina Yu. A. Administrative Legislation of Russia Regulating the Problems of Childhood. *Scientific Notes of the Russian State Social University*. 2009;2:132-141. (In Russ.).

26. Antonova L. B. Domestic and Foreign Experience in Bringing Minors to Responsibility for Administrative Violation Endangering on Health. In: Kaplunov A. I. (Ed.). *Current Problems of Administrative and Administrative Procedure Law*. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2019. P. 425-429. (In Russ.).

27. Zanina T. M., Fedotova O. A. Features of Legal Regulation Prevention of Juvenile Delinquency in the Family and Household Sphere. *Vestnik of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*. 2022;1:171-178. (In Russ.).

28. Grinevich E. Yu. Administrative and Legal Means of Detecting the Causes and Conditions Contributing To Implementation of Offenses in Family-Household Relations. *Public Safety, Legality, Law and Order in the Third Millennium*. 2019;5-3:28-32. (In Russ.).

29. Antonova L. B. On Problematic Issues of Administrative Responsibility of Legal Representatives for Violent Acts Against Minors. *Public Safety, Legality, Law and Order in the Third Millennium*. 2021;7-2:130-136. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Викторович Равнюшкин, заместитель начальника кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России (ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3604-5070>; e-mail: ravnyushkin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Ravnyushkin, Deputy Head of the Department of Administrative Law at the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (1 Letchika Pilyutova St., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3604-5070>; e-mail: ravnyushkin@mail.ru

Поступила | Received
13.06.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
03.07.2023

Принята к публикации | Accepted
20.09.2023

УДК 342.9:35.083.8
DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-4-397-405
EDN: DARXXC

Оригинальная научная статья

Служебная тайна как элемент обеспечения национальной безопасности России

А. А. Фатьянов

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

✉ fatyanova@rea.ru

Аннотация. Служебная тайна как один из методов защиты государственно-значимой информации в связи с существенными изменениями законодательства, происшедшими в связи с принятием Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в начале 90-х гг. XX в., прошла сложный путь становления и развития в новых общественно-политических условиях. В свое время она представляла собой информационный ресурс, формируемый органами государственного управления СССР для защиты наиболее важной ведомственной информации, не относящейся к государственной тайне. Одновременно институт служебной тайны представлял собой единый во всем государстве административно-правовой режим защиты такой информации, практически идентичный режиму защиты государственной тайны. С 1993 г. в связи с принятием Закона Российской Федерации «О государственной тайне» служебная тайна в том виде, в котором она существовала до этого, фактически исчезла. Без каких-либо серьезных оснований вся информация, ранее защищавшаяся под грифом «секретно», была автоматически отнесена к государственной тайне, что значительно расширило ее ареал, хотя целью принятия вышеуказанного законодательного акта было как раз уменьшение объемов защищаемой в данном режиме информации. Начиная с этого периода, служебная тайна находилась в условиях правовой неопределенности, которая, как представляется, не соответствовала потребностям государства в реальной защите государственно-значимой информации. Большое число различных баз данных, содержащих информацию, связанную с деятельностью органов государственной власти и государственных организаций, возможность доступа к их содержанию посредством сети Интернет требуют формирования нового универсального административно-правового режима, позволяющего обеспечить эффективную защиту такой информации от различных противоправных действий, в том числе от доступа со стороны иностранных государств и организаций. Введение в законодательство в 2021 г. категории «служебная тайна в области обороны» свидетельствует о возрастающем значении этой категории информации для обеспечения национальной безопасности государства. В представленной работе раскрываются основные проблемы, связанные с легитимацией служебной тайны на данном этапе развития нашего государства.

Ключевые слова: служебная тайна, государственная тайна, государственно-значимая информация, защита информации

Для цитирования: Фатьянов А. А. Служебная тайна как элемент обеспечения национальной безопасности России // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 397–405. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-397-405>. EDN: <https://elibrary.ru/darxxc>

Original scientific article

Official Secrecy as an Element of Ensuring National Security of Russia

A. A. Fatyanov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ fatyanovaa@rea.ru

Abstract. Official secrecy as one of the methods of protecting state-relevant information in connection with significant legislative changes that occurred in connection with the adoption of the Law of the Russian Federation “On State Secrets” in the early 90s of the twentieth century, has passed a difficult path of formation and development in new socio-political conditions. At one time, it was an information resource formed by the state administration bodies of the USSR to protect the most important departmental information that is not related to state secrets. At the same time, the institute of official secrecy represented a unified administrative and legal regime for the protection of such information throughout the state, almost identical to the regime for the protection of state secrets. Since 1993, in connection with the adoption of the Law of the Russian Federation “On State Secrets”, the official secret in the form in which it existed before, actually disappeared. Without any serious grounds, all information previously protected under the heading “secret” was automatically classified as a state secret, which significantly expanded its scope, although the purpose of the adoption of the above-mentioned legislative act was precisely to reduce the volume of information protected in this regime. Since that period, official secrecy has been under conditions of legal uncertainty, which, it seems, did not work towards needs of the State in the real protection of state-significant information. A huge number of different databases containing various information related to the activities of state authorities and state organizations, providing access to their content via the Internet require the formation of a new universal administrative and legal regime that allows effective protection of such information from various illegal actions, including access from foreign states and organizations. The introduction of the category of “official secrets in the field of defense” into legislation in 2021 indicates the increasing importance of this category of information for ensuring the national security of the state. The present work reveals the main problems associated with the legitimization of official secrets at this stage of the development of our state.

Keywords: official secret, state secret, state-significant information, information security

For citation: Fatyanov A. A. Official Secrecy as an Element of Ensuring National Security of Russia. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):397-405. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-397-405>. EDN: <https://elibrary.ru/darxxc> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В текущем году исполняется тридцать лет с момента принятия Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»¹, существенно изменившего многие ранее существовавшие подходы к вопросам оборота наиболее значимой для государства информации

и обеспечения ее защиты от противоправного распространения. Можно смело утверждать, что данный законодательный акт открыл новую эпоху в нормативном регулировании отношений в области защиты информации, в том числе образовав новый институт административного, а затем и информационного права.

¹ Рос. газ. 1993. 21 сент.

Достоинства появившейся довольно целостной системы правового регулирования можно перечислять довольно долго, однако практически незамеченным остался один негативный факт, породивший немало проблем правового и организационного характера, последствия которого не устранены и до настоящего времени, а именно фактическая ликвидация в связи с принятием данного законодательного акта института служебной тайны.

Следует отметить, что система отнесения сведений к государственной и служебной тайне в нашем государстве прошла сложный эволюционный путь, выразившийся в возникновении и нормативной легитимации категории «государственные секреты», являющейся обобщенной по отношению к категориям «государственная тайна» и «служебная тайна». Начиная с 70-х гг. XX в., к государственной тайне стали относить сведения, имевшие степень секретности «особой важности» и «совершенно секретно», к служебной тайне – степень секретности «секретно».

Такая градация имела определенные правовые последствия, в том числе исключение уголовного преследования за противоправное распространение сведений, составляющих служебную тайну, если это не было связано с передачей такой информации субъектам, имеющим иностранную юрисдикцию. Совет Министров СССР своим постановлением довольно четко определял категории сведений, относимых к государственной тайне с указанием, какие именно сведения имеют гриф «особой важности», а какие – «совершенно секретно», а министерства и ведомства самостоятельно определяли категории информации, которым должна была присваиваться степень секретности «секретно». Именно эти сведения и являлись служебной тайной. В результате образовалась довольно органичная двухуровневая система засекречивания, удовлетворявшая

имевшимся в советский период потребностям в защите государственно-значимой информации.

При описании данной системы также следует иметь в виду тот факт, что любой правовой институт ограничения в доступе к информации имеет дуалистическую природу – он не только устанавливает правила, на основании которых определяются категории защищаемой информации, но и определяет организационно-правовой механизм их защиты. В советский период в рамках системы под названием «государственные секреты» такой механизм был единым. Это относилось к организации делопроизводства, пересылке носителей информации в документированном виде, а также к ее передаче по защищенным каналам связи. Едиными были и нормативно определенные условия хранения таких сведений, допуска к ним должностных лиц и работников, а также уничтожения носителей сведений, утративших свою практическую актуальность.

Такая система была понятна, удобна и отвечала одному из главных критериев в обеспечении безопасности информационных потоков в государственных органах – должной защите информации на уровнях, когда она еще не приобрела свойство государственной тайны, но уже не может распространяться открыто. Предоставление возможности руководителям административных ведомств на союзном и союзно-республиканском уровнях самостоятельно определять состав своих ведомственных секретов также отвечало потребностям в обеспечении должной защиты государственно-значимой информации.

Однако было бы существенным преувеличением утверждение, что существовавший порядок был абсолютно правильным. В советский период государственный аппарат был «серьезно болен» излишней секретностью, что явилось следствием затяжной холодной войны, отсутствия

четких критериев, на основании которых возникала действительная необходимость в засекречивании сведений, а также устойчивых традиций скрывать максимальное количество информации.

**ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
И БОЛЕЕ ПОЗДНИЙ ПЕРИОД**

Начало 90-х гг. прошедшего столетия ознаменовалось революционными изменениями во многих сферах государственной жизни, в том числе и в информационной. Лозунг информационной открытости государства перед обществом довольно быстро сменил ранее существовавшую атмосферу секретности, стали рассекречиваться архивные документы, перешли в разряд открытых многие статистические данные, открыто на страницах периодической печати и в кинофильмах стали раскрываться многие ранее закрытые методы деятельности правоохранительных органов, в том числе и методы оперативно-розыскной деятельности, заговорили о многих новых видах вооружения и военной техники, о международной политике и т. д.

В этих условиях ареал государственной и служебной тайны неизбежно должен был уменьшаться, что и произошло. Разработчики Закона Российской Федерации «О государственной тайне» и парламентарии в тот период рассудили вполне здраво, четко обозначив границы государственной тайны и отодвинув в сторону служебную тайну как институт довольно сложный, не имеющий нормативно-определенных критериев (он был, фактически, ликвидирован путем отнесения информации, защищаемой посредством грифа «секретно», к государственной тайне).

С этого момента институт служебной тайны прошел сложный путь. Чего только стоила попытка сделать ее гражданско-правовым институтом, объединив с коммерческой тайной (ныне утратившая силу ст. 139 Гражданского кодекса Российской Федерации), которая не могла увенчаться успехом в силу принципиальных различий в правовой природе служебной и коммерческой тайн, хотя они присутствуют в довольно значительном числе федеральных законов, в том числе принятых значительно позже того момента (2008 г.), когда данная категория была исключена из текста части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»² в ч. 2 ст. 20 предоставляет право финансовому уполномоченному запрашивать у финансовой организации «разъяснения, документы и (или) сведения, связанные с рассмотрением обращения, в том числе информацию, составляющую коммерческую, служебную, банковскую тайну, тайну страхования или иную охраняемую законом тайну». Наличие служебной тайны в этом перечне возможно рассматривать только в контексте полного непонимания ее правовой природы.

Непонимание законодателем действительного предназначения служебной тайны можно проиллюстрировать также на примере Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, где в одном случае служебная тайна упоминается в связке с государственной тайной (п. 3 ч. 4 ст. 8), как это и должно быть, но далее (ч. 4 ст. 9) она упоминается вместе с коммерческой тайной и «иной тайной», что ставит ее в один ряд с этим цивилистическим институтом и многочисленными иными

² *Собр.* законодательства Рос. Федерации. 2018. № 24, ст. 3390.

³ Там же. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

системами ограничения в доступе к информации, которые не имеют собственных правил отнесения информации к категории конфиденциальной (вторичными правовыми системами ограничения в доступе к информации).

И вот, наконец, Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обороне”» вводится новое понятие «служебная тайна в области обороны». К данной категории должны относиться «сведения, которые образуются при осуществлении полномочий органами государственной власти Российской Федерации, функций органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий». Закрепляется также, что «перечень сведений, отнесенных к служебной тайне в области обороны, содержит не отнесенные в установленном порядке к государственной тайне и не являющиеся общедоступными сведения о мероприятиях в области обороны»⁴.

Анализируя эти правовые положения, легко понять, какую правовую нишу в данном случае занимает служебная тайна: она является буферной информационной областью между государственной тайной и общедоступной информацией в сфере обороны. Именно эта область общественных отношений и должна являться действительным предназначением служебной тайны.

Во многих случаях сведения, относимые к государственной тайне, образуются путем обобщения информации, находящейся в открытом доступе, когда она, поднимаясь по «ступенькам государственной лестницы», на каждой носит все более

интегрированный характер, в итоге приводя к появлению обобщенных сведений, обоснованно имеющих наивысшие степени секретности. Служебная тайна должна являться второй ступенькой снизу на этом интеграционном пути. И эту очевидную истину подтвердил вышеуказанный Федеральный закон.

РОЛЬ И МЕСТО СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ В ПРОФИЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Рассматривая роль и место служебной тайны в общей системе информации ограниченного доступа, нельзя не отметить, что идея отнесения грифа «секретно» к государственной тайне нашла отклик далеко не во всех государствах, образовавшихся после распада Советского Союза. Наши ближайшие военные союзники по Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) в своем профильном законодательстве оставили подход к служебной тайне, существовавший в советский период и описанный выше.

Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах» (ст. 16) устанавливает, что «государственные секреты подразделяются на две категории: государственную тайну и служебную тайну. При этом государственная тайна – это сведения, в результате разглашения или утраты которых могут наступить тяжкие последствия для национальной безопасности Республики Беларусь. Служебная тайна – сведения, в результате разглашения или утраты которых может быть причинен существенный вред национальной безопасности Республики Беларусь. Служебная тайна может являться составной частью государственной тайны, не раскрывая ее в целом»⁵. Соответственно, сведениям,

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 24, ч. 1, ст. 4190.

⁵ URL: <http://kgb.by/ru/zakon170-3/> (дата обращения: 25.02.2022).

отнесенным к государственной тайне, присваиваются степени секретности «особой важности» и «совершенно секретно», а сведениям, отнесенным к служебной тайне, – «секретно».

Точно такая же правовая логика заложена и в Законе Республики Казахстан от 15 марта 1999 г. № 349-І «О государственных секретах», согласно нормам которого государственная тайна – сведения военного, экономического, политического и иного характера, разглашение или утрата которых наносит или может нанести ущерб национальной безопасности Республики Казахстан (ст. 1)⁶. В свою очередь служебная тайна – сведения, имеющие характер отдельных данных, которые могут входить в состав государственной тайны, разглашение или утрата которых может нанести ущерб национальным интересам государства, интересам государственных органов и организаций Республики Казахстан.

Закон Кыргызской Республики от 15 декабря 2017 г. № 210 «О защите государственных секретов Кыргызской Республики» определяет данную категорию как «информацию, хранящуюся и перемещаемую любыми видами носителей, затрагивающую обороноспособность, безопасность, экономические, научно-технические и политические интересы Кыргызской Республики, подконтрольную государству и ограничиваемую специальными перечнями и правилами, разработанными в соответствии с настоящим Законом и другими нормативными правовыми актами Кыргызской Республики»⁷ (ст. 1).

Сведениям, составляющим государственную тайну в Кыргызской Республике, присваиваются грифы секретности «особой важности» и «совершенно секретно», сведениям, составляющим слу-

жебную тайну – «секретно». При этом служебная тайна имеет характер отдельных сведений, относящихся к государственной тайне, и не раскрывает их полностью.

Закон Республики Таджикистан от 26 июля 2014 г. № 1095 «О государственных секретах» вообще не содержит внутреннего подразделения на государственную и служебную тайну, определяя государственные секреты как «защищаемые государством сведения, разглашение или утрата которых наносит или может нанести ущерб национальной безопасности и обороноспособности Республики Таджикистан»⁸ (ст. 1). Часть 2 ст. 22 данного законодательного акта определяет, что «сведениям, составляющим государственные секреты, присваиваются грифы секретности “особой важности”, “совершенно секретно” и “секретно”». В данном случае категория «государственная тайна» заменена категорией «государственные секреты». Во всем остальном Закон Республики Таджикистан «О государственных секретах» по логике своего построения и содержанию ближе к Закону Российской Федерации «О государственной тайне».

Более интересная ситуация сложилась в Республике Армения. В соответствии с Законом от 30 декабря 1996 г. № ЗР-94 «О государственной и служебной тайне», который действовал до 2023 г., государственной тайной являлись те сведения в военной, внешнеполитической, экономической, научно-технической, разведывательной, внешнеразведывательной, контрразведывательной, оперативно-разведывательной области деятельности, которые охраняются государством и распространение которых может привести к тяжелым последствиям для безопасности Республики Армения. Соответственно, служебной тайной являлись те сведения, в областях предусмотренных выше,

⁶ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012633 (дата обращения: 25.02.2022).

⁷ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36555931 (дата обращения: 25.02.2022).

⁸ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31598505 (дата обращения: 25.02.2022).

которые охраняются государством и распространение которых может принести вред безопасности Республики Армения. Устанавливалось также, что «такие сведения, как правило, содержат факты, составляющие часть государственной тайны, однако сами по себе не раскрывают государственную тайну»⁹ (ст. 2).

Иными словами, правовая логика данного законодательного акта повторяла подходы, принятые в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Кыргызской Республике. В связи с принятием Закона Республики Армения от 24 марта 2023 г. № ЗР-49 «О государственной тайне» к последней предписано относить «сведения, продукцию или материалы в военной сфере или сфере внешних отношений или экономики, науки и техники или разведывательной, внешней разведывательной, контрразведывательной, оперативно-разведывательной деятельности Республики Армения, которые охраняются и защищаются государством, и распространение которых может причинить ущерб национальной безопасности или интересам Республики Армения»¹⁰. Вместо категории «служебная тайна» введено понятие «служебная информация ограниченного распространения», к которой относятся «сведения, продукция или материалы, касающиеся деятельности государственных органов или органов местного самоуправления, юридических лиц, должностных лиц Республики Армения, не относящиеся, согласно настоящему Закону, к сведениям, содержащим государственную тайну, которые содержат элементы государственной тайны, однако сами по себе не раскрывают государственную тайну, и распространение которых может негативно отразиться на обороне, национальной безопасности, внешних сношениях, политических и экономических интересах, охране правопорядка Республики Армения».

Для сведений, составляющих государственную тайну, устанавливаются степени секретности «особой важности», «совершенно секретно» и «секретно», для служебной информации ограниченного распространения – пометка «для служебного пользования».

Таким образом, законодатель Республики Армения перешел к правовой системе, принятой в Российской Федерации, за тем исключением, что оборот сведений с пометками «для служебного пользования» в нашем государстве на законодательном уровне, к сожалению, пока не урегулирован.

На правовом пространстве ОДКБ мы имеем два существенно отличающихся подхода: Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Армения не воспринимают служебную тайну как категорию, близкую к государственной тайне, а Республика Беларусь, Республика Казахстан и Кыргызская Республика занимают позицию, сохранившуюся с советского периода. Кто же из них прав?

Как полагает автор данной работы, включение служебной тайны в систему государственной тайны является подходом, в большей мере отвечающим интересам национальной безопасности, чем любой иной подход.

СЛУЖЕБНАЯ ТАЙНА В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрим категорию «служебная тайна в области обороны». Если изначальный перечень сведений, составляющих государственную тайну, определен на уровне федерального закона, то право отнесения сведений к служебной тайне в области обороны принадлежит руководителям федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным

⁹ URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2911 (дата обращения: 25.02.2022).

¹⁰ URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=149957 (дата обращения: 25.02.2022).

законом предусмотрена военная служба (при наличии такой информации). Иными словами, каждый из руководителей административных ведомств, в которых предусмотрена военная служба, вправе формировать перечни сведений, отнесенных к служебной тайне. Единственным критерием для включения в такие перечни является возможность соотнесения содержания сведений с вопросами обороны.

На момент написания данной работы подготовлено и утверждено четыре таких перечня: в Генеральной прокуратуре Российской Федерации, Министерстве обороны Российской Федерации, Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации. Они имеют разный объем. Наиболее подробный из них, перечень Минобороны России, содержит 689 позиций. Анализ содержания таких перечней в рамках небольшой научной работы невозможен, однако многие положения их неоспорны. Например, вызывает сомнения соотношение с вопросами обороны «сведений, раскрывающих данные о потребности и наличии технических средств военно-политической работы» (п. 688 Перечня, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 17 января 2022 г. № 22¹¹) или «сведений и данных, раскрывающих содержание лицензионных договоров, заключенных Росгвардией в целях предоставления права использования результатов интеллектуальной деятельности при выполнении контрактных обязательств» (п. 60 Перечня, утвержден-

ного приказом Росгвардии от 27 декабря 2021 г. № 480¹²).

Все указанные перечни подлежат открытому опубликованию, что хорошо соотносится с принципами информационной открытости органов государственной власти перед обществом, однако, как представляется автору, в большей мере такое законодательное решение обусловлено тем, что в данной области административных и информационных отношений сходятся интересы значительного числа субъектов и ограничение в доступе к содержанию таких актов может создать дополнительные затруднения в их правомерной деятельности.

Для всей информации предусмотрена единая ограничительная пометка «для служебного пользования» и довольно примитивный уровень ее защиты, который сводится, в основном, к предотвращению ее открытой публикации. Однако сколь угодно существенные юридические санкции за такие действия пока отсутствуют и вряд ли в обозримом будущем появятся.

В результате мы имеем нормативно очерченный довольно существенный объем государственно-значимой информации, затрагивающий важнейшую в настоящий период сферу военного и оборонного строительства, который, как представляется, будет иметь тенденцию к увеличению, и совершенно примитивный механизм защиты этой информации, не соответствующий ее ценности для государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активная фаза военного противостояния между Российской Федерацией и коалицией государств, входящих в НАТО,

¹¹ Об утверждении Перечня сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны : приказ Министра обороны Рос. Федерации от 17 янв. 2022 № 22 // Офиц. интернет-портал правовой информ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280067> (дата обращения: 28.02.2022).

¹² Об утверждении Перечня сведений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны : приказ Федер. службы войск нац. гвардии Рос. Федерации от 27 дек. 2021 № 480 // Офиц. интернет-портал правовой информ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202020006> (дата обращения: 02.02.2022).

будем надеяться, через некоторое время прекратится, но это совершенно не означает, что прекратится разведывательное противоборство – оно будет только нарастать. Средства получения необходимой информации из различных источников, подключенных к сети Интернет и передающих сигналы в радиоэфир, показывают экспоненциальный рост своего совершенствования. И в этих условиях важным является не только обозначение круга защищаемой информации, но и выстраивание действенных механизмов защиты этих сведений в различных информационных

средах. Эта деятельность также должна быть обеспечена эффективными правовыми средствами и вытекающими из них организационными решениями.

На основании вышеизложенного можно сделать общий вывод, что при всей позитивности законодательной легитимации служебной тайны в области обороны эти меры являются только началом длительного пути восстановления действительного места служебной тайны в общей системе защиты государственно-значимой информации в Российской Федерации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Александрович Фатьянов, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Стремянный переулок, 36, Москва, 117997, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-5821>; e-mail: fatyanovaa@rea.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksey A. Fatyanov, Head of the Department of State Legal and Criminal Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation), Doctor of Law (habilitated degree), Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-5821>; e-mail: fatyanovaa@rea.ru

Поступила | Received
10.07.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
17.09.2023

Принята к публикации | Accepted
20.09.2023

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ Private Law (Civil Law) Sciences

УДК 347.454.3(592.3+593)

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-4-406-416

EDN: DZILCV

Оригинальная научная статья

Защита прав сторон договора строительного подряда по законодательству Сингапура и Таиланда

Е. В. Белоусова

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ harp1405@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен институт защиты прав строительных подрядчиков и заказчиков по законодательству республики Сингапур и Королевства Таиланд. Целью статьи является сравнительно-правовой анализ способов защиты прав сторон строительных договоров в указанных государствах. Представлен всесторонний взгляд на данную проблему с правовой точки зрения. Нормативной основой регулирования строительной сферы в Сингапуре и Таиланде выступают гражданские кодексы и отдельные нормативные правовые акты (законы о строительстве, подзаконные акты министерств и ведомств). Защита прав включает меры ответственности, меры защиты, меры оперативного воздействия и меры самозащиты. Проанализированы такие способы защиты, как взыскание заранее оцененных убытков, неосновательное обогащение, специальные договорные оговорки, приостановка исполнения обязательства и др. Отмечено, что взыскание заранее оцененных убытков является распространенным способом защиты прав в зарубежных государствах. Однако данный способ не характерен для Российской Федерации. Неосновательное обогащение и реституция считаются эквивалентными и взаимосвязанными понятиями, применяемыми в различных отношениях, включая строительные. К мерам самозащиты относятся включение в строительные контракты различных оговорок, приостановка исполнения обязательства. Стороны вправе в договоре закрепить условие об исключении или ограничении ответственности, если такое условие не запрещено законом. В рассматриваемых государствах защита прав строительных заказчиков и подрядчиков может осуществляться через различные органы. Чаще всего строительные споры разрешаются в судах или в арбитраже. Сделан вывод, что правовое регулирование защиты прав сторон договора строительного подряда в данных государствах сложилось под влиянием как континентальной, так и англосаксонской правовых семей. В то же время в этих странах существуют свои обычаи и традиции, отличающиеся уникальностью и самобытностью. На основании проведенного исследования сформулировано предложение по реформированию действующего гражданского законодательства Российской Федерации в части защиты прав строительных подрядчиков.

Ключевые слова: договор строительного подряда, заранее оцененные убытки, защита гражданских прав по договору строительного подряда, ответственность по договору строительного подряда, самозащита

Для цитирования: Белоусова Е. В. Защита прав сторон договора строительного подряда по законодательству Сингапура и Таиланда // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 406–416. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-406-416>. EDN: <https://elibrary.ru/dzilcv>

© Белоусова Е. В., 2023

Original scientific article

Protection of the Rights of Parties to a Construction Contract Under the Laws of Singapore and Thailand

E. V. Belousova

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ harp1405@yandex.ru

Abstract. The institute of protection of rights of construction contractors and customers under the legislation of the Republic of Singapore and the Kingdom of Thailand is considered. The purpose of the article is a comparative legal analysis of the ways of protection of the rights of parties to construction contracts in these states. The article presents a comprehensive view at this issue from a legal point of view. The normative basis for regulating the construction industry in Singapore and Thailand includes Civil codes and special legal acts (construction laws, by-laws of ministries and departments). Protection of rights includes measures of responsibility, measures of protection, measures of operational influence and measures of self-defense. Such methods of protection as recovery of liquidated damages, unjust enrichment, special contractual clauses, suspension of fulfillment of obligations and others are analyzed. It is noted that recovery of liquidated damages is a common method of protection of rights in foreign countries. However, this method is not typical for the Russian Federation. Unjust enrichment and restitution are considered equivalent and interrelated concepts applied in various relations, including construction. Self-protection measures include the inclusion of various clauses in construction contracts, suspension of fulfillment of obligations. The parties have the right to stipulate in the contract a condition of exclusion or limitation of liability, if such a condition is not prohibited by law. In the states in question, the rights of construction clients and contractors may be protected through various bodies. Most often construction disputes are resolved in courts or in arbitration. It is concluded that the legal regulation of protection of the rights of the parties to a construction contract in these states was formed under the influence of both continental and Anglo-Saxon legal families. At the same time, these countries have their own customs and traditions, that are unique and original. Based on the conducted research, a proposal for reforming the current civil legislation of the Russian Federation in terms of protection of the rights of construction contractors has been formulated.

Keywords: construction contract, liquidated damages, protection of civil rights under a construction contract, liability under a construction contract, self-protection

For citation: Belousova E. V. Protection of the Rights of Parties to a Construction Contract Under the Laws of Singapore and Thailand. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):406-416. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-406-416>. EDN: <https://elibrary.ru/dzilcv> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В каждом государстве строительная сфера имеет важное значение для развития и функционирования современного общества. Она влияет на экономику, социальную политику, инфраструктуру, окружающую среду, технологический прогресс, безопасность. Но поскольку строительство чаще всего носит длительный характер, неизбежно появляются

конфликты и споры у участников строительных отношений. Еще К. М. Варшавский писал о том, что «никакой другой договор не нарушается так часто и столь систематически, как договор подряда» [1, с. 105]. Поэтому возникает объективная потребность в осуществлении защиты прав сторон договора строительного подряда. В каждом государстве данный вопрос решается по-разному.

Защита прав сторон договора строительного подряда по законодательству азиатских государств имеет определенные особенности, которые связаны прежде всего с вопросами правового регулирования данной сферы. Как указывает Д. Н. Кархалев, защита прав «в материально-правовом смысле слова обычно определяется как система мер правового воздействия (мер охраны), которые применяются в случае нарушения права и направлены на его восстановление» [2, с. 29]. В науке гражданского права принято включать в защиту прав меры ответственности, меры защиты, меры оперативного воздействия и меры самозащиты. Указанные категории реализуются в охранительных отношениях. Формы охранительных отношений включают: «отношения по реализации мер ответственности, отношения по осуществлению мер защиты, отношения по применению мер самозащиты и отношения по мерам оперативного воздействия» [3, с. 56].

В азиатских странах формирование правовых систем происходило под влиянием романо-германской (например, Китай, Япония) и англосаксонской (например, Малайзия, Сингапур) правовой семьи. В то же время в данных государствах существуют свои обычаи и традиции, отличающиеся уникальностью и самобытностью.

Нормативной основой регулирования строительной сферы в этих странах выступают гражданские кодексы и отдельные нормативно-правовые акты (законы о строительстве, подзаконные акты министерств и ведомств). Защита прав строительных подрядчиков и заказчиков осуществляется в рамках названных правовых актов. Кроме того,

значительная роль отводится и судебным прецедентам, особенно в тех странах, где прослеживается большое влияние англо-американского права на правовую систему.

В статье автор рассмотрит законодательство в области защиты прав сторон договора строительного подряда на примере таких государств, как Республика Сингапур и Королевство Таиланд.

ЗАЩИТА ПРАВ СТОРОН ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР

В Сингапуре Гражданский кодекс¹ не содержит отдельной нормы, посвященной договору строительного подряда, как это характерно для части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Правовой основой при разрешении строительных споров выступает Закон о безопасности платежей в строительстве², Закон о строительном контроле³ и др. Сингапур – страна, где законодательство в основном опирается на нормы английского права.

Крупные строительные контракты в данном государстве заключаются по типовым формам (например, SIA, REDAS, PSSCOC). Однако, как правило, у большинства подрядчиков разработаны свои собственные внутренние индивидуальные формы договоров.

По мнению азиатских специалистов в области строительного права, защита прав сторон по договорам строительного подряда в рассматриваемом государстве реализуется в связи с нарушением условий договоров об оплате работ, качестве выполненных работ, взысканием убытков из-за нарушения других договорных

¹ Civil Law Act. URL: <https://www.studocu.com/sg/document/singapore-management-university/property-law/civil-law-act/10385919> (дата обращения: 13.08.2023).

² Building And Construction Industry Security Of Payment Act 2004 // Singapore Statutes Online. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/BCISPA2004> (дата обращения: 13.08.2023).

³ Building Control Act 1989 2004 // Singapore Statutes Online. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/BCA1989?Timeline=On> (дата обращения: 13.08.2023).

условий, изменении договоров, бездействием сторон⁴.

Распространенным способом защиты прав сторон строительных договоров является институт заранее оцененных убытков (liquidated damages). Стоит отметить, что данная правовая конструкция применяется в договорах строительного подряда во многих государствах (Китай, ОАЭ, Филиппины, Англия, США и др.). В Сингапуре заранее оцененные убытки также используются участниками строительных отношений, в отличие от Российской Федерации, где указанный институт законодательно не предусмотрен и разрабатывается только наукой. Например, по мнению А. В. Сятчихина, заранее оцененные убытки – это «установленная договором между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, денежная сумма или порядок ее определения, представляющая разумную оценку предвидимых убытков, которую одна сторона обязуется уплатить в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ей отдельных условий договора в целях восстановления имущественного положения другой стороны до состояния, в котором бы та находилась при надлежащем исполнении обязательства» [4, с. 193].

В Сингапуре институт заранее оцененных убытков применяется для защиты прав обеих сторон договора строительного подряда. Для подрядчика включение в договор нормы о заранее оцененных

убытках создает определенные пределы ограничения его ответственности, а для заказчика – уверенность в том, что он получит определенную денежную компенсацию, размер которой уже изначально известен. Кроме того, для обеих сторон снижаются риски по участию в дорогостоящих судебных спорах⁵. Как и в других иностранных государствах, в Сингапуре институт заранее оцененных убытков, выполняющий компенсационную функцию, принято отграничивать от института неустойки, носящего штрафной характер. В качестве основного критерия отграничения сингапурские юристы указывают тот факт, что положение о заранее оцененных убытках не должно нарушать правила о неустойке и должно представлять собой подлинную предварительную оценку убытков, которые могут быть понесены сторонами договора (при отмене в судебном порядке пункта договора о заранее оцененных убытках, стороне придется доказывать свои обычные убытки)⁶. Данная позиция основывается на деле *Dunlop Pneumatic Tire Ltd против New Garage & Motor Co Ltd* [1915]. AC 79⁷, рассмотренном Палатой Лордов Великобритании в 1914 г., и подтверждается решением Апелляционного суда Сингапура по делу *Denka Advantech Pte Ltd против Seraya Energy Pte Ltd* [2021] 1 SLR 631; [2020] SGCA 119⁸.

Стороны вправе в договоре закрепить условие об исключении или ограничении

⁴ *McKenzie B.* Asia Pacific Construction Contract Management. A primer on avoiding or managing disputes in construction projects in Asia Pacific. 2020. P. 17. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=15bde68b-f97a-4bfc-8ac9-eda446d40899> (дата обращения: 13.08.2023).

⁵ *Jagateesan S., Kek K.* Revisiting Liquidated Damages for Delay – Updates on the Case of Triple Point // SAL Practitioner. 2022. Iss. 7. URL: <https://journalonline.academypublishing.org.sg/Journals/SAL-Practitioner/Construction-and-Infrastructure/ct/eFirstSALPDFJournalView/mid/591/ArticleId/1705/Citation/JournalsOnlinePDF> (дата обращения: 14.08.2023).

⁶ *Rey M., Loo D.* Construction & Engineering Laws and Regulations Singapore 2022–2023 // The International Comparative Legal Guides. URL: <https://iclg.com/practice-areas/construction-and-engineering-law-laws-and-regulations/singapore> (дата обращения: 14.08.2023).

⁷ *Dunlop Pneumatic Tyre Co Ltd v New Garage & Motor Co Ltd* [1914] UKHL 1, [1915] AC 79 // British and Irish Legal Information Institute. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1914/1.html> (дата обращения: 14.08.2023).

⁸ *Denka Advantech Pte Ltd v Seraya Energy Pte Ltd* [2020] SGCA 119 // Supreme Court Judgement. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2020_SGCA_119 (дата обращения: 17.08.2023).

ответственности, если такое условие не запрещено законом. Например, установить, что ответственность за заранее оцененные убытки ограничивается процентом от суммы контракта или ограничить ответственность за косвенные убытки. Такое условие должно иметь четкую формулировку. В то же время некоторые законодательные акты могут запрещать сторонам включать подобное условие в договор. Так, Законом о недобросовестных условиях контракта (UCTA)⁹ предусмотрено, что положение об исключении или ограничении ответственности в контракте либо является полностью недействительным, либо становится таковым, если не доказано, что оно удовлетворяет требованию «разумности».

Интересно, что сингапурское законодательство не предусматривает конкретных норм, связанных с ответственностью за дефекты и недостатки выполненных работ, как ГК РФ (например, ст. 723). Стороны в договоре вправе договориться о порядке исправления выявленных дефектов. И в основном данный вопрос решается заказчиками и подрядчиками в судах. Так, в деле *Millenia Pte Ltd (formerly known as Pontiac Marina Pte Ltd) v. Dragages Singapore Pte Ltd (formerly known as Dragages et Travaux Publics (Singapore) Pte Ltd) and others (Arup Singapore Pte Ltd, third party)* [2018] SGHC 193¹⁰ Верховный Суд Сингапура определил, что при наличии конкретных договорных требований достаточно доказать отклонение от спецификаций, чтобы установить дефект. При отсутствии спецификаций ответственность подрядчика за предполагаемые дефекты будет зависеть от того, нарушены ли общие договорные требования (например, разумная осторожность

и усердие при проектировании и установке элементов, а также обеспечение соответствия здания его назначению). Однако общий принцип, на который опираются сингапурские суды при вынесении решений, связан с тем, что истцу компенсируются затраты на исправление дефектов, а не затраты на улучшение или усовершенствование строительного объекта.

Поскольку правовая система Сингапура базируется на праве англосаксонской правовой семьи, в данном государстве возможно применение в строительных отношениях средств правовой защиты по праву справедливости. Речь идет о судебном запрете (в случае причинения непоправимого вреда невиновной стороне договора) и вынесении постановления о конкретном исполнении.

Кроме того, отдельно стоит выделить такой правовой институт, как неосновательное обогащение. В Российской Федерации он рассматривается в качестве меры защиты сторон договора строительного подряда. В Сингапуре, как и в странах общего права, неосновательное обогащение и реституция считаются эквивалентными и взаимосвязанными понятиями, применяемыми в различных отношениях, включая строительные. Как пишет сингапурский исследователь Hang Wu Tang, «для сингапурского права характерно понимание неосновательного обогащения как отдельной составляющей обязательственного права, когда обогащение присуждается из-за ошибки, невнимательности, принуждения или злоупотребления» [5, с. 24]. В судебном процессе необходимо доказать, что ответчик обогатился, обогащение произошло за счет истца, обогащение было несправедливым. В основном сингапурские суды при вынесении решений

⁹ *Unfair Contracts Terms Act* // Singapore Statutes Online. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/UCTA1977?ValidDate=19970101&ProvIds=pr11> (дата обращения: 14.08.2023).

¹⁰ *Millenia Pte Ltd (formerly known as Pontiac Marina Pte Ltd) v. Dragages Singapore Pte Ltd (formerly known as Dragages et Travaux Publics (Singapore) Pte Ltd) and others (Arup Singapore Pte Ltd, third party)* [2018] SGHC 193 // Supreme Court Judgement. URL: https://www.elitigation.sg/gdviewer/s/2018_SGHC_193 (дата обращения: 14.08.2023).

по таким делам опираются на практику английских судов.

Еще одним способом защиты является право стороны отказаться от договора. Такое условие фиксируется в договоре и подчиняется нормам общего права. Отказ от договора возможен в двух вариантах. Во-первых, когда сторона отказывается от договора словами или поведением, сообщая другой стороне, что она вообще не будет выполнять свои договорные обязательства. Во-вторых, когда имеет место нарушение договорного условия, настолько важного, что любое нарушение, независимо от фактических последствий такого нарушения, дает право невинной стороне расторгнуть договор или когда нарушение лишает невинную сторону практически всей выгоды от контракта.

Мерой самозащиты, по сингапурскому строительному праву, считается включение в строительные контракты различных оговорок (например, оговорки о «расторжении для удобства», согласно которой заказчик может расторгнуть договор в любой момент и по любой причине, выплатив подрядчику стоимость возникших убытков, включая упущенную выгоду и другие расходы), приостановку исполнения обязательства. Однако в отношении подрядчика нужно иметь в виду, что при отсутствии договорного условия о возможности приостановки выполнения работ у подрядчика нет права на их приостановку. Такая позиция находит подтверждение в судебной практике (например, дело *LBE Engineering Pte Ltd против Double S Construction Pte Ltd*)¹¹. В некоторых случаях в целях защиты прав подрядчиков, им разрешается включать в строительные контракты условие о том, что до момента оплаты выполненных работ за ними сохраняется право собствен-

ности на объект, строительные материалы и оборудование¹².

В качестве меры самозащиты можно считать и возможность подрядчика заявить о продлении срока выполнения работ по контракту, но только, если задержка выполнения работ вызвана уважительной причиной, не связанной с виновными действиями подрядчика. Например, к таким причинам относят форс-мажорные обстоятельства, неблагоприятные погодные условия, забастовки, неспособность заказчика передать земельный участок под строительство вовремя и т. д. В случае согласования с заказчиком возможности продления срока выполнения работ такой период добавляется к общему сроку, предусмотренному договором строительного подряда. Данная мера позволяет подрядчику выполнить весь объем работ без каких-либо задержек. Однако подрядчик должен письменно уведомить заказчика о необходимости продлить срок выполнения работ.

В Сингапуре защита прав строительных организаций может осуществляться через различные органы. Чаще всего строительные споры рассматриваются в судах или в арбитраже. Кроме того, допускается альтернативное разрешение споров через посредничество, медиацию (например, Сингапурский международный центр посредничества (SIMC) или совет по разрешению споров). При этом, как отмечает А. Д. Ялилов, «процедуры адьюдикации – естественная в ряде стран (Австралия, Великобритания, Малайзия, Сингапур и др.) практика урегулирования строительных споров» [6, с. 251]. Как правило, для строительных споров характерны два вида медиации: судебная и частная. Отметим, что сингапурские суды поощряют медиацию как способ разрешения споров, позволяющий избежать полного судебного разбирательства.

¹¹ *LBE Engineering Pte Ltd v Double S Construction Pte Ltd* [2022] SGHC 92 // Supreme Court Judgement. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_92 (дата обращения: 14.08.2023).

¹² *Rey M., Loo D. Op. cit.*

**ЗАЩИТА ПРАВ СТОРОН
ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД**

В Таиланде правовую систему считают смешанной, так как на нее оказала влияние и романо-германская правовая семья, и англосаксонское право¹³. Поэтому строительные отношения в данном государстве регулируются прежде всего Гражданским и Торговым кодексом (далее – ССС)¹⁴, Законом о строительном контроле¹⁵, Законом о градостроительстве¹⁶ и другими нормативными актами.

Гражданский и Торговый кодекс Таиланда (ССС) содержит определение договора подряда, как и российский Гражданский кодекс. На основании ст. 587 ССС договор подряда представляет собой соглашение, в силу которого лицо, называемое подрядчиком, соглашается выполнить определенную работу для другого лица, называемого заказчиком, который в свою очередь обязуется выплатить ему вознаграждение за результат работы. Основными проблемами, вызывающими конфликты между строительными подрядчиками и заказчиками, являются просрочка выполнения работ на объектах, несоблюдение иных условий договора строительного подряда, ненадлежащая разработка договора¹⁷. Стоит отметить, что просрочка выполнения работ в строительной отрасли Таиланда чаще всего связана с проблемными вопросами проектной документации, дизайна, управлением и организацией работ, финансовыми трудностями [7]. Многие строительные контракты готовятся в спешке, в стандартные

формы вносятся изменения, и в результате сторонам нелегко оценить возможные риски.

Как и в Российской Федерации, в Гражданском и Торговом кодексе Таиланда положения о договоре подряда применимы и к строительной сфере (ст.ст. 587–607 ССС). Причем в указанных нормах содержатся различные способы защиты прав заказчика и подрядчика. Например, заказчику предоставлено право до завершения всех работ расторгнуть договор, возместив подрядчику убытки (ст. 605 ССС). Аналогичная норма присутствует и в ГК РФ (ст. 717). По мнению автора, российская конструкция правовой нормы более совершенна, так как законодатель предусмотрел возможность взыскания с заказчика не только убытков при расторжении договора, но и части стоимости работ.

Защита прав заказчика реализуется и через отказ от договора из-за виновных действий подрядчика. Так, на основании ст. 593 ССС, если подрядчик не начинает работу в установленный срок или задерживает ее выполнение вопреки условиям договора, либо при отсутствии вины со стороны заказчика подрядчик затягивает выполнение работ таким образом, что можно предвидеть, что работа не будет завершена в согласованный срок, заказчик имеет право отказаться от договора, не дожидаясь установленного срока выполнения работ. Кроме того, если работы сданы заказчику после установленного договором срока, или если срок выполнения работ не был установлен, по истечении разумного срока, заказчик имеет

¹³ *Khopuangklang K. Critical Analysis of Promise in Scots Law and Thai Law : Thesis of Dissertation. 2016. P. 53. URL: <https://era.ed.ac.uk/bitstream/handle/1842/22831/Khopuangklang2016.pdf?sequence=2&isAllowed=y>*

¹⁴ *The Thailand Civil and Commercial Code // Thai Contracts. URL: <https://www.samuiforsale.com/law-texts/thailand-civil-code-part-1.html#353> (дата обращения: 15.08.2023).*

¹⁵ *Building Control Act, B. E. 2522 (1979) // Office of the Council of State. URL: http://web.krisdika.go.th/data/document/ext809/809757_0001.pdf (дата обращения: 15.08.2023).*

¹⁶ *Town Planning Act B. E. 2518 (1975) // Office of the Council of State. URL: http://web.krisdika.go.th/data/document/ext810/810084_0001.pdf (дата обращения: 15.08.2023).*

¹⁷ *McKenzie B. Op. cit. P. 18.*

право на уменьшение вознаграждения подрядчику либо, в ситуации, когда срок имеет существенное значение для договора, на расторжение договора подряда (ст. 596 CCC). В то же время, если заказчик принял работы без замечаний, подрядчик не несет ответственности за задержку сдачи (ст. 597 CCC). Российское гражданское законодательство в схожей ситуации, когда произошла просрочка исполнения при нарушении конечного срока выполнения работ, предусматривает для заказчика возможность отказа от принятия исполнения и взыскания убытков с подрядчика (п. 2 ст. 405 ГК РФ).

Что касается такого способа защиты, как возмещение убытков, то в тайском законодательстве, как и в российском, выделяются прямые и косвенные убытки (ст. 222 CCC). Гражданское законодательство Таиланда основывается на принципе полного возмещения убытков. Однако если вина потерпевшей стороны привела к причинению убытков, обязанность их возмещения потерпевшей стороне и размер компенсации, которая должна быть выплачена, зависят от обстоятельств, особенно от того, в какой степени убытки были причинены той или иной стороной (ст. 223 CCC).

Институт заранее оцененных убытков допускается в строительных отношениях Таиланда, как и в других странах. Он рассматривается тайским законодателем в качестве штрафной меры и предусмотрен отдельными нормами (ст.ст. 379–383 CCC). Условие о заранее согласованных убытках не является обязательным и включается в строительные контракты по усмотрению сторон. Кредитору не требуется доказывать размер убытков, однако если, по мнению суда, их размер высок, то эта сумма может быть уменьшена судом до разумного предела. Суд также может отказать в удовлетворении требования о взыскании

заранее оцененных убытков, если посчитает, что оно противоречит публичному порядку и/или другим законам.

Отдельно стоит отметить норму ст. 435 CCC, в рамках которой производится принуждение владельца здания к проведению ремонтных работ: лицо, которое подвергается угрозе причинения вреда от здания или иной конструкции, принадлежащей другому лицу, имеет право требовать от последнего принятия необходимых мер для предотвращения опасности. Указанная правовая конструкция применима и к строительным заказчикам, после принятия последними результата выполненных работ. Кроме того, если ущерб причинен из-за дефектов конструкции или недостаточного содержания здания или иного сооружения, собственник такого здания обязан возместить ущерб потерпевшей стороне, но если он предпринял надлежащие меры для предотвращения причинения ущерба, то тогда собственник освобождается от ответственности (ст. 434 CCC).

Защитной для строительного подрядчика является норма ст. 606 CCC, предусматривающая обязанность заказчика в случае смерти подрядчика или его неспособности по не зависящим от него обстоятельствам продолжать работу выплатить разумное вознаграждение. Речь идет о договоре, где для заказчика имеет значение именно выполнение работ конкретным подрядчиком – физическим лицом. Работы должны нести определенную пользу для заказчика. Стоит сказать, что в Гражданском кодексе Индонезии¹⁸ содержится сходная норма в ст. 1612. В ГК РФ подобной правовой конструкции нет. В то же время считаем необходимым дополнить гражданское законодательство РФ подобной нормой. Так как она обеспечит правовую защиту прав подрядчиков – физических лиц.

¹⁸ *Indonesian Civil Code* : Promulgated by publication of April 39 1847 S. No. 23. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/3ffbd0804.pdf> (дата обращения 26.08.2023).

На сегодняшний день в Гражданском кодексе РФ предусмотрено только несколько оснований, по которым наследники умершего гражданина могут получить невыплаченные ему при жизни денежные средства. Важным аспектом является момент возникновения права на вознаграждение у подрядчика по договору. Если такое право не возникло у подрядчика на момент смерти, исходя из условий договора строительного подряда, то тогда в связи с его смертью обязательство и договор прекращаются и наследники лишаются возможности получить денежные средства, причитающиеся умершему подрядчику. Поэтому полагаем, что целесообразно в гражданском законодательстве РФ закрепить отдельную норму, в рамках которой, если договор строительного подряда прекращается смертью подрядчика – физического лица, а заказчик планирует в дальнейшем использовать или использует результат выполненных работ, то он обязан оплатить наследникам умершего подрядчика стоимость выполненных работ в рамках заключенного договора.

Актуальной проблемой для большинства строительных подрядчиков является ответственность за дефекты и недостатки выполненных работ. Таиландское гражданское законодательство подходит к данной проблеме с нескольких сторон. Во-первых, если дефект в работе возник из-за качества поставленных материалов или указаний заказчика, то подрядчик не несет ответственности за возникшие недостатки, за исключением случаев, когда подрядчик знал, что материалы были ненадлежащего качества или инструкции были неправильными, и не уведомил об этом заказчика (ст. 591 CCC). Во-вторых, подрядчик несет ответственность за дефекты, возникшие в результате использования некачественных материалов, которые поставил сам подрядчик (ст. 595 CCC). В-третьих, подрядчик

не несет ответственности за дефекты, возникшие из-за поставленных им материалов, если: (а) заказчик знал о дефекте во время выполнения подрядчиком работ или знал бы о нем, если бы он проявил такую осмотрительность, которую можно было бы ожидать от человека обычной предусмотрительности или (б) дефект был очевиден на момент приемки работ, и заказчик принял работы без оговорок (ст. 473 CCC). В-четвертых, подрядчик не несет ответственности, если заказчик прямо или косвенно принял дефектную работу, за исключением случаев, когда дефект не мог быть обнаружен при приемке работы или был сокрыт подрядчиком (ст. 598 CCC). В Российской Федерации в силу ст. 723 ГК РФ заказчику предоставляется несколько вариантов защиты своих прав в ситуации, когда подрядчик выполнил работы ненадлежащего качества. Так, строительный заказчик вправе потребовать от подрядчика безвозмездного устранения недостатков, соразмерного уменьшения цены договора либо возмещения расходов на устранение недостатков, если такое право на устранение предусмотрено договором. При этом в науке гражданского права ученые дискутируют о правовой природе данных прав заказчика. Например, М. И. Брагинский относит их к содержанию ответственности подрядчика [8]. А. А. Борисов считает, что «право заказчика потребовать устранения недостатков и право на возмещение расходов на устранение недостатков относятся к мерам государственно-принудительного характера, не являющимся мерами гражданско-правовой ответственности, а право на соразмерное уменьшение цены относится к числу мер оперативного воздействия» [9, с. 96].

Институт неосновательного обогащения в Таиланде регулируется нормами статей Гражданского и Торгового кодекса (ст.ст. 406–419). И так же, как в Сингапуре, неосновательное обогащение

и реституция рассматриваются тайландским законодателем как взаимосвязанные правовые категории. На основании ст. 406 ССС любое лицо, которое получает что-либо в ущерб другому лицу без законных оснований, должно вернуть это последнему. Данная правовая конструкция применима также в строительных отношениях, как и в других государствах. Тайландский законодатель исходит из позиции, согласно которой, если неправомерно полученное имущество представляет собой денежную сумму, возмещение должно быть произведено в полном объеме, за исключением случаев, когда лицо, получившее его, действовало добросовестно. В этом случае оно обязано возратить только ту часть своего обогащения, которая еще существует в тот момент, когда требуется реституция (ст. 412 ССС). Причем расходы, необходимые для сохранения имущества или его содержания и ремонта, должны быть возмещены в полном объеме лицу, возвращающему имущество (ст. 416 ССС).

К мерам самозащиты прав строительных заказчиков и подрядчиков Таиланда можно отнести включение в строительные договоры различных оговорок, претензионный порядок разрешения конфликтов.

В Таиланде, как и в Сингапуре, стороны договора строительного подряда вправе закрепить условие об ограничении или исключении ответственности. Но такие условия могут быть признаны судом неправомерными. Например, если стороны предусмотрели в договоре возможность освобождения от ответственности в результате мошеннических действий или грубой неосторожности.

Для данного государства характерно решение спорных ситуаций в строительной сфере как в судебном порядке, так и альтернативными способами – через арбитраж (например, Arbitration Institute (TAI) and Thailand, Arbitration Center (THAC)). Допускается также использование услуг медиаторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно констатировать, что правовое регулирование защиты прав строительных заказчиков и подрядчиков в Сингапуре и Таиланде сложилось под влиянием как континентальной, так и англосаксонской правовой семьи. При этом правовые системы данных стран имеют свои уникальные особенности. В отличие от Российской Федерации, правовая система которой относится к континентальной семье, в рассматриваемых государствах активно используются способы защиты, характерные для стран общего права. Так, достаточно эффективным и распространенным способом защиты прав является институт заранее оцененных убытков. В российском государстве данный институт разрабатывается только юридической наукой, тогда как в Сингапуре и в Таиланде активно используется в строительных контрактах в целях защиты прав сторон. Не характерным для российского государства является также включение в строительные договоры некоторых оговорок, которые считаются мерами самозащиты (например, оговорки о «расторжении для удобства»).

Считаем, что целесообразно включить в гражданское законодательство РФ отдельную норму, как в Таиланде, в рамках которой, если договор строительного подряда прекращается смертью подрядчика – физического лица, а заказчик планирует в дальнейшем использовать или использует результат выполненных работ, то он обязан оплатить наследникам умершего подрядчика стоимость выполненных работ в рамках заключенного договора. Такая норма будет считаться защитной для строительных подрядчиков – физических лиц и дисциплинирующей для строительных заказчиков, так как поможет впоследствии последним избежать лишних конфликтов и проблем с наследниками умершего подрядчика.

Список литературы

1. Варшавский К. М. Подряды и поставки в Союзе ССР. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. 231 с.
2. Кархалев Д. Н. Защита гражданских прав участников подрядных отношений // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1 (68). С. 29–34.
3. Кархалев Д. Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 55–63. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-55-63>
4. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве : моногр. / отв. ред. д. ю. н., проф. В. Г. Голубцов. М. : Проспект, 2020. 232 с. DOI: <https://doi.org/10.31085/9785392314782-2020-232>
5. Tang H. W. The Role of the Law of Unjust Enrichment in Singapore // The Chinese Journal of Comparative Law. 2021. Vol. 9, Iss. 1. P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxaa034>
6. Ялилов А. Д. Альтернативное урегулирование споров в строительстве: постановка проблемы // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 5. С. 246–274. DOI: <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-5-246-274>
7. Tariq J., Gardezi S. Study the Delays and Conflicts for Construction Projects and Their Mutual Relationship: A Review // Ain Shams Engineering Journal. 2023. Vol. 14, Iss. 1. P. 101815. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.asej.2022.101815>
8. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Изд. испр. и доп. М. : Статут, 2002. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 1055 с.
9. Борисов А. А. Права заказчика при ненадлежащем качестве работ, выполненных по договору подряда // Проблемы строительного права : сб. ст. / сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. М. : Статут, 2022. Вып. 1. С. 75–128.

References

1. Varshavskii K. M. *Contracts and Supplies in the Union of the USSR*. Moscow: Legal Publishing House of the NKJ RSFSR, 1925. 231 p. (In Russ.).
2. Karkhalev D. N. Protection of Civil Rights of Participants of Contract Relations. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*. 2017;1:29-34. (In Russ.).
3. Karkhalev D. N. Civil Law Forms of Protection Relations. *Siberian Law Review*. 2023;20(1):55-63. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-55-63> (In Russ.).
4. Syatchikhin A. V. *Liquidated Damages in Russian Civil Law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. 232 p. DOI: <https://doi.org/10.31085/9785392314782-2020-232> (In Russ.).
5. Tang H. W. The Role of the Law of Unjust Enrichment in Singapore. *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2021;9(1):1-24. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxaa034>
6. Yalilov A. D. Alternative Dispute Resolution in Construction: Problem Statement. *Herald of Civil Procedure*. 2022;12(5):246-274. DOI: <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-5-246-274> (In Russ.).
7. Tariq J., Gardezi S. Study the Delays and Conflicts for Construction Projects and Their Mutual Relationship: A Review. *Ain Shams Engineering Journal*. 2023;14(1):101815. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.asej.2022.101815>
8. Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. *Contract Law. Book 3: Contracts on Performance of Works and Rendering of Services*. Moscow: Statut Publ.; 2002. 1055 p. (In Russ.).
9. Borisov A. A. Rights of the Customer in Case of Improper Quality of Work Performed Under a Contract Agreement. In: Shcherbakov N. B. (Ed.). *Problems of Construction Law. Iss. 1*. Moscow: Statut Publ.; 2022. P. 75–128 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Владимировна Белоусова, преподаватель кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4436-5501>; e-mail: harp1405@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Belousova, Teacher of the Department of Civil Law at the Siberian Law University (12 Korolenko St., Omsk, 644010, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4436-5501>; e-mail: harp1405@yandex.ru

Поступила | Received
30.09.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
22.10.2023

Принята к публикации | Accepted
01.11.2023

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Criminal Law Sciences

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-4-417-428

EDN: DDQWAO

Оригинальная научная статья

Возмещение морального вреда, причиненного преступлением

Б. Б. Булатов

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ bulatov_ota@mail.ru

А. С. Дежнев

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ omsk-das@mail.ru

Е. Г. Ларин

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ larin_eg@mail.ru

Аннотация. Современное развитие общественных отношений не может рассматриваться изолированно от этической составляющей жизни человека. Вопросы морали, нравственности касаются и многих направлений государственной деятельности. Одно из них связано с расследованием и судебным разбирательством преступлений. Осуществление следователем, дознавателем и судом предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации функций по многим уголовным делам предполагает выполнение обеспечительной деятельности, касающейся возмещения морального вреда, причиненного преступлением. Данный вопрос в уголовно-процессуальном законодательстве регламентирован поверхностно. Понятийный аппарат в значительной степени предполагает учет содержания других отраслей права. В рамках исследуемых отношений необходима оценка содержания норм гражданского законодательства. Показано их разноаспектное влияние на характер уголовно-процессуальной деятельности. Для решения данной проблемы в статье исследуются вопросы, связанные с определением содержания понятия «моральный вред», причиненный в результате преступления. Отражены особенности установления размера его денежной компенсации потерпевшему, гражданскому истцу. Анализируется судебная практика рассматриваемой сферы правового регулирования. В работе представлен анализ решений Конституционного и Верховного судов Российской Федерации. Проводится соотношение морального и других видов вреда, причиненного преступлением. В силу своей неоднозначности выделяется вопрос о взаимосвязи морального и имущественного вреда. Подходы к решению выявленных авторами проблем сформированы с учетом имеющихся в юридической литературе позиций других исследователей. Анализ особенностей оценки морального вреда связан с отсутствием четких нормативных критериев его определения. В работе делается вывод, что высокая доля субъективности в данной сфере правового регулирования вредит решению этого вопроса. Определено повышенное внимание в данной области отношений к содержанию гражданского иска. Отражена необходимость обоснования суммы соответствующих требований со стороны заинтересованных лиц ввиду осуществления следователем, дознавателем обеспечительной деятельности. Установлен круг вопросов, связанных с определением процессуального режима реализации требований о материальной компенсации морального

© Булатов Б. Б., Дежнев А. С., Ларин Е. Г., 2023

вреда. Сформулированы предложения, направленные на оптимизацию правоприменительной деятельности по обеспечению следователем, дознавателем денежной компенсации соответствующих нравственных и физических страданий и последующей судебной деятельности.

Ключевые слова: моральный вред, возмещение вреда, обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский иск, арест имущества

Для цитирования: Булатов Б. Б., Дежнев А. С., Ларин Е. Г. Возмещение морального вреда, причиненного преступлением // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 417–428. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-417-428>. EDN: <https://elibrary.ru/ddqwao>

Original scientific article

Compensation for Moral Damage Caused By a Crime

B. B. Bulatov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ bulatov_oma@mail.ru

A. S. Dezhnev

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ omsk-das@mail.ru

E. G. Larin

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ larin_eg@mail.ru

Abstract. The modern development of social relations cannot be considered in isolation from the ethical component of human life. Questions of morality also concern many areas of state activity. One of them concerns investigation and trial. The implementation by the investigator, inquirer and court of the functions fixed in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation concerning many criminal cases involves the performance of activities related to compensation for moral damage caused by the crime. This issue is superficially regulated in the criminal procedure legislation. The conceptual complex considerably suggests taking into account the content of other branches of law. It is necessary to assess the content of the norms of civil legislation during the research of relations. Multiple influence on the nature of criminal procedural activity is shown. To solve this problem, issues related to the definition of the content of the concept of “moral harm” caused as a result of a crime are examined in the article. The features of establishing the amount of his monetary compensation to the victim, the civil plaintiff are reflected. The judicial practice of the considered sphere of legal regulation is analyzed. The analysis of the decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation is also done in the present paper. The ratio of moral and other types of harm caused by the crime is carried out. Due to its ambiguity, the question of the relationship between moral and property damage is highlighted. Approaches to solving the problems identified by the Authors are formed taking into account the positions of other researchers in the legal literature. The analysis of peculiarities of assessment of moral harm is connected with the lack of clear normative criteria for its definition. The paper concludes that the high proportion of subjectivity in this area of legal regulation harms the solution of this issue. The increased attention in this area of relations to the content of a civil claim is determined. The necessity of substantiation of the amount of the relevant requirements on the part of interested parties in view of the implementation of the investigator, inquirer of security activity is reflected. A range of issues related to the definition of the procedural regime for the implementation of claims for material compensation for moral harm has been established. Proposals aimed at optimization of law enforcement activity on ensuring by the investigator, inquirer of the monetary compensation of the relevant moral and physical suffering and subsequent judicial activity are formulated.

Keywords: moral harm, compensation for harm, accused, suspect, victim, civil plaintiff, civil action, seizure of property

For citation: Bulatov B. B., Dezhnev A. S., Larin E. G. Compensation for Moral Damage Caused By a Crime. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):417-428. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-417-428>. EDN: <https://elibrary.ru/ddqwao> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Защита интересов потерпевших от преступления закреплена на конституционном уровне. Статья 52 Основного закона предусматривает обязанность государства обеспечить потерпевшим не только доступ к правосудию, но и компенсацию ущерба. Несмотря на то что потерпевшим лицо признается, если ему причинен физический, имущественный или моральный вред, возмещению подлежат согласно прямому указанию законодателя только два вида вреда – имущественный или моральный (чч. 1, 3, 4 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)). Физический вред, с учетом расходов на лечение, достаточно легко может быть переведен в денежную форму. Следовательно, возмещение данного вида вреда будет осуществляться с учетом требований ч. 3 ст. 42 УПК РФ. Не исключено в связи с этим и предъявление гражданского иска (ст. 44 УПК РФ). Если говорить о моральном вреде, его материальном выражении, то законодатель допускает использование режима, предусмотренного положениями гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 42 УПК РФ).

Таким образом, удовлетворение имущественных претензий потерпевшего может осуществляться по-разному. Имущественный и физический вред (материальная компенсация лечения) – в рамках уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 42, ст. 44 УПК РФ). Моральный вред – в рамках уголовного или гражданского судопроизводства. Используемый в ч. 4 ст. 42 УПК РФ разделительный союз «или» дает

возможность выбора заинтересованным лицам или суду между предусмотренными вариантами действий. С учетом особенностей доказывания, не исключаем использования режима совмещенного судопроизводства (уголовного и гражданского). Этот выбор может быть связан и с обеспечительной деятельностью следователя, дознавателя по возмещению любого вида вреда в рамках досудебного производства.

Очевидно, что вопрос возмещения морального вреда имеет межотраслевую природу. Помимо процедурных особенностей, важно учитывать требования гражданского законодательства (ст.ст. 12, 151, 1099–1101 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). В этом контексте обеспечение следователем, дознавателем компенсации морального вреда имеет проблемный характер. Необходимо учитывать высокую долю субъективности в данном вопросе. В значительной степени это связано с отсутствием законодательно установленного понятия «моральный вред». Предусмотренная ст. 151 ГК РФ норма связывает моральный вред с физическими или нравственными страданиями, без конкретизации характера соответствующих переживаний. Очевидно, что этот подход предполагает широкое использование внутреннего убеждения участников данных правоотношений. Указанные обстоятельства способствуют научной проработке этого вопроса, оценки не только имеющейся законодательной основы, но и сложившейся правоприменительной практики.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ
ПОНЯТИЯ «МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД»,
ПРИЧИНЕННЫЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**

Содержание понятия «моральный вред» имеет комплексный характер и замыкается на многие вопросы уголовного судопроизводства. Один из них связан с особенностями возмещения морального вреда потерпевшему, гражданскому истцу. Научная полемика по данному вопросу ведется давно [1, с. 194; 2–4]¹. В рамках действующего законодательства сформировалась определенная судебная практика². В юридической литературе предлагаются различные методики определения размера материальной компенсации морального вреда, причиненного преступлением [5–7]. Вместе с этим, в отличие от других видов вреда, моральные потери человека с исчерпывающей полнотой не могут быть определены следователем, дознавателем или судом самостоятельно, исключительно на основе своих индивидуальных ощущений. Без учета позиции потерпевшего или гражданского истца не обойтись. Принимая во внимание, что оценка имеющих место физических или нравственных страданий имеет субъективный характер, наличие и размер причиненного вреда должны отражаться в гражданском иске. На этом достаточно определенно настаивает законодатель (ч. 4 ст. 42 УПК РФ).

Перечисленные обстоятельства не позволяют законодателю распространить

режим, предусмотренный в ст. 160¹ УПК РФ, на вопросы, связанные с опережающим обеспечением возмещения морального вреда, причиненного преступлением. До предъявления гражданского иска соответствующие меры применяются, если преступлением причинен лишь имущественный вред. В этом случае «следователь, дознаватель обязаны незамедлительно принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, а также принять меры по наложению ареста на такое имущество»³.

В сложившейся ситуации возникают риски, связанные с невозможностью принятия следователем, дознавателем инициативных решений по наложению ареста на имущество для обеспечения возможных исковых требований потерпевшего, гражданского истца о материальной компенсации соответствующих нравственных страданий. Интервьюирование указанных должностных лиц показывает, что в таких случаях они стремятся к более оперативному реагированию на данные факты для минимизации потерь, связанных с применением указанной меры процессуального принуждения.

¹ Безлепкин Б. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебными органами : учеб. пособие. М. : Акад. МВД СССР, 1979. С. 178 ; Гараева Т. Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 129.

² О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2022 г. № 33 // Рос. газ. 2022. 25 нояб. ; О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 13 окт. 2020 г. № 23 // Рос. газ. 2020. 23 окт. ; О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевших в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // Рос. газ. 2010. 7 июля ; О судебном приговоре : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 нояб. 2016 г. № 55 // Рос. газ. 2016. 7 дек. ; По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 26 окт. 2021 г. № 45-П // Рос. газ. 2021. 12 нояб. ; и др.

³ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Решение многих проблем, касающихся возмещения морального вреда, причиненного преступлением, обусловлено необходимостью законодательного определения соответствующего понятия. В соответствии со ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, то суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Данное законодательное установление не формирует понятия морального вреда в исчерпывающем объеме. Определены лишь некоторые его черты. Тем не менее можно констатировать, что компенсация морального вреда, причиненного преступлением, возможна, если нарушены личные неимущественные права – жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, и др. Законодатель достаточно определенно связывает рассматриваемую категорию с неимущественными отношениями. Наряду с этим в ст. 151 ГК РФ дополнительно говорится о «других случаях», предусмотренных законом, когда суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда. Содержание таких случаев не раскрывается. Справедлив в связи с этим вопрос о возможности соответствующей компенсации при причинении гражданину преступлением имущественного вреда. Ответ на него при формальном анализе указанного нормативного установления неочевиден.

Такого рода неопределенность способствует формированию неоднозначной

судебной практики, на что обратил внимание орган конституционного контроля. В одном из своих решений Конституционный Суд РФ признал ч. 1 ст. 151 ГК РФ не соответствующей ряду положений Конституции РФ. Он сделал вывод, что исследуемая норма «по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием, служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага»⁴. Анализируя исследуемую законодательную конструкцию Конституционный Суд РФ дополнительно обращает внимание на то, что сама по себе ч. 1 ст. 151 ГК РФ не исключает компенсации морального вреда в случае совершения в отношении гражданина преступления против собственности. Такого рода деяния, фактически, всегда посягают на достоинство личности. Они могут причинять потерпевшему как физические, так и нравственные страдания (моральный вред)⁵.

Сформулированные Конституционным Судом РФ разъяснения способствовали конкретизации понятия «моральный вред», используемого в рассматриваемой статье ГК РФ. Подтверждена юридическая связь имущественного вреда, причиненного преступлением, и соответствующих нравственных страданий, требующих материальной компенсации. Таким образом,

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шилового ...

⁵ Там же.

несмотря на то что законодатель не спешит с нормативным определением понятия «моральный вред», судебная практика по этому вопросу сформировала определенный подход, который был конкретизирован Конституционным Судом РФ. В более развернутом виде он представлен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном рассматриваемому вопросу⁶. В нем обращено внимание на то, что, во-первых, под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные нематериальные права (их примерный перечень отражен в постановлении⁷). И, во-вторых, наступление морального вреда может быть связано с нарушением имущественных прав граждан.

В итоге важно отметить, что преступные посягательства на имущественные отношения физических лиц, несмотря на недосказанность в законодательстве, могут служить основанием для рассмотрения вопроса о возмещении морального вреда при производстве по уголовным делам. Благодаря правовой позиции Конституционного и Верховного судов РФ сформировано расширенное восприятие морального вреда и, соответственно, появилось больше возможностей для его компенсации. Ранее этот вопрос для правопримените-

ля и в научной среде воспринимался неоднозначно. Кроме того, сформулирован расширенный перечень личных нематериальных прав и нематериальных благ, требующих учета при определении существа и размера морального вреда, причиненного преступлением, что благоприятно скажется на судебно-следственной практике по его возмещению и сократит пределы усмотрения дознавателя, следователя и суда при принятии соответствующих решений.

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Анализируя исповедуемый Конституционным и Верховным судами подход, можно утверждать, что моральный вред допустимо рассматривать как сам по себе, так и в качестве составной части имущественного или физического вреда, причиненного преступлением. Данное обстоятельство накладывает свой отпечаток на особенности доказывания. Верховный Суд РФ разъясняет, что «причинение морального вреда потерпевшему в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях предполагается, и сам факт причинения вреда здоровью, в том числе при отсутствии возможности точного определения его степени тяжести, является достаточным основанием для удовлетворения иска о компенсации морального вреда»⁸. Другими словами, причиненный

⁶ *О практике применения судами норм о компенсации морального вреда* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2022 г. № 33 ...

⁷ В частности, к перечню личных нематериальных прав и нематериальных благ Верховный Суд РФ отнес жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные нематериальные права автора результата интеллектуальной деятельности и др. (*О практике применения судами норм о компенсации морального вреда* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2022 г. № 33 ...).

⁸ *О практике применения судами норм о компенсации морального вреда* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2022 г. № 33 ...

преступлением вред здоровью автоматически влечет наступление морального вреда, который не нуждается в самостоятельном доказывании. Несмотря на такой однозначный подход, некоторое обоснование тяжести данного вида вреда возможно, например, при определении размера соответствующей компенсации. По этому поводу в другом своем постановлении Верховный Суд РФ говорит о том, что «гражданский истец обосновывает перед судом свои требования о размере компенсации причиненного преступлением морального вреда»⁹.

Делая акцент на преступлениях против собственности, Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что «гражданин вправе предъявить требование о компенсации морального вреда, если ему причинены физические или нравственные страдания вследствие нарушения личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага»¹⁰. Следовательно, наличие имущественного вреда, причиненного преступлением, в отличие от вреда здоровью, не влечет автоматического признания факта существования морального вреда. Его наличие должно быть подтверждено потерпевшим, гражданским истцом и определено в гражданском иске по уголовному делу. Наряду с этим, Верховным Судом отмечается, что «факт причинения морального вреда потерпевшему от преступления, в том числе преступления против собственности, не нуждается в доказывании, если судом на основе исследования фактических обстоятельств дела установлено, что это преступление нарушает личные неимущественные права потерпевшего либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага»¹¹.

Таким образом, в ходе расследования или судебного разбирательства уголовного дела должна устанавливаться причинная связь между преступным поведением лица и моральным вредом, наступившим в результате посягательства на имущество потерпевшего, гражданского истца.

Помимо вопросов, связанных с возмещением морального вреда при совершении преступлений против собственности, важно обратить внимание и на другие проблемы. Одна из них связана с законодательной неопределенностью установления количества субъектов, имеющих право на компенсацию морального вреда, причиненного смертью лица. Верховный Суд РФ по этому поводу отмечает, что «если потерпевшим по уголовному делу о преступлении, последствием которого явилась смерть человека, признаны несколько близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а при их отсутствии или невозможности участия в уголовном судопроизводстве – несколько его родственников, то каждый из них вправе предъявить гражданский иск, содержащий самостоятельное требование о компенсации морального вреда. Суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий»¹². Данный подход не противоречит содержанию чч. 4, 8 ст. 42 УПК РФ и предполагает индивидуальный учет позиции каждого потерпевшего по уголовному делу. Полагаем, что не будет нарушением законодательства формирование одного коллективного иска несколькими потерпевшими по таким уголовным делам. Это упростит обеспечительную деятельность следователя,

⁹ *О практике* рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 13 окт. 2020 г. № 23 ...

¹⁰ *О практике* применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2022 г. № 33 ...

¹¹ Там же.

¹² *О практике* рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 ...

дознателя, сократит временные затраты, связанные с удовлетворением имущественных требований указанных участников уголовного процесса.

Достаточно специфичной в рамках регулируемых отношений выглядит ситуация, связанная с компенсацией морального вреда ребенку, родившемуся после гибели его отца. Проверив конституционность п. 2 ст. 17 ГК РФ, Конституционный Суд РФ по жалобе М. В. Григорьевой, обратившейся в интересах несовершеннолетнего сына, признал, что «в системе действующего правового регулирования, указанная норма не предполагает ее применения в качестве основания для отказа в компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти его отца»¹³. В данном случае моральный вред обусловлен тем, что ребенок лишился возможности общения с отцом. В соответствии с ч. 3 ст. 44 УПК РФ гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних может быть предъявлен их законными представителями. Соответственно, мать ребенка, выступая в качестве его законного представителя вправе заявлять такие исковые требования и рассчитывать на определенную денежную компенсацию данного вида вреда. С учетом возраста несовершеннолетнего размер соответствующей компенсации фактически определяет законный представитель, полагаясь, преимущественно, на внутреннее убеждение, степень нравственных или физических страданий ребенка, причиненных в результате преступления, а также свои личные моральные потери.

Указанные обстоятельства приводят к выводу, что причинение преступлением физического или имущественного вреда могут влечь моральные страдания потерпевшего, наличие которых требует

самостоятельного подтверждения в материалах уголовного дела. В случае с несовершеннолетним соответствующие обстоятельства должны устанавливаться путем привлечения его законного представителя.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА МАТЕРИАЛЬНОЙ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

При определении размера денежной компенсации морального вреда, сложность состоит в том, что потерпевший, гражданский истец не ограничены какой-либо суммой. Она отражается в содержании гражданского иска и устанавливается по внутреннему убеждению соответствующего участника уголовного процесса. Этим могут быть сформированы предпосылки для создания проблем при осуществлении следователем, дознавателем обеспечительной деятельности. Не исключен арест на излишне большой объем имущества подозреваемого, обвиняемого для реализации завышенных исковых требований. Учитывая, что вопрос о разрешении гражданского иска будет рассмотрен лишь в суде, соответствующие ограничения могут иметь длительный характер. В этих условиях, в рамках обеспечительной деятельности следователю, дознавателю необходимо ориентироваться на требования ч. 2 ст. 151, ст. 1101 ГК РФ. Данные законодательные установления, хотя и сформулированы с использованием оценочных категорий, тем не менее содержат общие ориентиры для определения размеров компенсации морального вреда. В частности, подлежат учету степень вины нарушителя, объем физических и нравственных страданий лица, которому причинен вред, требования разумности и справедливости, а также индивидуальных особенностей потерпевшего.

¹³ По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 2 марта 2023 г. № 7-П // Рос. газ. 2023. 10 марта.

Конкретизация особенностей оценки размера морального вреда, причиненного преступлением, представлена в судебной практике. Во внимание, в частности, должны приниматься существо и значимость нематериальных благ потерпевшего, которым причинен вред, степень их умаления, наступившие последствия, поведение самого потерпевшего и другие обстоятельства. При этом компенсация морального вреда должна быть соразмерной последствиям нарушения и покрывать понесенные физические или нравственные страдания¹⁴.

Оценочный характер указанных установлений создает сложности в правоприменении. Высокая доля субъективности при определении размера морального вреда формирует риски для следователя, дознавателя, связанные с наложением ареста на имущество. Завышенные иски требования потерпевшего, гражданского истца могут сформировать ложные ориентиры в определении размера подлежащего аресту имущества. В связи с этим существует вероятность необоснованного применения соответствующей меры процессуального принуждения.

Анализируя имеющиеся в юридической литературе по этому вопросу подходы [8; 9]¹⁵, М. В. Соколова предлагает на законодательном уровне закрепить шкалу размеров компенсации исчисления морального вреда¹⁶. Это достаточно спорная позиция, поскольку, с одной стороны, вряд ли возможно собрать в единую шкалу все многообразие преступных проявлений в обществе. С другой, непонятно,

как определить степень нравственных и физических страданий, обусловленных бесконечным многообразием жизненных ситуаций и моральных переживаний разных людей. Полагаем, что решение данного вопроса все же должно отдаваться на усмотрение должностных лиц, принимающих решения, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела.

Некоторые рекомендации по этому поводу можно встретить в судебной практике. В частности, Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что в случае заявления ходатайства о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска судам следует учитывать, что стоимость имущества, на которое налагается арест, должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу. В связи с этим судья вправе принять решение об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на соответствующую по стоимости часть имущества¹⁷. Таким образом, уже на этапе обеспечительной деятельности следователя, дознавателя суд при принятии соответствующего решения должен ориентироваться не только на субъективные ощущения потерпевшего или гражданского истца, но и на комплекс тех факторов, что был приведен выше. В случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке¹⁸.

При определении размера материальной компенсации вреда, причиненного преступлением, законодатель допускает возможность рассмотрения этого вопроса

¹⁴ *О практике применения судами норм о компенсации морального вреда* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2022 г. № 33 ...

¹⁵ *Мытник П. В.* Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2001. С. 75.

¹⁶ *Соколова М. В.* Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 108.

¹⁷ *О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // Рос. газ. 2017. 9 июня.

¹⁸ *О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевших в уголовном судопроизводстве* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 ...

в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 42 УПК РФ). Кроме того, положения, предусмотренные ч. 2 ст. 309 УПК РФ, закрепляют право на передачу вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Указанный законодательный подход по отдельным позициям справедливо критикуется в юридической литературе. В частности, М. Михеенкова отмечает, что «сейчас суды несколько злоупотребляют возможностью признать за истцом право на удовлетворение его требований и направить для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства ввиду “необходимости производства дополнительных расчетов”, даже когда на самом деле никаких особых расчетов не требуется» [10, с. 10]. Полагаем, что это замечание при анализе рассматриваемой в рамках настоящего исследования проблемы особенно актуально. Оценка морального вреда, причиненного преступлением, не предполагает наличия каких-либо глубоких знаний в области экономики или хозяйственной деятельности. Для принятия справедливого решения достаточно имеющегося у судьи профессионального и житейского опыта.

В связи с этим спорной выглядит позиция В. А. Коваленко, которая отмечает, что «иски неимущественного характера, хотя и о возмещении морального вреда, должны рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства в силу своей специфики, как бы тесно они ни были связаны с уголовным делом. Гражданский суд обеспечит всестороннее и полное восстановление нарушенных прав и позволит в одном процессе решить судьбу неимущественного иска о материальном и при необходимости о моральном возмещении» [11, с. 2]. Непонятна позиция автора в том, почему вопрос о возмещении морального вреда более полно и всесторонне будет разрешен именно в гражданском судопроизводстве.

Это важно, поскольку установленная в рамках уголовного судопроизводства картина преступного события более всего отражает степень моральных потерь потерпевшего, гражданского истца. Данное обстоятельство как раз и позволяет судье принять наиболее взвешенное решение по делу, определив не только виновность лица, вид и размер наказания, но и моральный вред, причиненный преступлением. В рамках же гражданского процесса, не обремененного установлением всех обстоятельств уголовного дела, это сделать достаточно сложно. К тому же нельзя забывать о процессуальной экономике разрешения правовых споров. Это важно не только для государства, но и участников уголовного процесса. Поэтому полагаем, что передача уголовного дела в гражданский процесс для решения вопроса о возмещении морального вреда, причиненного преступлением, должна осуществляться лишь в исключительных случаях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, возмещение лицу морального вреда, причиненного преступлением, связано с исследованием многочисленных факторов, имеющих оценочный характер. Помимо этого, рассматриваемое правовое явление регулируется разными законодательными актами с несовпадающей отраслевой принадлежностью. В этом контексте правильное применение соответствующих нормативных установлений зависит от профессионализма правоприменителя. Большое значение имеет судебно-следственная практика. Приведенные в работе позиции Конституционного и Верховного судов РФ в рамках рассматриваемых отношений снимают ряд вопросов, связанных с существом морального вреда, определением его размеров и обеспечительной деятельностью лиц, осуществляющих производство по делу. Кроме того, получившаяся

в анализируемой судебной практике конкретизация соответствующей сферы правового регулирования будет способствовать сокращению границ усмотрения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, что благоприятно скажется на законности принимаемых решений.

При этом полностью уйти от оценочных категорий в рамках исследуемых отношений не удалось. Особенно это касается определения размера материальной компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Разумные границы усмотрения должностных лиц, осуществляющих производство по уго-

ловным делам, в этом вопросе должны связываться с фактическими потерями, понесенными в результате преступной деятельности, и находить подтверждение в материалах уголовного дела. Данный подход требует учета при обеспечении исковых требований потерпевшего или гражданского истца о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Вместе с тем законодательная возможность разрешения рассматриваемых вопросов в рамках гражданского производства не будет способствовать решению большинства проблем, скорее, наоборот, приведет к их увеличению, и поэтому должна иметь исключительный характер.

Список литературы

1. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М. : Юрлитинформ, 2000. 232 с.
2. Калиновский К. Б. Компенсация потерпевшему морального вреда, причиненного преступлением против собственности // Уголовный процесс. 2016. № 9 (141). С. 24–30.
3. Крылов Е. Н. Что нужно знать о компенсации морального вреда потерпевшему // Уголовный процесс. 2016. № 9 (141). С. 32–43.
4. Бурганов Р. С. Практика рассмотрения требований о компенсации морального вреда // Уголовный процесс. 2016. № 9 (141). С. 44–51.
5. Эрделевский А. О размере возмещения морального вреда // Российская юстиция. 1994. № 10. С. 17–19.
6. Владыкина Т. А. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2013. № 1. С. 86–92.
7. Хайдаров А. А. Определение денежной компенсации морального вреда по делам об убийстве // Уголовный процесс. 2016. № 9 (141). С. 52–56.
8. Резник Г. М. Неимущественный иск не подлежит обеспечению имущественным арестом // Российская юстиция. 1994. № 6. С. 10–11.
9. Иванов Д. А. Наложение ареста на имущество как мера процессуального принуждения, применяемая в целях обеспечения возмещения имущественного и морального вреда, причиненного преступлением // Молодой ученый. 2016. № 25.1 (129.1). С. 2–4.
10. Гражданский иск в уголовных делах / Л. Головкин, С. Пашин, В. Кловгант, А. Пилюк, Н. Шатикина, К. Скловский, Н. Колоколов, В. Бурковская, Р. Курмаев, М. Михеенкова, Ю. Тай // Закон. 2020. № 11. С. 28–44.
11. Коваленко В. А. Теоретические и практические особенности рассмотрения института возмещения вреда путем предъявления гражданского иска в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 12 (133). С. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.133.12.144-155>

References

1. Shadrin V. S. *Safeguards for the Individual Rights in the Course of Crime Investigations*. Moscow: YurLitinform Publ.; 2000. 232 p. (In Russ.).
2. Kalinovsky K. B. Compensation of Moral Harm to the Victim Caused By Crime Against Property. *Criminal Procedure*. 2016;9:24-30. (In Russ.).
3. Krylov E. N. What Is Need To Know About Compensation of Moral Harm to the Victim. *Criminal Procedure*. 2016;9:32-43. (In Russ.).
4. Burganov R. S. Practice of Consideration of Claims About Compensation of Moral Harm. *Criminal Procedure*. 2016;9:44-51. (In Russ.).
5. Erdelevskii A. Issue of the Amount of Reimbursement for Moral Harm. *Russian Justice*. 1994;10:17-19. (In Russ.).
6. Vladykina T. A. Civil Suit in the Criminal Proceedings. *Criminal Law*. 2013;1:86-92. (In Russ.).

7. Khaidarov A. A. The Definition of Monetary Compensation of Moral Harm in Cases of Murder. *Criminal Procedure*. 2016;9:52-56. (In Russ.).

8. Reznik G. M. Non-Property Claim Is Not Liable For Securing By Seizure of Property. *Russian Justice*. 1994. № 6. S. 10–11. (In Russ.).

9. Ivanov D. A. Seizure of Property as a Measure of Procedural Compulsion Applied To Ensure Compensation for Property and Moral Harm Caused By a Crime. *Young Scientist*. 2016;25.1:2-4. (In Russ.).

10. Golovko L., Pashin S., Klyuvgant V., Piyuk A., Shatikhina N., Sklovskii K., Kolokolov N., Burkovskaya V., Kurmaev R., Mikheenkova M., Tai Yu. Civil Action in Criminal Cases. *Statute*. 2020. № 11. S. 28–44. (In Russ.).

11. Kovalenko V. A. Theoretical and Practical Features of the Compensation for Harm Consideration By Filing a Civil Claim in Criminal Proceedings. *Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(12):144-155. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.133.12.144-155> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борис Борисович Булатов, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России (пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5419-5108>, e-mail: bulatov_oma@mail.ru;

Александр Сергеевич Дежнев, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России (пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-9383-5560>; e-mail: omsk-das@mail.ru;

Евгений Геннадьевич Ларин, ученый секретарь ученого совета Омской академии МВД России (пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2323-1429>; e-mail: larin_eg@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Boris B. Bulatov, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5419-5108>; e-mail: bulatov_oma@mail.ru;

Aleksandr S. Dezhnev, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation), Doctor of Law (habilitated degree), Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-9383-5560>; e-mail: omsk-das@mail.ru;

Evgeniy G. Larin, Scientific Secretary of the Academic Council of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2323-1429>; e-mail: larin_eg@mail.ru

Поступила | Received
04.05.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
03.07.2023

Принята к публикации | Accepted
06.09.2023

УДК 343.132.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-4-429-438

EDN: DKQZOF

Оригинальная научная статья

О методах следственного осмотра

О. В. Чельшева *Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;**Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*✉ chelysheva2007@yandex.ru**С. А. Ялышев** *Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;**Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*✉ yalishev@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию важных методологических и прикладных проблем производства следственного осмотра. Во введении авторами определено его значение в формировании доказательственной базы при расследовании преступлений. Рассматривается вопрос о понятии осмотра как метода познания и следственного осмотра как следственного действия. В частности, анализируется попытка законодателя определить понятие осмотра применительно к другим отраслям права. Кроме того, исследуются научные подходы к определению понятия следственного осмотра в криминалистической науке. Подчеркивается его поисковая сущность, поскольку именно поисковая составляющая предостерегает субъекта расследования от превращения рассматриваемого действия в простое созерцание и фиксацию очевидных элементов обстановки, объектов и их признаков. Авторы обращают внимание на гносеологическую сущность следственного осмотра, определяя ее как органолептическое исследование объектов. Сформулировано определение понятия следственного осмотра, показано его отличие от обыска. В частности, авторы исследуют такие критерии отграничения, как принудительность действий субъекта расследования, а также характер и степень информированности следователя об искомых объектах и их признаках. В то же время авторами сделан вывод об относительности каждого из критериев отличия и необходимости учитывать их только в совокупности. В заключительной части статьи рассмотрены актуальные на сегодняшний день проблемы фиксации результатов следственного осмотра в условиях цифровой трансформации следственной деятельности. Констатируется некоторое отставание предлагаемых приемов и методов данного элемента следственного действия от реалий сегодняшнего дня. В связи с этим в статье рассматривается вопрос о возможности использования современных мобильных устройств (в том числе смартфонов) для осуществления фото- и видеосъемки в процессе следственного осмотра. В заключение сделаны основные выводы и сформулированы рекомендации правового и тактического характера.

Ключевые слова: следственный осмотр, обыск, следственное действие, поисковая деятельность, органолептическое исследование, фиксация результатов осмотра, криминалистика, цифровая трансформация следственной деятельности

Для цитирования: Чельшева О. А., Ялышев С. А. О методах следственного осмотра // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 429–438. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-429-438>. EDN: <https://elibrary.ru/dkqzof>

Original scientific article

About Investigative Inspection Methods

O. V. Chelysheva

North Western Branch of the Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation
✉ chelysheva2007@yandex.ru

S. A. Yalyshev

North Western Branch of the Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation
✉ yalyshev@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of important methodological and applied problems of investigative inspection. In the introduction, the Authors defined the importance of the investigative examination in the formation of the evidence base in the investigation of crimes. The main problems of methodological and applied nature are identified. The article considers the question of the concept of inspection as a method of cognition and investigative inspection as an investigative action. In particular, the attempt of the legislator to define the concept of inspection in relation to other branches of law is analyzed. In addition, scientific approaches to the definition of the concept of investigative examination in forensic science are analyzed. The Authors emphasize the search essence of the investigative examination, since the search component warns the subject of the investigation from turning the action into a simple contemplation and fixation of obvious elements of the situation, objects and their signs. In addition, the Authors pay attention to the epistemological essence of the investigative examination, defining it as an organoleptic examination of objects. The definition of the concept of investigative inspection is formulated, the issues of its difference from the search are considered. In particular, the Authors investigate such criteria of differentiation as coerciveness of actions of the subject of investigation, as well as the nature and degree of awareness of the investigator about the sought objects and their features. At the same time, the Authors make a conclusion about the relativity of each of the criteria of distinction and the need to consider them only taken together. In the final part of the article the current problems of fixation of the results of investigative examination in the conditions of digital transformation of investigative activity are considered. Some lag of the proposed techniques and methods of this element of the investigative action from the realities of today is stated. In this regard, the article considers the possibility of using modern mobile devices (including smartphones) for photo and video recording in the process of investigative inspection. The paper concludes with the main conclusions and formulates legal and tactical recommendations.

Keywords: investigative inspection, search, investigative action, search activity, organoleptic research, fixation of the results of the inspection, criminalistics, digital transformation of investigative activity

For citation: Chelysheva O. V., Yalyshev S. A. About Investigative Inspection Methods. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):429-438. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-429-438>. EDN: <https://elibrary.ru/dkqzof> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Следственный осмотр является важнейшим способом формирования доказательственной базы при расследовании уголовных дел. Именно в ходе осмотров субъект расследования имеет возможность максимально объективизировать доказывание, поскольку влияние субъективных свойств участников осмотра на результаты следственного действия значительно ниже, чем при производстве других следственных действий. При правильном понимании и оптимальном применении тактических приемов, используемых в ходе осмотра, такое влияние может быть практически исключено.

Под следственным осмотром понимается ряд самостоятельных следственных действий, подразделяющихся в зависимости от объекта, подлежащего осмотру, и объединенных единством способа получения информации. Несмотря на некоторые особенности производства, все виды следственного осмотра опираются на одни и те же методологические и гносеологические основы. Важными методологическими аспектами являются правильное понимание сути и содержания следственных осмотров, их отграничение от иных сходных следственных действий, а также фиксация результатов в современных условиях цифровой трансформации следственной деятельности.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ И МЕТОДА ПОЗНАНИЯ

Уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит понятия следственного осмотра. В нем лишь обозначается его цель. В соответствии с ч. 1 ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), «осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов

и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Такой подход законодателя приводит к неоднозначному пониманию сути осмотра, его отличия от других следственных действий, отсутствию единообразной судебно-следственной практики.

Вероятно, многим криминалистам и правоприменителям суть осмотра представляется очевидной, тем не менее некоторые законы в РФ определяют понятие осмотра применительно к целям соответствующего законодательства. Так, ст. 76 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» гласит, что «под осмотром в целях настоящего Федерального закона понимается контрольное (надзорное) действие, заключающееся в проведении визуального обследования территорий, помещений (отсеков), производственных и иных объектов, продукции (товаров) и иных предметов без вскрытия помещений (отсеков), транспортных средств, упаковки продукции (товаров), без разборки, демонтажа или нарушения целостности обследуемых объектов и их частей иными способами»¹.

В данном случае законодатель делает акцент на визуальном характере рассматриваемого действия и на недопустимости какого-либо вмешательства, ведущего к нарушению целостности преград, упаковки, или самих объектов осмотра. Представляется, что указанное определение не применимо к целям уголовного судопроизводства, поскольку при расследовании преступлений задачи осмотра носят не контрольный (надзорный), а в первую очередь поисковый характер. При этом, с точки зрения следственной тактики, осмотр традиционно подразделяли на статический и динамический. В ходе

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5007.

последнего как раз и совершаются действия, связанные с различными манипуляциями с объектами осмотра, в том числе с исследованием внутреннего содержимого упаковок, помещений, различных конструкций и других объектов.

Однако стремление законодателя передать сущность рассматриваемого действия следует признать положительной тенденцией, которой, на наш взгляд, необходимо придерживаться и при создании норм уголовно-процессуального права.

В настоящее же время сущность и содержание осмотра как следственного действия рассматриваются исключительно с научных позиций. Само наименование следственного действия приводит ученых-криминалистов к мысли о визуальном характере осмотра.

Так, С. Б. Россинский приводит собирательное определение следственного осмотра как «следственного действия, заключающегося в визуальном обнаружении, восприятии, изучении и фиксации материальных объектов, в том числе, следов преступления, имеющих значение для уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения» [1, с. 179].

По определению А. А. Шатовой, «следственный осмотр – самостоятельное невербальное следственное действие, проводимое следователем, дознавателем или должностным лицом органа дознания, которое заключается в визуальном наблюдении за внешним состоянием объекта (объектов) материального мира, несущего (несущих) на себе возможные следы преступления» [2, с. 69].

На визуальный характер следственного осмотра указывали в свое время такие авторы, как В. П. Колмаков [3], С. А. Шейфер [4], О. Я. Баев² и др.

В то же время авторы отмечают, что «при осмотре визуальные приемы восприятия объективной реальности вполне могут сочетаться с другими способами, связанными с использованием иных органов чувств, например, слуха (осмотр аудиодокументов), обоняния (осмотр места пожара с резким запахом горения) и т. д.» [1, с. 180].

Полностью соглашаясь с таким подходом, следует уточнить, что человек располагает всего пятью чувствами, с помощью которых может осуществляться органолептическое восприятие: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. Однако, исходя из соображений безопасности, последний вариант при следственном осмотре применять не рекомендуется. Остальные органы чувств вполне могут быть использованы и используются в ходе следственных осмотров. Более того, некоторые признаки осматриваемых объектов просто не могут быть обнаружены визуально (степень твердости, подвижности, температура, характер поверхности (например, липкость), специфический, или характерный запах, издаваемые звуки и т. п.), поэтому особое выделение визуального характера осмотра вряд ли оправдано. Более целесообразно говорить о восприятии (использовании органолептического метода исследования³) субъектом осмотра соответствующих объектов, их признаков и обстановки в целом.

Однако определение следственного осмотра как следственного действия, заключающегося в непосредственном или, точнее, личном восприятии, на наш взгляд, также не раскрывает его сущности. В определении отсутствует отражение важной стороны следственного осмотра – его поискового характера. При этом может сложиться впечатление, что при следственном

² Баев О. Я. Тактика следственных действий : учеб. пособие. Воронеж : Модэк, 1995. 224 с.

³ Органолептика (от др.-греч. ὄργανον – орудие, инструмент + λεπτικός – вбирающий, втягивающий) – метод определения признаков объектов на основе анализа восприятий органов чувств: зрения, обоняния, слуха, осязания, вкуса.

осмотре может быть обнаружено только то, что выявляется с помощью органов чувств непосредственно, т. е. только те объекты, которые очевидны для субъекта осмотра – видимые следы, не скрытые предметы. В связи с этим многие правоприменители проводят некорректное разграничение следственного осмотра и обыска, считают, что поиск скрытых объектов и следов должен проводиться при производстве обыска.

Категорически возражая против такого подхода, мы считаем, что следственный осмотр должен сопровождаться активными поисковыми действиями, независимо от того, какие преграды имеются на пути отыскания объектов, являющихся следами уголовно-релевантного события. Разграничение же следственного осмотра и обыска, на наш взгляд, должно проводиться по другим основаниям, о которых мы скажем ниже.

В большинстве случаев практика производства следственного осмотра идет по пути активного поиска следов и иных объектов. При этом применяются все более совершенные технические средства, обеспечивающие высокую эффективность обнаружения искомых объектов, наибольшую сохранность обстановки, обнаруженных объектов и их свойств. Чаще всего использование технических средств позволяет найти следы и предметы, скрытые в малодоступных местах, незаметные в силу малых размеров, невидимые вследствие прозрачности вещества, которым они образованы. Чтобы исследовать их органолептическим методом, нужно обнаружить их другими методами (физическими, химическими и т. д.). Таким образом, именно поисковая составляющая деятельности при следственном осмотре является первичной по отношению к другим составляющим, в том числе и по отношению к органолептическому исследованию.

Если проанализировать предлагаемые криминалистикой тактические приемы следственного осмотра, то легко увидеть,

что большинство таких приемов носят именно поисковый характер, т. е. они направлены на наиболее полное выявление, обнаружение следов преступления. Например, способы определения направления движения субъекта осмотра места происшествия, иных участков местности, или помещений, последовательности, порядка обследования обстановки (от периферии к центру по спирали, от центра к периферии по спирали, по секторам, по узлам и др.) направлены именно на то, чтобы как можно больше следов было обнаружено и при этом не повреждено и не утрачено.

Справедливости ради, надо отметить, что не любой осмотр включает активные поисковые действия. Возможны ситуации, когда поисковая составляющая минимальна, а центр тяжести переносится на органолептическое исследование. Это может иметь место при осмотре несложных объектов, в том числе предметов, которые уже в силу своего существования способны устанавливать обстоятельства преступления, подлежащие доказыванию (например, предметы преступления). Фактически, соотношение поиска объектов и установление их свойств и признаков зависит от ситуационных факторов.

Кроме того, следует иметь в виду, что поиск следов преступления и иных объектов, а также органолептическое исследование их свойств и признаков не исчерпывают сущности следственного осмотра. В определениях, сформулированных большинством авторов, прямо или косвенно упоминаются другие действия, осуществляемые в процессе осмотра. Так, по определению О. Я. Баева, следственный осмотр заключается «в непосредственном восприятии и изучении следователем любых объектов в целях исследования обстоятельств деяния, обнаружения, *фиксации и изъятия предметов*, (курсив наш) документов, веществ и следов, которые имеют, или могут иметь

значение для раскрытия преступления и расследования уголовного дела»⁴. С подобным подходом трудно не согласиться. В то же время, представляется, что в предлагаемых определениях наблюдается некоторое смешение действий, составляющих сущность следственного осмотра и его целей. По нашему мнению, цели следственного осмотра исчерпывающим образом определены уголовно-процессуальным законодательством.

В соответствии со ст. 176 УПК РФ целями следственного осмотра являются: а) обнаружение следов преступления; б) выяснение обстановки происшествия; в) выяснение других обстоятельств, имеющих значение для дела. Фиксация же и изъятие объектов осмотра – это неотъемлемые части следственного действия. Таким образом, можно сделать вывод, что следственный осмотр представляет собой следственное действие, заключающееся в поиске, органолептическом исследовании, фиксации и изъятии объектов в целях обнаружения следов преступления, выяснения обстановки происшествия, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела.

Такой подход к пониманию сущности и задач следственного осмотра поможет более точно отграничить его от иных, наиболее сходных следственных действий. Таковым нам представляется обыск.

ОТГРАНИЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА И ОБЫСКА

Отграничение следственного осмотра от обыска является наиболее актуальной проблемой, поскольку в обоих следственных действиях особенно явно выражена поисковая составляющая, а также осуществляется изъятие обнаруженных объектов, что часто приводит к подмене одного следственного действия другим. Следует согласиться с тем, что сущность обыска состоит «в принудительном обследо-

вании помещений, сооружений, участков местности, транспортных средств, отдельных людей и иных объектов в целях отыскания и изъятия скрываемых доказательств преступления, иных предметов, документов и ценностей, имеющих значение для дела, а также для обнаружения разыскиваемых лиц и трупов» [1, с. 199] Думается, что для отграничения следственного осмотра от обыска необходимо использовать несколько критериев, поскольку каждый из них в отдельности не может считаться абсолютным.

В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что обыск представляет собой принудительное обследование. При формулировании понятия осмотра никто из авторов не указывает на такой признак. Однако это не значит, что следственный осмотр не проводится принудительно. Например, если местом осмотра является помещение или участок, находящиеся в чьей-то собственности или владении, то собственник или иной владелец вполне может препятствовать производству следственного действия. В этом случае осмотр, как и обыск, может осуществляться принудительно. А если осмотру подлежит жилое помещение, не выступающее местом происшествия, то и процессуальный порядок получения разрешения на производство будет аналогичен порядку обыска. Другое дело, что признак принудительности не является обязательным для следственного осмотра, в отличие от обыска. Если объект никому не принадлежит или находится в свободном доступе (например, участок пустыря или леса, заброшенное строение и т. п.), производство его обыска невозможно (из-за отсутствия критерия принудительности). Зато его можно осмотреть, даже если целью служит отыскание скрываемых доказательств.

На наш взгляд, еще одним критерием отличия, хотя и тоже не абсолютным,

⁴ Баев О. Я. Указ. соч. С. 103.

является характер и степень осведомленности субъекта расследования об искомых объектах. Так, в отличие от следственного осмотра, обыск предполагает относительно точное знание о них. В процессе подготовки к обыску следователю рекомендуется собрать информацию об индивидуализирующих признаках искомых объектов, особенно если таковые не являются предметами, исключенными из свободного оборота, трупами и т. п. Приступая к осмотру, следователь может иметь весьма приблизительное представление о том, какие следы и предметы, имеющие значение для дела, он сможет обнаружить.

ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как уже было указано, следственный осмотр заключается не только в поиске и органолептическом исследовании объектов, имеющих значение для дела.

Не менее важным делом в любом осмотре является фиксация, а при необходимости – изъятие соответствующих объектов, в первую очередь составление протокола данного следственного действия. Протокол служит главным средством фиксации обстановки и найденных в ходе проведенного осмотра следов. Остальные средства фиксации – только вспомогательные, дополняющие протокол, однако от этого их значимость не снижается. Большинство дополнительных средств фиксации гораздо более информативны, передают значительно больше частных особенностей фиксируемого объекта, создают зрительное наглядное представление об объекте и его свойствах, чем существенно повышают качество восприятия обстановки места происшествия и обнаруженных следов, которые могут относиться к преступлению.

Наиболее широко распространенным средством дополнительной фиксации яв-

ляется фотографирование. За почти двухвековую историю фотография прошла огромный путь от элитарных методов, доступных только избранным, высококвалифицированным специалистам, до фотоаппаратов, встроенных в смартфон любого пользователя. На сегодняшний день большинство детей свободно фотографируют смартфоном и получают хорошие фотоснимки.

Этот прогресс давно пришел и в правоохранительную деятельность. С первых дней своего существования фотография активно применялась криминалистами, как при осмотрах, так и в экспертной деятельности. Достаточно вспомнить широко известные снимки, которые производил Альфонс Бертillon в конце XIX в. на местах происшествий, в проведении осмотров которых он участвовал. Также известны и работы Евгения Федоровича Буринского, который стал основоположником судебно-фотографической экспертизы.

В настоящее время фотографирование применяется практически при всех расследованиях. В учебниках криминалистики раздел криминалистической фотографии изучается практически всеми юристами, независимо от профиля подготовки и формы обучения. Изучается как запечатлевающая, так и исследовательская фотография. Осваиваются различные виды и способы съемки, процесс изготовления и оформления фототаблиц (приложений к протоколу осмотра места происшествия). На занятиях обсуждаются вопросы обеспечения полноты, достоверности и объективности полученной с помощью фотографии информации, которая может стать доказательством по делу.

Практически все учебники криминалистики изобилуют информацией, как применять фотографию в той или иной ситуации, какие методы избрать при фиксации того или иного объекта. И это, конечно, правильно. Нарботки, предложенные

практиками и разработанные учеными, весьма полезны и их требуется соблюдать.

Однако современный научно-технический прогресс каждый год предлагает что-то новое, совершенное, что может быть применено в следственной практике. И учебники криминалистики, учебный процесс по подготовке юристов, практическая деятельность должны соответствовать этому уровню и состоянию. Одним из таких вопросов является переход с аналоговой (бромсеребряной) на цифровую фотографию.

Ученые данную проблему начали обсуждать еще в начале нулевых годов XXI в. Первоначально говорилось о том, что для профессиональной фотосъемки в судопроизводстве цифровых фотоаппаратов того времени явно недостаточно и необходимо для этого использовать пленочные фотоаппараты. К середине нулевых годов, когда технические характеристики современных фотоаппаратов улучшились, стали допускать применение наиболее высококачественных экземпляров цифровой фототехники к применению в запечатлевающей фотографии при производстве отдельных следственных действий. Одновременно с этим стали разрабатывать методы обеспечения достоверности и неизменности фотоизображения, предлагая прилагать к протоколу следственного действия карты памяти из фотоаппарата или скопированные непосредственно на месте фотосъемки файлы, записанные на финализированных одноразовых компакт-дисках CD-R.

Но фототехника не стоит на месте. По результатам проведенного авторами опроса практических работников (следователей), большинство из них при производстве осмотра места происшествия не использует имеющиеся в унифицированных чемоданах следователя фотоаппараты, так как они очень быстро устаревают и не соответствуют по качеству представляемых снимков современным

требованиям. Большинство следователей предпочитает использовать собственные фотоаппараты (тогда это, как правило, профессиональные зеркальные цифровые камеры) или, что гораздо более распространено, используют личные смартфоны.

Если с цифровыми профессиональными фотокамерами особых проблем не возникает и сохранение полученных файлов, обеспечение достоверности и неизменности фотоизображения обеспечивается теми же приемами, которые разработаны для всей цифровой фототехники, описаны в учебниках и пособиях, то со смартфонами имеются весьма серьезные проблемы.

Во-первых, существует весьма значительное различие в параметрах таких встроенных камер (разрешение фотоматрицы колеблется от 3–4 мегапикселей до 100 мегапикселей). Во-вторых, степень сжатия изображения находится в весьма широком диапазоне, что существенно снижает и без того неидеальное изображение. В-третьих, объектив таких камер, по сравнению с профессиональными объективами, имеет существенные искажения, особенно по краям кадра, в также сниженную фотосилу, что существенно затрудняет съемку при незначительной освещенности. Поэтому представляется необходимым рекомендовать использовать смартфоны с фотокамерами из высшей ценовой группы как наиболее совершенные и качественные.

В то же время необходимо заметить, что качество фотокамер в смартфонах улучшается и скоро качество съемки смартфона не будет уступать традиционным фотокамерам. Кроме того, камеры в смартфоне обладают часто некоторыми дополнительными преимуществами, такими, как возможность производить панорамную съемку, макросъемку, микросъемку, что существенно повышает интерес к ним.

Вероятно, следует согласиться с возможностью применения смартфонов

при фотосъемке следственных действий при условии, что все требования к применению приемов и методов фотосъемки, разработанные в криминалистике, приемы обеспечения достоверности и неизменности информации будут соблюдаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следственный осмотр является собирательным понятием для ряда следственных действий, различающихся в зависимости от объекта, на который направлена деятельность субъекта расследования, и объединенных единством познавательного метода и задачами, решаемыми в процессе расследования.

Сущность следственного осмотра заключается в поиске, органолептическом исследовании, фиксации и изъятии объ-

ектов в целях обнаружения следов преступления, выяснения обстановки происшествия, других обстоятельств, имеющих значение для дела.

Следственный осмотр необходимо отличать от других следственных действий поискового характера, в первую очередь от обыска. Такие отличия выражаются: в характере принудительности действий субъекта расследования; степени его информированности об искомых объектах; особенностях фиксации результатов.

В настоящее время необходима разработка точного алгоритма использования современных широкодоступных средств цифровой фотографии для фиксации результатов следственного осмотра, в том числе личных смартфонов субъектов расследования.

Список литературы

1. Россинский С. Б. Следственные действия : моногр. М. : Норма, 2018. 240 с.
2. Шатова А. А. Проблемы производства следственного осмотра // Трансформация науки и образования в условиях цифрового общества : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (12 мая 2022 г.). Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2022. С. 69–72.
3. Колмаков В. П. Следственный осмотр. М. : Юрид. лит., 1969. 196 с.
4. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитинформ, 2004. 184 с.

References

1. Rossinskii S. B. *Investigative Actions*. Moscow: Norma Publ.; 2018. 240 p. (In Russ.).
2. Shatova A. A. Problems of Execution of Investigative Survey. In: *Transformation of Science and Education in the Conditions of Digital Society*. Belgorod: Agency of Perspective Scientific Research Publ.; 2022. P. 69–72. (In Russ.).
3. Kolmakov V. P. *Investigative Survey*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1969. 196 p. (In Russ.).
4. Sheifer S. A. *Investigative Actions. Bases, Procedural Order and Evidentiary Value*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2004. 184 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Владиславовна Чельшева, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Александровский парк, 5, Санкт-Петербург, 197046, Российская Федерация), профессор кафедры криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ

ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Chelysheva, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North Western Branch of the Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation), Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Expert and Operational Investigative Activities of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (96 Moika

(Набережная реки Мойки, 96, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-7933>; e-mail: chelysheva2007@yandex.ru;

Станислав Алимович Ялышев, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Александровский парк, 5, Санкт-Петербург, 197046, Российская Федерация), профессор кафедры криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (Набережная реки Мойки, 96, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9384-2375>; e-mail: yalishev@bk.ru

River Embankment, St. Petersburg, 190000, Russian Federation), Doctor of Law (habilitated degree), Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-7933>; e-mail: chelysheva2007@yandex.ru;

Stanislav A. Yalyshev, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North Western Branch of the Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation), Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Expert and Operational Investigative Activities of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (96 Moika River Embankment, St. Petersburg, 190000, Russian Federation), Doctor of Law (habilitated degree), Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9384-2375>; e-mail: yalishev@bk.ru

Поступила | Received
19.06.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
11.09.2023

Принята к публикации | Accepted
11.09.2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (pauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сносок – 12; нумерация сносок сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается УДК.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотация рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);

- не более 15 % источников – монографии;

- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;

- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;
- учебники, учебные пособия;
- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;
- правила, стандарты, патентные документы;
- словари, энциклопедии, другие справочники;
- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;
- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;

- для собственных названий издательств, например: Nauka, Yurlitinform;

- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрискрипные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author’s request enclosed may also be sent to the editorial office’s e-mail (nauka@siblu.ru).

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal’s profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author’s discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author’s discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

– minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

– maximum 15 % sources – monographs;

– references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;

– avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

– dissertations, author's abstracts of the dissertations;

– text books, workbooks;

– statutes and regulatory acts, judicial acts;

– rules, standards, patents;

– dictionaries, encyclopedias, other reference books;

– reports, statements, protocols, statistics data;

– mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (*in English*), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

– to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;

– for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;

– if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

– using Caps Lock,

– bold font,

– two or more consecutive blank spaces,

– tabulation symbols,

– paragraph indent using blank spaces and tabulation character,

– soft hyphens,

– sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *О. В. Арефьева*

Редактор текстов на английском языке: *С. Ж. Капкенов*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-75350

Индекс в подписном каталоге «Почта России» – ПП812

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2023

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 20.12.2023

Подписано в печать 01.12.2023

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 8,53. Уч.-изд. л. 9,06.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Россия

Scientific journal "Siberian Law Review"

Editor: *O. V. Arefeva*

Text editor in English: *S. Zh. Kapkenov*

Desktop publishing and design: *L. A. Zarubina*

Cover desing: *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskommadzor) at April 19, 2019. Registration No. PI № FS 77-75350

Index in the subscription catalog "Russian Post" – PP812

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal "Siberian Law Review" reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal "Siberian Law Review", 2023

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 20.12.2023

Signed print 01.12.2023

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 8.53. Edit. pr. pg. 9.06.

Printed in LLC "Printing Center "Tatyana"

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russia